

№ 1(13). 2016

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

...Россия, Русь, куда я ни взгляну!
За все твои страдания и битвы
Люблю твою, Россия, старину,
Твои огни, погосты и молитвы,
Твои иконы, бунты бедноты
И твой степной бунтарский свист разбоя!
Люблю твои священные цветы,
Люблю навек, до вечного покоя.

Николай Рубцов

**Февраль 2016 № 1 (13)
Калининград**

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционная коллегия:

Григорий Блехман — член Союза писателей России
Дмитрий Воронин — заместитель главного редактора, раздел «Проза»,
E-mail: pimin00@rambler.ru
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Николай Иванов — член Союза писателей России, сопредседатель Правления
Союза писателей России
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Николашин — заместитель главного редактора, ответственный
редактор
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Вадим Салеев — доктор философских наук, профессор, главный редактор
журнала «Артефакт» Белорусской государственной академии искусств
Светлана Супрунова — заместитель главного редактора по разделу «Поэзия»,
E-mail: suprunova60@rambler.ru
Владимир Шемшученко — член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 29 февраля 2016 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии ООО «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт — Roman, кегль 14, межстрочный интервал — 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста — краткие сведения об авторе — *курсивом*. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Публицистика

- Будущее планеты и человечества определяется сегодня.** Интервью главного редактора журнала Л.В. Довыденко с футурологом и социологом профессором Э.С. Демиденко 4

Проза

- Елена Кашева.** Капитолинский холм. *Повесть* 12
Юрий Серб. Маштаков и Ротлиф. *Повесть* 31
Светлана Савицкая. Янтарное сердце моря. *Рассказы* 56

Поэзия

- Геннадий Ёмкин.** *Стихи* 67
Андрей Попов. Молчание реки... *Стихи* 70
Александр Гахов. В подлунной жизни ничего не ново. *Венок сонетов* 73
Александр Красов. Возвращение. *Лирическая проза и стихи* 76

Орловские берега

- Татьяна Грибанова.** Духов день. *Рассказ* 83
Андрей Фролов. *Стихи* 95
Алексей Кондратенко. Русское сердце. *Очерк* 98
Ирина Семёнова. *Стихи* 106
Юрий Оноприенко. Граша. *Рассказ* 109
Елена Машукова. *Стихи* 116

Молодые берега

- Элина Тридевятова.** *Стихи* 119

Литературные юбилеи. К 80-летию Николая Рубцова

- Сергей Багров.** Дорога в рай. *Рассказы о Николае Рубцове* 122

Переводы

Исламо-христианские берега

- Владислав Краснов.** Имам Ильяс Абд аль-Алим Ислам (доктор Морроу) осуждает ИГИЛ .. 129

Шотландские берега

- Джордж Макдональд.** Карачун. *Сказка «для тех, кто невинен и искренен, как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли, или семьдесят пять».* Перевод Риммы Лютой. *Завершение. Начало в № 6 (12)—15* 132

Берега культуры и искусства

- Лидия Довыденко.** Уникальное искусство России. Выставка «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870—1930» 148

Берега Православия

- Анатолий Козлов.** Православный духовный реализм 154

Критика

Минские берега

- Анатолий Андреев.** Гуд бай, литература! Здравствуй, чтиво дивное! 159

Вильнюсские берега

- Георгий Почуев.** Спектр «Единорога...» Арона Гаала. *Эссе* 164

Берега краеведения

- Виктория Кириличева.** Проект Парка маяков в Донском и маяки Янтарного края 167

Наши друзья

- Рекомендуем для чтения 174

Публицистика

Будущее планеты и человечества определяется сегодня.

Интервью главного редактора журнала Л.В. Довыденко с футурологом и социологом профессором Э.С. Демиденко

С 2016 года журнал «Берега» вводит научно-популярную рубрику для широкого круга читателей, которую мы называем **«Будущее планеты и человечества определяется сегодня»**. В ней ставится задача — довести до читателей современные исследования БУДУЩЕГО и нашей цивилизации, и бурно развивающегося мира, БУДУЩЕГО, которое многими мыслителями обоснованно прогнозируется уже сегодня, вопрошая, какое развитие получает социум, как изменяется природная среда. Принято считать, что в связи с бурным и во многом непредсказуемым развитием науки и техники далёкое будущее предсказать невозможно. Только — на близкое временное расстояние. Журнал «Берега»

намерен привлекать широкий круг высоко образованных специалистов — от философов и учёных до тех людей, кто может критически оценить результаты их исследований и выводы, опирающиеся на глубоко обоснованные теории и факты практической социальной деятельности человечества, на те открытия, которые уже сделаны наукой, и те, которые могут быть сделаны уже завтра.

Введение такого раздела, опирающегося на достижения научной мысли и человеческой практики, их всесторонний анализ определяется и многими современными противоречиями, с которыми встречается человечество. С одной стороны, последние три-четыре столетия средняя продолжительность жизни человека в развитых странах мира заметно растёт из года в год и достигла небывалых ранее высот (свыше 70 лет), тогда как в начале нашего летоисчисления и далее в XIV веке ещё составляла примерно 20 лет. Она практически была стабильной всё тысячелетие Средневековья, и только с развитием науки, медицины, индустрии и качества питания стала заметно расти в Европе, затем и во всём мире. С другой стороны, в последние десятилетия она не только стала стабилизироваться, но и появились опасные тенденции ухудшения качества здоровья населения и особенно детей. Так, например, в России в последнюю четверть века (1990-2015 годы) произошло не только заметное снижение продолжительности жизни людей, особенно мужчин, но и ухудшение состояния здоровья детей. Если сплошная диспансеризация школьников в 2002 году показала, что 60% имеет болезни, то 10 лет спустя таковых было порядка 70%. И это не только касается кризисной ситуации общественного развития в нашей стране в связи с переходом от социализма к капитализму, но также и наиболее развитых стран капитализма. Как известно, вместе с ростом продолжительности жизни отмечался высокий уровень и акселерации в мире, в результате чего народы индустриальных стран поднялись в росте за последние два столетия на 10-20 см и более. Но проведенные исследования во второй половине XX века (60-80-е годы) в 28 наиболее индустриально развитых странах показали, что рост онкологии у женщин возрос от промышленных и автозагрязнений в 10 раз, а у курящих женщин при этом — более чем в 200 раз. Сказался техногенный характер курения. Во-первых, соединение никотина с канцерогенами загрязнений, а во-вторых, выращивание табака на минеральных удобрениях с последующим применением химических веществ для привыкания человека к курению. В XIX веке от курения онкологии и не знали, поскольку табак выращивался на биосферных незагрязнённых ещё почвах. Исследования два года назад австралийскими учёными изменений в состоянии здоровья детей в 28 развитых государствах за 40 лет (1970-2010 годы) показали уже и явление антиакселерации, и ухудшение состояния здоровья. Одну милю школьники пробегали уже на 90 секунд дольше, чем 40 лет назад.

Идея этой рубрики принадлежит доктору философских наук Эдуарду Семёновичу Демиденко, работающему с 2007 года профессором Балтийского федерального университета им. И. Канта. По

совместительству он сейчас — профессор Брянского государственного технического университета, который окончил в 1959 году, и возглавляет научно-философскую школу исследований социотехноприродных процессов и социально-техногенного развития мира, достаточно широко уже известную и единственную в мире по такой редкой тематике. Школа признана Российской академией наук (РАН), Российской академией образования (РАО), Российской экологической академией (РЭА), Российской академией естествознания (РАЕ). Он является и Президентом АНО «Всемирная Информ-Энциклопедия» (научкоград Дубна Московской области), разрабатывает сейчас калининградскую мультимедийную информ-энциклопедию, образ которой послужит формированию со следующего года русскоязычного варианта социально-информационной системы «Всемирная Информ-Энциклопедия» (см. сайт kaliningrad.wie.su). Он и его последователи в 2008-2015 годах становились более 30 раз победителями и лауреатами всероссийских (Москва, Сочи) и региональных (Брянск, Калининград) конкурсов на лучшую научную публикацию, в том числе 7 раз и он сам.

Эдуард Семёнович Демиденко

Э.С. Демиденко — автор ряда новых и оригинальных концепций современного развития мира и жизни, неоднократно ставил перед нашей и мировой общественностью вопросы о необходимости исследования нового этапа развития мира, поскольку сейчас идёт переход эволюции жизни на планете Земля, а философия и наука к этому процессу безучастны. В 2011 году он пишет очень жёсткое письмо в Российскую академию наук (РАН) по поводу того, что биосферная жизнь разваливается прямо на наших глазах, а мировая и российская наука концентрируют внимание хотя и на важнейших вопросах экологии, но далёких от решения острейших глобальных проблем, связанных с сохранением жизни. Он требует подключить все интеллектуальные ресурсы РАН для исследований многогранных путей сохранения биосферы и всей биосферной жизни, которая может закончить своё четырёхмиллиардное шествие на Земле всего лишь через 150-200 лет. С уничтожением биосферы, чем человечество и занимается активно и неосознанно сейчас, могут открыться некоторые пути формирования постбиосферной жизни, то есть послебиосферной жизни уже без биосферы. Но зачем, спрашивается, нам идти в такое, по сути, гибельное будущее?

Российская академия наук поручает Институту философии изучить доводы Эдуарда Демиденко, создав группу экспертов из философов и учёных. В письме в Президиум РАН после долгого изучения этого вопроса Институтом философии РАН его директор, академик РАН А.А. Гусейнов отмечает: «Постановка им вопроса о подключении большего числа научно-исследовательских институтов РАН к изучению бурно развивающихся в мире *интегративных социоприродных процессов*, а также приходящей на смену *биосферно-биологической эволюции эволюции социотехноприродной* имеет под собой философские и научные основания. Выдвигаемая и развиваемая его школой *проблематика техногенности общественного и социоприродного развития* расширяет в науке понимание экологической проблематики, особенно в областях трансформации биосферы и человека. Институт может подготовить и провести после консультаций с институтами РАН и философами при финансовой поддержке РАН достаточно широкую научную конференцию по проблематике техногенности развития мира, последствий такого развития, а затем с ведущими учёными РАН выработать окончательное решение, связанное с предложениями Э.С. Демиденко».

Это и позволяет редакции журнала не только организовать беседы для раскрытия нашему читателю научно-философской позиции Э.С. Демиденко относительно глобальных изменений в современном мире, которые могут привести к гибели биосферы и человеческой цивилизации, но вместе с ним и осуществлять поиски решения далеко не простых проблем. Мы надеемся и на участие широкого круга философов, учёных и специалистов, а также других читателей в дискуссиях о будущем на страницах нашего журнала.

исследовал не только то, что он может знать, а и что должны знать люди. Откуда этот звёздный мир, и как появилась наша солнечная система, как появилась на нашей планете жизнь, а также разумное существо — человек. Задолго до Чарльза Дарвина он понял, что этот звёздный мир возник из туманности, жизнь на нём развивалась, а человек произошёл от обезьяны на новом витке её эволюции. Как развивалась биосферная биологическая жизнь, частично дал ответ Ч. Дарвин, указав на её эволюцию, что и сделало его имя бессмертным. А затем и многое конкретное и огромное в знаниях привнесли философы и учёные, которых стало в тысячи раз больше, чем во времена Канта. Среди них российский мыслитель В.И. Вернадский, проникший своей мыслью в мир биосферы и создавший принятое большинством научных мыслителей учение о ней, Н.Н. Моисеев, показавший как она, преобразаясь, разрушается на наших глазах, и многие другие. Но исчерпано ли это познание до конца? И будет ли оно когда-нибудь исчерпано?

Л.Д.: Я понимаю, что передать всё, над чем работал И. Кант, в нашей беседе довольно сложно. Просматриваю поисковые системы Яндекс и Гугл, нахожу Ваши философские монографии и книги, которые расположены на сайте Вашей Всемирной Информ-Энциклопедии, и появляется не только ощущение новизны подхода к исследованию мира сегодняшнего дня, но и отрицание многого из того, что валом валится через многие учебники и лекционные курсы в школьные классы и студенческие аудитории. Всё это логически обосновано на большом статистическом и социологическом материале, но это обоснование улетает куда-то в пропасть, не залёживается в жизни нашей. Люди прочитали — и ушли своей дорогой. Как бы Вы доходчиво для нашего читателя журнала «Берега» не только смогли бы поставить новые вопросы, но и ответить на них?

Э.Д.: Лидия Владимировна, я полагаю, что эти вопросы вечные. Их не стоит ставить по-новому, за ними следует видеть новое содержание того, что же может человек знать в новую для нас эпоху. На закате жизни Канта в мире было всего 5% горожан, а сейчас планета наша наполовину городская. Может быть, первый вопрос немного уточнить, поскольку «могу знать» — сейчас это прорва знаний, в которых тонет и философ, и учёный, и простой гражданин планеты. Я бы сказал так: **«Что я должен знать прежде всего?»** Возьмём несколько фактов из жизни нашей биосферы. За всю историю её развития на планете в разные её периоды проживало порядка 500 млн видов живых организмов, сейчас осталось немногим больше двух миллионов, или всего 0,4%, но какое богатство жизни они составляют! А теперь возьмём другие данные. Индекс «живой планеты» всего за четыре десятилетия (1970-2010 годы) сократился вдвое, на наших глазах гибнут популяции живых организмов. Всего за 10 лет (2003-2013 годы) в США количество пчёл сократилось более чем на 80%, а в 2011 году их в мире погибло около трети. По этому поводу можно услышать возражения: на планете в результате похолодания и других катастроф 6 раз вымирали живые организмы, но затем восстанавливались в более развитом виде, их жизненный прогресс неумолимо продолжался. Но здесь есть определённый нюанс: почвы сохранялись, когда наступали холода, а в них полезные вещества, кладовые гумуса, а сейчас гибнут почвы, мы их даже не проедаем, а сбрасываем в моря и океаны. Ежегодно мы сбрасываем гумуса почвенного более 30 млрд тонн, тогда как в 1920-е годы в 10 раз меньше. Мы что, их проедаем? Нет. При населении 7,3 млрд человек мы всего потребляем около 1,5 млрд тонн питания, а назад в Землю вносим менее половины этого. Земля истощается, а точнее — мы её истощаем, и никому до этого нет дела. Мы организовали смертельный конвейер вместо бывшего биотического круговорота веществ, который можно назвать социально-техногенным. Ежегодно, по свидетельству крупнейшего советского биолога-почвовед В.А. Ковды в 1920-е годы сбрасывали в моря и океаны 3 млрд тонн гумуса, а 50 лет спустя — уже 24 млрд тонн. Вся техника мы лишь частично направляем на получение своих благ, не задумываясь о том, как мы при помощи этой техники убиваем жизнь на нашей планете. Так, городского населения в мире более половины (3,7 млрд), и все биологические городские отходы жизнедеятельности в итоге оказываются или в морях и океанах, или же вместе с химическими отходами отправляются в отвалы, в лучшем случае сжигаются. Итак, 150-200 лет такого хозяйствования — и человечество теряет почвенную основу биосферы. Отсюда и возникает новый вопрос **«Что я должен знать прежде всего, чтобы сохранить жизнь на земном шаре?»**

Л.Д.: Вам удалось, надеюсь, получить и такие знания, при помощи которых можно было бы сделать для себя и других вывод: **«Что я должен делать? Что должны все мы делать, чтобы спасти не только биосферу, но и человеческую жизнь?»** Эти вопросы всё чаще и чаще возникают в нашем

обществе, особенно в среде экологов, которые обеспокоены ухудшающейся в мире экологической ситуацией и не видят путей решения острейших проблем гибели биосферы. Некоторые называют этот процесс деградацией биосферы. Вы мне как-то сбрасывали материалы экспертов РАН и других, которые по предложенной Вами теме и при поддержке академика РАН Ю.С. Пивоварова, его заместителей обсуждали в 2014 году в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) вопрос: «Антропогенная деградация биосферы: есть ли выход из кризиса?» Эксперты внесли немало предложений, что нужно было бы делать, но никто не сказал, что в этом направлении что-то фундаментальное если не делается, то намечается.

Э.Д.: Действительно, ряд глобальных проблем, которые участники Брянской научно-философской школы исследовали, дают ответы на вопрос, что делать. Но мы не рассматриваем это как последнее слово философии и науки, а ставим вопрос перед РАН и властными структурами о том, как подключить огромный потенциал российской науки к этим исследованиям, все 550 НИИ РАН, крупнейшие наши вузы страны (Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска и других). И это должно делаться по общегосударственной программе, рационально, согласованно. Раз в полумиллионном Брянске стало возможным проводить такие исследования и Губернатор даже подписал соответствующий договор с гуманитарным фондом на исследования, то почему нельзя в больших городах? Более того, этот вопрос поставить надо и перед мировой общественностью. Ведь наша биосферная природа находится в силу исторических условий формирования нашей страны в лучших условиях. Но ведь в мире на суше уже более половины некогда почвенных земель (55%) превратились в безжизненные антропогенные грунты. О создавшейся ситуации пишу я в Госдуму, её Комитеты природных ресурсов и экологии, науки и технологий, председателю Госдумы С.Е. Нарышкину, даже премьер-министру Д.А. Медведеву, поскольку Калининградская область получила статус региона опережающего развития, а он возглавлял комитет по данному вопросу. Письмо переслали в Администрацию Калининградской области; там оно и утонуло. В ответ — отовсюду гробовое молчание. Весь вопрос был в этих письмах в том, чтобы ответственные за решающие области нашей жизни, в том числе и сохранение планетарной биосферной жизни, собрали специалистов, людей, которые могли бы на научной основе выработать рекомендации для В.В. Путина, для нашей страны и БРИКС. Ведь в Китае и Индии кончаются бывшие биосферные почвы и особенно биосферное биологическое вещество. Во всём мире продукты питания начинают делать всё чаще и чаще из некачественного сырья.

Ответы на вопросы, которые ставил в своё время Кант, позволят лучше решать и главные вопросы нашей эпохи: ***что представляет собой человек техногенной цивилизации? какова его роль в развитии современной жизни? сохранит ли человечество биосферу, биосферную жизнь и себя как уникальное порождение биосферной природы и развивающегося социума?***

Л.Д.: Эдуард Семёнович, Вы вернулись с очередного московского IV Международного конгресса «Глобалистика-2015», который состоялся 26-30 октября в МГУ. Насколько мне известно, Вы были приглашены и на все предыдущие конгрессы? И как воспринимаются Ваши выводы относительно глобального изменения эволюции планетарной жизни и даже «кончины биосферы» в ближайшие 150-200 лет?

Э.Д.: Спокойно. Далеко не все понимают это, а кто и понимает, не спешит расставаться со своими выводами, переходить на чужую для него позицию. Посудите сами, в мире существует порядка 500 наук и на их основе 15 тысяч научных дисциплин. И редко кто заглядывает в концепции и теории своего соседа, разве что, когда их идеи пересекаются, и приходится их яро защищать. Относительно «кончины биосферы», как Вы выражаетесь, я выступал два года назад, доказывая, что с приходом «человека разумного», которого с натяжкой можно назвать таковым, и укреплением его научно-технической базы на Земле, происходит смена эволюции жизни. Об этом, но в других выражениях, говорил В.И. Вернадский и его французские соратники — математик и антрополог Э. Леруа и католический священник и П. Тейяр де Шарден. Именно они приходят к выводу, что быстрое саморазвитие биосферы заканчивается. Если на протяжении всей её истории развития живые организмы изменяли, преобразовывали поверхность планеты Земля, возводили зелёный шатёр жизни, то с приходом «человека разумного» он не только становится первым и единственным разумным животным на планете, но сильнее, с большим успехом изменяет природу самой биосферы, чем до него все живые организмы, вместе взятые. И изменяет далеко не в лучшую сторону. Он использует

биосферу для удовлетворения своих потребностей, не заботясь о жизненных потребностях других живых организмов.

Л.Д.: Речь идёт о переходе биосферы в ноосферу, в её более высокое состояние, как об этом пишут? Откровенно говоря, что-то не бросается это в глаза. В посёлке Александра Космодемьянского, городском посёлке, горы мусора хоронят уже природу, а в самом Калининграде, пока ещё цветущем, загазованность авто разъедает человеческое здоровье, особенно детское.

Э.Д.: Да, сам процесс положительного изменения биосферы человечеством впервые усмотрел В.И. Вернадский, сравнив вооружённое знаниями и техникой человечество с геологическими силами Земли. С идеями учёного о биосфере познакомилась и многие французские мыслители, когда он был во Франции во второй половине 1920-х годов. В свою очередь, математик и антрополог Э. Леруа отметил два крупнейших события за всю историю развития нашей планеты: 1) витализацию материи, то есть появление и развитие жизни на Земле, и 2) гоминизацию биосферы, то есть социализацию её человечеством с формированием ноосферы. Э. Леруа вводит понятие ноосферы в научный оборот и рассматривает ноосферу как итог совокупного воздействия людей на биосферу. Не более того. Но в то же время П. Тейяр де Шарден отмечает ещё одну особенность нового мира, который творит человек: «на смену естественному приходит искусственное», и оно уже появляется в «разливе полей, нив, фабрик и заводов». Сам же Вернадский считал, что ноосфера будет строиться не стихийно, а сознательно «ассоциированным человечеством». Как создавались окультуренные организмы. К сожалению, человечество пока не занимается строительством ноосферы, более того, оно уничтожает биосферу ежечасно и ежеминутно. Для чего? Во имя своего блага, понимая его варварски и переводя природную красоту и мощь в свою домашнюю крепость.

Л.Д.: Проблема развития биосферы — это прерогатива всё же биологов, ведь Чарльз Дарвин впервые создал теорию эволюции биожизни, а термина биосфера тогда ещё не существовало. Он появился позже, в 1875 году, в трудах Э. Зюса, австрийского геолога, а затем уже и Вернадский в 1926 году издаёт свою книгу «Биосфера», в которой, действительно, совсем по-новому трактуется биосфера и принимается биологами, а затем уже и другими учёными. Как Вы решились вступить на этот довольно скользкий путь, будучи не биологом, а инженером, социологом-урбанистом, а затем и философом. По сути, Вы приняли теорию Дарвина и теорию Вернадского, но заявить об изменении эволюции жизни в настоящее время — не опасно ли? Сама биосферная жизнь, видимо, снесёт человека, который пока что сносит её.

Э.Д.: Действительно, я никогда не задумывался о том, что биосферно-биологическая эволюция жизни меняется на наших с Вами глазах. В 1974 году я поступил в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК КПСС, чтобы защищать диссертацию по научно-техническому прогрессу, поскольку был по образованию инженером, а по своей многолетней деятельности — комсомольским и партийным работником в Калининграде после двух лет работы на авиационном заводе «Пермские моторы». Свою жизнь я органично связывал с развитием социализма в СССР и общественной работой, но без глубоких знаний научно-технической революции, происходящей со второй половины XX века, общественная работа превращалась в фикцию. Это была не только моя потребность, но и интересы всего государства. В Академии при выборе темы академик Академии наук СССР Виктор Григорьевич Афанасьев, заведующий кафедрой научного коммунизма, решительно заявил: «Сейчас научно-техническую революцию исследуют все, кому не лень, в этой области работает большой коллектив исследователей, а вот процесс урбанизации остаётся вне внимания и учёных, и партийных работников». «Я даже не знаю, что это такое», — возразил было я. «Я тоже не знаю, но города растут как грибы после дождя. А мы и не думаем о том, хорошо это или же плохо».

Л.Д.: Следовательно, пришлось сдать?

Э.С.: Да, пришлось, и об этом не пожалел, поскольку это вывело меня на новое видение развития планеты и общества — на крышу техносферы как новой реальной действительности. В неё переходят из села вначале люди, а затем подтаскивают туда растительный и животный мир, появляется даже сельское хозяйство в городах, которое превращается в сады и огороды горожан. Если на земном шаре в 1800 году было всего 45 млн горожан, то сейчас уже 3,7 млрд, то есть больше примерно в 80 раз. Города существуют примерно семь тысячелетий, а урбанистический рывок сделали только в последние два столетия на базе машинного производства. Это — целый новый мир, о котором и не подозревают биологи, мир, по массе сравнимый с массой биологического биосферного живого

вещества. Я уже говорил, что о смене эволюции жизни я выступал с докладом на прошлом форуме, а сейчас с продолжением этой темы — о глобальных направлениях развития мира, тех мегатрендах, которые пока в мире никто, кроме меня, не исследовал. Но обратимся к Форуму «Глобалистика-13». Именно биологи на Международном Форуме и заметили мой доклад. Они отметили то, о чём не имели пока представления сами, поскольку далеки от понимания сущности техносферы, искусственного мира, который творит человечество взамен естественного, живого. Пока нет ещё глубокого массового знания о техносфере, о том доме, который мы строим, о новой крыше жизни, под которой скрывается уже постбиосферный, искусственно творимый биологический мир — генетически модифицированный. Нет глубокого знания и о взаимосвязи и взаимодействии техносферы и биосферы, о том, как и какими путями творится новый мир, притом далёкий от понимания его даже Вернадским. 25 октября 2013 года я выступил с докладом «Глобальная эволюция: от биосферно-биологической — к социотехнобиологической модели жизни», а уже 5 ноября тезисы доклада были выставлены на сайте МОИП — Московского общества испытателей природы при МГУ, организованного ещё в 1805 году, то есть 210 лет назад. На следующий день они были уже воспроизведены в системе Гугл. Но многих ли это тронуло? Многие ли вздрогнули хотя бы от того, что мир стоит на грани своей глобальной гибели? Не какие-то мифические пришельцы из космоса пришли его уничтожить, а мы сами, своими руками.

Л.Д.: Я полагаю, что и не могли многие это узнать. Информация сейчас настолько многообразна, что выбрать из неё то, что необходимо человеку в первую очередь, как Вы говорите, очень сложно. Это только одна сторона дела. А вторая — насколько она обоснована научно. А затем ещё и какими науками? Их много, и они далеко друг с другом не стыкуются, каждая из них «роет» свои знания. Только в РАН сейчас 550 НИИ, а в стране порядка 1000 различных научных институтов. А вузы тоже дают немалую научную информацию. Далеко ходить не надо — Ваши многие теории и концепции пришли не из НИИ, а из вузов, где Вы работали. Экологи, притом в массовом порядке, отстаивают, по сути, те же добрые принципы, что и Вы, Эдуард Семёнович, — это сохранение биосферы, сохранение почв и первозданной природы, преодоление их промышленных и других загрязнений. И многое, многое другое.

Э.Д.: Да, это так. Но всегда нужно стучаться в первую очередь в окна великих этого мира, в кабинеты к тем, кто находится в центре круговорота нашей грешной, иначе её никак не назовёшь, жизни. Я и стучался около двух лет в окошко Председателя комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы В.И. Кашина — ни ответа, ни привета. Добился встречи. Первый раздражённый вопрос ко мне: «Вы — философ, чего Вы лезете в почвы? Здесь свои специалисты есть. Я академик по этим вопросам, поэтому и не отвечаю на Ваше некомпетентное письмо. Занимайтесь своим делом. Вы пишете, что гумус исчезает. А ведь кроме гумуса, что даёт нам полезные вещества?» «Минерализация, — отвечаю, — но она в десятки и даже сотни раз медленнее пополняет почвы полезными веществами. Прежде, чем писать Вам письмо о формировании общественной организации по спасению биосферы, я консультировался с академиком Г.В. Добровольским. В своей статье «Тихий кризис планеты» он очень хорошо показывает, к чему мы идём, теряя основу биосферы на суше, но не затрагивает в ней других важнейших частей биосферы». Кашин несколько смягчился и пообещал приглашать меня для консультаций по экологической проблематике при подготовке законопроектов. Уже два года собирается.

Л.Д.: Следовательно, Вы не можете сказать, обращаясь к Канту, на что же смее надеяться?

Э.Д.: Приходится надеяться, увы, только на то, что почвы, как уничтожались, так и будут уничтожаться, лес, как рубился, так и будет рубиться, то есть основа биосферного богатства будет гибнуть. Несмотря на все усилия путинского Народного фронта, это преступное дело продолжается, потому что «фронтоников» мало, а Кашины в Думе не относятся к «фронтоникам», хотя они при помощи ясных законов не должны давать возможности желающим набивать карманы деньгами за счёт лесных ресурсов. Лес рубят и по делу, но больше кругляк идёт на вывоз за границу, внутри страны — на рекламную бумагу, которой забивают почтовые ящики граждан в жёсткой конкурентной борьбе, но опять же выигрывают не граждане от этого, что исчезают леса и их дары природы с ними, то есть исчезает жизнь. Беда наша в том, что каждый чин бережёт сейчас своё доходное место, особенно в Государственной Думе, где ему положена заоблачная зарплата, составляющая 12-15 профессорских зарплат, не прилагая тех государственных усилий, на которые

рассчитывает общество. Для примера: руководитель бывшего СССР Л.И. Брежнев получал всего две профессорские зарплаты того времени. И за 18 лет его правления, как отмечал в газете «Совершенно секретно» журналист-«единоросс» А.Е. Хинштейн, в новые дома переселилось почти две трети населения страны. При этом нужно иметь в виду, что абсолютное большинство из них получили квартиры бесплатно. Четверть века прошло, мы и бесплатных квартир не получаем, за исключением узкого круга специалистов-государственников, и зарплата не дотягивает до былой советской, у профессора она в два раза меньше, то есть даже не на уровне советского доцента. Большинство из находящихся у власти — вовсе не государственники, а либералы-рыночники, устраивающие спекулятивные кризисы и раздающие направо и налево российские богатства за границу за бесценок.

Л.Д.: Да, я Вас понимаю, Эдуард Семёнович, и смею надеяться, что наш журнал откроет в помощь Народному фронту свой народный фронт, без чего нам не решить многих насущных вопросов благополучного развития России. Или Вы уже не надеетесь ни на что, в отличие от И. Канта?

Э.Д.: Лидия Владимировна, теряешь надежды, когда встречаешься со многими фактами в Государственной Думе, которая должна думать, как решать острейшие народные проблемы. Пишу я аналогичное письмо далее председателю Государственной Думы С.Е. Нарышкину, но передаю через Комитет по науке и технологиям, чтобы вместе с академической наукой и разобрались. А затем дали Президенту соответствующий материал для работы с БРИКС, реализуя предложение организовать международный консорциум «Биосфера», деятельность которого стоило бы направить на сохранение и почв, и лесов, и биосферного вещества. То есть не только решить свои проблемы с исчезновением почв и лесов, но и показать всему миру, куда нужно всем двигаться для сохранения жизни на планете. Создавать ли нам бесконечное количество бизнес-технополисов, или всё-таки экополисов, целью которых и является сохранение биосферного биовещества и возрождение биосферной жизни. Ведь люди уже наглотались техносферной онкологии и всего прочего. Председатель же комитета науки и технологий, академик двух академий — Российской и медицинской — В.А. Черешнев, полагаю, по инерции передаёт письмо В.И. Кашину, а тот присылает мне очередной ответ о том, что-де будет советоваться со мной. Наконец, пишу письмо президенту РАН В.Е. Фортову об этом же, а позже передаю персонально через свою ученицу кричащие письма в Думу депутатам В.А. Черешневу и Ж.И. Алфёрову. Я нисколько не принижаю их огромнейших заслуг перед страной и миром, но и они молчат. Алфёров и Фортов появляются в Калининграде спустя много дней — как раз помогать делать нашу область опережающей в плане развития. Свои предложения я писал вначале Губернатору Н.Н. Цуканову, а затем и Д.А. Медведеву как раз о том, чтобы решать проблему экономии почв за счёт многократного использования биологического вещества. Начиная с кухонного, как это делалось в СССР, но уже на новой технологической основе. Я кричу: «Гибнет биосфера, гибнет биосферная жизнь, гибнет человек! Зачем нам такая наука, которая уничтожает жизнь? Людям нужна наука поддержки и даже возрождения гибнущей жизни!»

Л.Д.: Благодарю Вас, Эдуард Семёнович, за беседу на эту захватывающую тему, которая продолжится в следующих номерах журнала. Уверена, что наши авторы и читатели включатся в дискуссию.

Проза

Елена Кашева

Родилась в 1975 году в Арзамасе-16. Работала журналистом в газете «Саров», редактором в «Первой саровской газете», в настоящее время является выпускающим редактором в газете «Новый город». Прозу печатала в издании «Роман-журнал XXI век», в альманахах: «Земляки» и «Арзамасская сторона», в журнале «Нижегородская провинция», в сборнике «Порвавшие паутину» (Минск, 2006). Автор двух книг прозы. По её повести «Рассмешишь бога» снят одноимённый телефильм. В 2006 году – лауреат конкурса Петра Васильевича Еремеева. Член Союза писателей России. Живёт в Сарове.

Капитолинский холм

Повесть

Меньше всего любви достаётся тем,
кого мы больше всех любим.

Июньские вечера в нашем провинциальном городке безмятежны и тихи. Спадает утомляющая нудная жара. Долгожданный ветер тянет прохладцей, забавляется занавесками раскрытых окон и балконных дверей. Мужички за столом стучат в домино и потягивают пиво из бутылок. Женские голоса на все лады выкликают заигравшихся во дворе детей.

Я сижу на балконе, очищаю с босоножек расплавленный солнцем асфальт и курю.

— Дверь закрой, — сердится муж, — дым в комнату идёт.

В доме напротив загораются огоньки.

На пятом этаже в двухкомнатной квартире сидит почтенная Марьиванна, учительница начальных классов на пенсии, и смотрит новости.

На третьем курят в открытое на кухне окно мать двоих детей Лиза Иванова и её подруга — художница Сидорова. От Лизы недавно ушёл муж — отправился искать лучшей доли. А Сидорова на днях провела персональную выставку, и все художники обсуждают её акварель «Ангел в житейском море».

На четвёртом этаже светятся сразу три окна: зал, детская и кухня. Окна спальни выходят на другую сторону. В этой квартире живёт Капка, моя подруга детства. Мне видна её русая голова, склонённая над вышивкой.

У Капки — самый красивый балкон на всей улице, а то и в городе. Не балкон — ботанический сад. На трёхъярусных подвесках умещаются девять цветочных ящиков, в которых причудливо сплетаются разноцветные кружева ампельных петуний, водопад сиреневых лобелий, махровые розетки кремовых бархатцев и чайных роз. К вечеру раскрывают лепестки грустные маттиолы, и воздух наполняется нежным щемящим ароматом. Прохожие невольно замедляют шаг и поднимают голову. Может быть, им представляется прекрасная юная садовница с золотистыми кудрями и синими глазами.

Но у Капки нет ни золотистых кудрей, ни синих глаз. Маленькая, как подросток, щуплая, с острыми скулами и острым подбородком, с умным немного насмешливым взглядом. Никому в голову не придёт назвать её красавицей. Но редкий человек не обратит на неё внимания, потому что Капка обладает удивительным обаянием, какой-то душевной лёгкостью, чистотой.

Мне кажется, людей вроде Капки Господь задумывает для того, чтобы нам было с чем сравнивать. Если когда-нибудь вам покажется, что судьба к вам несправедлива, а количество скорбей зашкаливает, звоните — я непременно отведу вас к Капке. Обещаю замечательный душевный вечер, с песнями под гитару, домашними пончиками, пропитанными маслом, и травяным чаем, похожим на божественный нектар. И когда вы уйдёте домой, то напрочь забудете свои печали. А если и не забудете, они покажутся вам сущей мелочью, о которой и беспокоиться не стоит. Потому что любая жизнь по сравнению с жизнью Капки — сказка, райское блаженство.

Только, пожалуйста, не выдавайте меня ей. Она не примет ни жалости, ни сочувствия. Единственным своим настоящим несчастьем моя подруга считает собственное имя. Скажите на милость,

из сотен женских имён её мама выбрала для своей единственной дочери нелепое, громоздкое и тяжеловесное — Капитолина, навевающее смутные ассоциации то ли с американским Капитолием, то ли с «Капиталом» Карла Маркса.

Подруга убеждена, что её назвали Капитолиной исключительно из чувства досады.

Отец Капки бросил мать беременную. Обещал на ней жениться, но потом передумал. Однажды мать ушла в женскую консультацию, а когда вернулась, обнаружила, что её любимый собрал свои вещички и был таков, оставив на память десять рублей наличными и записку: «Прости».

Аборт делать было поздно.

Роды прошли тяжело: тётю Милу семнадцать часов лихорадило и трясло, а когда, наконец, ребёнок выдавили из женщины простынёй, как зубную пасту из тюбика, роженица с ужасом увидела, что дочка — копия блудного папаша: такой же нос уточкой и сросшиеся над переносицей брови.

— Не девочка, а Капитошка какая-то, — морщась от боли и неприязни к новорождённой, выговорила мать и, обессиленная, отвернулась.

Так Капка получила своё имя.

Когда дочери было полгода, тётя Мила вернулась в родительский дом, в ту самую трёхкомнатную квартиру, где живёт и поныне. Отец — Семён Александрович — человек суровый, строгий, занимающий ответственный пост — сначала блудную дочь не пустил на порог. Громко, как по покойнице, выла запертая в комнате жена Семёна Саныча, но муж был непреклонен.

Тётя Мила спустилась во двор, поставила чемоданчик с вещами в тенёк, под ветвистую старую липу, села, достала грудь и стала кормить Капку, как ни в чём не бывало.

Так они сидели до следующего утра. Семён Саныч иногда выходил курить на балкон. Ольга Сергеевна уже не голосила, а тихо всхлипывала, утирая слёзы платком, но не решалась спуститься к дочери, пожалеть. Соседи, наблюдавшие за этой сценой из окон, возмущались, кричали, чтоб Семён Саныч перестал изгаляться хотя бы над внучкой, ни в чём не виноватой. Кричать кричали, а на ночь никто не забрал кормящую мамашку с младенцем.

Моя мама, когда вспоминает об этом, оправдывается:

— Уж больно крут был Семён Саныч. Пришёл бы, двери выбил, а вытащил бы дочь обратно, на улицу.

— А вы бы милицию вызвали, — сержусь я. У меня в голове не укладывается, как можно так издеваться над близкими людьми, но пуще того — как можно на это смотреть и ничего не делать.

— Вызовешь тут! — горько фыркает мама. — Пришли бы эти милиционеры, посмотрели и ушли. Потому что Семён Саныч — это же силища была в те времена!

Тётю Милу пустили домой утром. За Семёном Санычем пришла служебная машина. Он вышел — в наглаженном костюме, ни единой пылинки, в начищенных хороших ботинках, с кожаным портфелем в руке — как с глянцевой картинкой; вышел и сказал тётю Миле:

— Ступай. Хоть слово от тебя услышу — выгоню.

Тётя Мила взяла одной рукой чемодан, устроила поудобнее на другой руке Капку и с независимым выражением лица направилась к подъезду. Семён Саныч еле сдержался, чтобы не отвесить беспутной дочери увесистый шлепок — чтоб сидеть до ночи не могла.

Так они и стали жить-поживать: Капка, тётя Мила и её родители.

Жили плохо. Громко.

Семён Саныч попрекал дочь куском хлеба, хотя сам же нашёл ей приличную работу, помог перейти на заочное отделение и высшее образование получить, как говорится, в люди вывел. Наконец решил пристроить дочь в хорошие руки, жениха ей нашёл с должностью, но дочь накануне свадьбы таблеток наглоталась. Еле выжила.

— Зря тебя откачали, — сказал Семён Саныч, когда дочь бледная и слабая после больницы вошла в квартиру. — Позор от тебя один.

Маленькая глупая Капка заплакала.

С замужеством, таким образом, было покончено.

Вечером семейство тётю Милы выходило на прогулку: впереди прыгала Капка с пластмассовым ведёрком в руке, позади, не глядя ни на кого, выступала, гордо задрав непокорную голову, тётя Мила; замыкала шествие семенящая мелкими шажками Ольга Сергеевна со свирепым выражением лица, готовая наброситься на любого, кто осмелится подойти к непутёвой дочери или бестолковой внучке.

— Пано-о-оптикум! — качала головой моя мама, наблюдая за вечерним променадом соседей. — Милку-то не жалко — давно бы могла уйти от них, хоть в общежитие, хоть в барак, хоть на Север удрала бы. Капку жалко. Искалечат ребёнка.

Но Капка оказалась живучей.

Она как фильтр просеивала дурные черты своих близких и оставляла себе лучшее: от Семёна Саныча — ответственность, чувство долга, от Ольги Сергеевны — решимость защищать своих родных любой ценой, от матери — независимость и гордость. От себя же добавила жизнелюбия, смешливости и невероятного терпения.

Помню, нас отпустили на реку. Было такое же горячее сухое лето. Мы, разморённые жарой, лежали на городском пляже, приклеив на носы листья подорожника, и лениво переворачивались с бока на бок, как гусыни на вертеле.

Нам было по пятнадцать, и мир лежал перед нами неосвоенной целиной: приходи, завоёвывай!

— Что теперь? — спросила я Капку.

— В медучилище. Потом в институт. Стану невропатологом, буду людям помогать, — позёвывая, ответила подруга.

— Бежать тебе надо от них.

— От кого?

— От домашних. Съедят. Превратят в тётю Милу. Будешь ходить с неврозом на лице.

— С ума сошла! — изумилась Капка. — Как же они без меня?

Я аж приподнялась на локте, чтобы получше разглядеть подругу: не случился ли с ней ненароком тепловой удар:

— Капка, ты понимаешь, что у вас не семья, а... а... банка со скорпионами?!

— Какая есть, — лениво ответила подруга. — Другой не будет, правда?

Медицинское образование Капке пригодились. Когда она заканчивала второй курс, после инсульта слегла Ольга Сергеевна.

Привезли её домой из больницы высохшую, съёжившуюся, парализованную на правую сторону, положили на диван и задумались: что дальше? К тому времени был самый разгар «перестройки». Тряслись под чиновниками кресла. Кто-то организовывал свой бизнес, кто-то красился в демократический цвет, уходил в оппозицию, одним словом — выживал. А Семён Саныч был стар и слаб. В прежние времена устроил бы жене прекрасный уход, лучшие санатории, лучших врачей. В нынешние — мог только сидеть у постели Ольги Сергеевны и прятать глаза, чтобы не видеть её окаменевшую правую сторону лица и тонкую нитку слюны, сочащуюся с уголка губ.

— Не плачьте, дедушка, не плачьте, бабушка, — сказала семнадцатилетняя Капка. — Разве это горе? Мы справимся.

Домашние с удивлением вытаращились на Капку. Старшие понимали, какая это обуза — лежащий больной в доме. И Ольга Сергеевна понимала, и стыдилась себя, своей немощи. Она прошлепала непослушным ртом, мол, неужели её вытащили с того света, чтобы она смердела на этом?

И никто не сказал ей слов утешения.

Никто, кроме Капки.

— Неправильный у вас подход, бабушка, — сказала Капка. — Вы у нас одна такая, и смердеть вы не будете, а будете лежать у меня, как королевишна, и отдыхать... У вас такая жизнь трудная была, пора бы и о себе подумать.

Ольга Сергеевна отвернулась. По левой, здоровой, щеке сползла неприметная слезинка.

После занятий Капка неслась домой вприпрыжку: дел невпроворот. Утку подать, помыть, протереть бабушку хлоргексидином, чтобы не было опрелостей и пролежней, покормить чем-нибудь вкусненьким, отварным, витаминным. Но самое главное — поговорить.

Уроки Капка учила у постели бабушки. Читала вслух учебник по два-три раза, оживлённо пересказывала Ольге Сергеевне строение рибонуклеинов, но та не отвечала — сил не было и желания. Ольге Сергеевне хотелось закрыть глаза и просто перестать существовать. Капка раздражала своим оптимизмом, энергией. И своим терпением тоже. Ольга Сергеевна надеялась на скорую смерть, но шли месяцы, а смерть не торопилась. Человек же, с неприятным изумлением осознала Ольга Сергеевна, привыкает ко всему — даже к неподвижности.

И она привыкла. Привыкла к Капкиным проворным рукам, её звонкому голосу, забавной улыб-

ке — вон, левый клык как косенько стоит... С Капкой было легче, чем наедине с собственными мыслями. Легче, чем с дочерью, которая давно отгородилась от родных глухой стеной. Легче, чем с мужем, с которым прожила без малого сорок лет.

Семён Саныч сильно сдал, уйдя на пенсию. Борьба за жизнь в новых условиях сил у него не было. Приходилось доживать прежнюю. Он замкнулся, обрюзг, стал ворчлив и гневлив. К жене подходил редко — она лежала жёлтая, как глина, иссохшая, на белоснежных заботливо взбитых подушках немим укором его ушедшему могуществу.

Теперь власть в доме принадлежала тётке Миле. Она распрямилась, стала хлопать дверями, греметь кастрюлями. Трясла с родителей пенсию: надо на что-то жить, а на что жить, когда самой зарплату не платят, а в магазинах всё втридорога? Открыто смеялась над отцом: ну, и что ты нажил за свой век, ответственный партийный работник? Стоило быть таким жёстким, таким непримиримым, таким борющимся за всеобщее благо?

Семён Саныч скрипел зубами, хватался за сердце. Ольга Сергеевна безмолвно плакала в своей комнатке, слушая насмешки дочери. Горькая слюна заполняла рот. Встать бы, как прежде, взять ремень потоньше и нахлыстать свое бездушное чадо за непочтение к родителям...

Мало того, тётя Мила вспомнила вдруг, что её женский век ещё не кончен, и во всю прыть понеслась догонять ушедший поезд молодости.

— Ля-арва, — скрипел Семён Саныч, с восьми вечера поджидая сорокалетнюю дочку на балконе. — Придёт — выдеру, как сидорову козу... Во-о-от она во всей красе, полюбуюсь, Капитолина, на свою маму! Замуж не пошла, помнишь? Во-о-от раскрылась вся её натура... В кого? В кого?! Падшая женщина! Ольга, Ольга, это всё ты, потатчица! Твоё воспитание. Посеяла — жни-и!

— Дедушка, вы бы в комнату шли, — откликнулась Капа. — Простудитесь. У вас лёгкие слабые. И ещё вы много курите.

— Мои лёгкие! Хочу — курю, хочу — не курю! — огрызался Семён Саныч. — А захочу — от рака помру, чтоб вам всем тошно стало.

Сказано — сделано...

Через полгода у Семёна Саныча нашли рак лёгких.

Пришёл его черед лежать обессиленным на кровати, напротив жены, и слушаться Капку.

Правда, в отличие от Ольги Сергеевны Семён Саныч оставался словоохотливым.

— На рельсы, говорил, ляжет, если цены подымутся, — зло, с подсвистом, выговаривал Семён Саныч жене. — Ля-ажет он, как же! Подымутся-подымутся... С голоду сдохнем. Так что не горюй, Ольга Сергеевна, недолго нам с тобой осталось...

Ольга Сергеевна принималась плакать. Она боялась голода.

— Дедушка, — вмешивалась в монолог Семёна Саныча Капка, — если вы будете пугать бабушку, я вас переведу из этой комнаты к матери.

Семён Саныч принимался густо и надсадно кашлять, делая вид, что замолкает по уважительной причине. Но стоило Капке выйти из комнаты, он принимался за старое. Раскрывал газету «Спид-Инфо»:

— Щас я тебе, Ольга Сергеевна, ликбез проведу...

Но Капка не теряла бдительности:

— Дедушка, вы откуда эту мерзость взяли?

— У матери твоей. На столе лежала. Вот тут пометочка есть карандашная, сейчас я тебе процитирую...

Капка решительно отбирала газету и относила в комнату матери.

— Как не стыдно, дедушка! Брать чужие вещи — это плохо!

— Это мой дом! — взрывался Семён Саныч. — Здесь всё — моё! И та пакость на Милкином столе — моя! Все вы тут — из милости моей находитесь. А вот как выкину всех вон! Всех вон!

Ольга Сергеевна отворачивала лицо к стене.

— Хватит, напугали всех до дрожи в коленках, — спокойно прерывала деда Капка. — Чай будете?

— А есть что к чаю?

— Булка.

— Ну, хоть булку, — соглашался Семён Саныч. — И телик выключи. Там мужика показывают,

который на рельсы грозился лечь года три тому назад, а у нас психика то-о-онкая, нам этого слушать нельзя, да, Ольга Сергеевна?

В редкие минуты отдыха мы встречались с Капкой во дворе. Семён Саныч пристально следил за нами с балкона.

— Как сыч, — фыркала я в его сторону.

— Он просто волнуется, — безмятежно говорила Капка и вытягивалась на лавочке. — Боится, что злые люди научат меня пить пиво и курить.

— Капа! Сядь прилично! — доносился сверху грозный голос Семёна Саныча.

Капка послушно садилась и приветливо махала дедушке рукой: всё хорошо, не нервничай.

— Тебе не надоело? — любопытствовала я.

— Иногда бывает, — признавалась Капка.

— Сваливай в институт. Пусть мать за ними смотрит, нечего по мужикам шляться, хорошо устроилась.

— Не хаами. В том, что они такие, нет их вины.

— Как это — нет?!

— Ну, они же не пришельцы из космоса, — улыбалась Капка моей непонятливости. — У них тоже были мамки-папки, дедушки-бабушки. Их растили, как умели. А уж сейчас не переделаешь.

— И что теперь? — возмущалась я. — Капка, ты посмотри на себя! На меня посмотри! Мы юны! Мы прекрасны! Мы можем всё! А ты свою юность, лучшие годы — на что, на кого?!

— Ленка, ты всё же бестолковая, хоть и журналистка. Время-то какое пришло! Кто подлее, тот герой. А я не хочу, понимаешь? За семью надо держаться.

— А они оценят и звезду героя тебе на грудь повесят? — злилась я.

— Не оценят, — соглашалась Капка. — Я, видишь ли, обнаружила новую болезнь человечества. Душевная дистрофия называется. Каждый человек хочет, чтобы его любили, но редкий способен начать с себя и полюбить кого-то. Поэтому сидят в своих норках, ждут любви и чахнут без неё.

— А ты — доктор?

— А я тоже дистрофик. Знаешь, как мне хочется любви! Чтобы кто-то подошёл, обнял крепко-крепко так и сказал бы, мол, Капитолина Викторовна, вы самый лучший человек для меня на белом свете, люблю вас так, что никакими словами передать невозможно!

— Это ты про Лёшку из седьмого подъезда?

— Это я про кого угодно. Хоть про маму, хоть про бабушку с дедушкой. Только они никогда мне такого не скажут. Не умеют. Слов таких не знают. И я тоже чахну без любви. Дистрофик, который таскает на себе других дистрофиков и надеется дожить до изобретения лекарства, — инъекции любви. Хлоп — и ты весь в любви, и мир прекрасен!

— Ка-а-апа! — зовёт с балкона Семён Саныч. — Домой! У меня с сердцем что-то...

Капка уходит, а я ложусь спиной на лавочку, смотрю в темнеющее небо, в россыпь блёклых июньских звёзд, и мне почему-то становится невыносимо больно, будто я только что подхватила вирус душевной дистрофии.

Семён Саныч ушёл из жизни первым.

Ушёл в тяжёлых страданиях. Несколько суток Капка просидела рядом с дедом, делая уколы, капающая физраствором, обтирая его горячий лоб влажным полотенцем. В приступе боли Семён Саныч сжимал руку внучки с такой силой, что чёрные, с переливами, синяки долго ещё напоминали Капке о тех страшных днях.

Плакала беспомощная Ольга Сергеевна.

Скрежетала зубами, зажимая ладонями уши, тётя Мила. Курила на кухне в форточку, пила сердечные капли и молила всех богов, чтобы этот кошмар закончился.

А когда стало тихо-тихо, и все услышали, как в ванной капает вода из смесителя, тётя Мила заскулила, не размыкая губ, раскачиваясь на табуретке, как душевнобольная. Ей хотелось сказать отцу много разных слов, при жизни не решалась — теперь их было некому говорить.

Спустя месяц угасла Ольга Сергеевна.

Ушла, никого не потревожив, пока домашние спали.

Капка сама обмывала тело бабушки и говорила, что весила Ольга Сергеевна, как ребёнок, и позвончик проступал сквозь тонкую, как пергамент, ломкую кожу хрупкими катушками.

За два дня до смерти Ольга Сергеевна, предчувствуя свой уход, неожиданно взяла руку внучки, прижала ладошкой к своим губам, потом к щеке.

Капка смутилась.

— Это от нас, — с трудом выговорила Ольга Сергеевна. — От меня и от Сёмы...

В день похорон шёл дождь.

Шёл дождь. Мы брели по улице под чёрными зонтами. Мои босоножки уже промокли насквозь.

— Теперь ты свободна, — сказала я Капке.

— Мне не нужна свобода от родных, — ответила подруга.

Она уже простилась с мечтой об институте. Жизнь стала совсем трудной, невыносимой. Тётя Мила сказала: иди, Капка, работай, потом разберёшься с образованием. И Капка пришла в отделение неврологии постовой медсестрой. Сутки через двое. Тридцать коек. Половина — тяжёлые, требующие неукоснительной заботы, внимания. Другие медсёстры не надрывались: больных много, зарплата маленькая, что вы хотите? Капка была другой закваски: взялась за дело — чтоб никто за тебя не краснел. Как Семён Саныч учил. Чёрной работы Капка не боялась: когда санитарки не попевали, Капка управлялась сама. И тяжёлых ворочать научилась так, чтоб лишней боли не причинить. И пролежни обрабатывала ловко, и уколы делала — как комарик укусил. Пациенты её любили. Дарили перед выпиской цветы и конфеты. Брали номер телефона — на всякий случай. Капка привыкла, что её окружают люди недужные, а потому раздражённые и даже агрессивные, и относилась к ним тепло, как к малым детям, которые ищут утешения, но не находят его у себе подобных. И я не знаю, откуда она брала столько любви, но мне казалось, что вместо сердца у Капки неиссякаемый родник. С губ её никогда не сходила улыбка, и печаль не омрачала её глаз.

В двадцать Капку выдали замуж.

Началось всё с проблем тёти Милы. Видимо, не так уж неправ был Семён Саныч в отношении моральных и умственных качеств своей дочери. Связалась тётя Мила с женатым мужиком. Жена узнала — не стала плакать в подушку, взяла молоток и вызвала любовницу на откровенный разговор.

В итоге — у тёти Милы черепно-мозговая, против жены — уголовное дело, мужик мечется между двумя бабами в попытке решить конфликт относительно мирным путём.

Соседи умирали от смеха, историю рассказывали, как анекдот.

А Капка забрала мать из травмы в неврологию и принялась выхаживать.

Бывшего любовника матери она застала в палате в тот момент, когда он со слезами на глазах умолял тётю Милу забрать заявление из милиции: скажешь, мол, бывает всякое, зла не держу. И деньги предлагал.

Мать спряталась под одеяло — видны были только растерянные глаза и белая повязка на обритой голове.

Капка ухватила неожиданно сильными пальцами незадачливого любовника за локоть и вывела из палаты.

— Капитолина Викторовна, ну что, вам легче будет, если мою жену посадят? — вопрошал любовник в отставке.

— Не легче. Но так — справедливо.

— Вы хотите ей жизнь сломать?

— Интересно, а вы чем занимались, когда от жены на сторону бегали? — поинтересовалась Капка, сощуриив ехидненько левый глаз. — Наверное, семейную жизнь укрепляли?

— Она страдает, — оправдывался любовник.

— Мать тоже.

— Но ничего страшного не случилось!

— У меня к вашей жене только один вопрос, — строго сказала Капка. — Почему она к матери с молотком пошла? Я бы вас дождалась...

Любовник сник, осторожно высвободил локоток и исчез из поля зрения.

Мать заявление забрала, от денег отказалась. Она сосредоточилась на тяжёлой и абсолютно неоригинальной идее, что всё зло на свете — от мужчин.

В эти дни и попутало всегда такую разумную и осторожную Капу, впервые оставшуюся в одиночестве. Понравился ей некий молодой человек по имени Юра. Юра к ней тоже благоволил, даже более того — Капкино внимание ему страшно польстило. Потому что свет, который шёл

от Капки, манил к себе любого. И всегда вились возле этой неказистой медсестрички юноши. Только Капкиного расположения никто не снискал — некогда ей было молодыми людьми интересоваться. А тут — и время появилось, и возможность.

В общем, повела Капка глазами вокруг себя, да и остановилась на Юре — здоровенном парне, кровь с молоком и чуб кудрявый. Ходили вечерами гулять вдоль крохотной мутной речки, в которой кроме мелких — в пальчик — окуньков да пескариков никакой рыбы не водилось.

Целовались. У Капки с непривычки в первый день кровь из губы пошла.

Юра даже стал подумывать, как бы с этой девушкой у неё дома один на один оказаться — он бы не оплошал.

А тут тётя Мила поправилась, выписалась на домашний режим. Лежала на той самой кровати, где когда-то умирала Ольга Сергеевна, охала-вздыхала, жаловалось на головную боль и слабость.

Капке стало опять некогда.

Юра сидел вечерами на лавочке в тени одряхлевшей липы и смотрел в окна любимой. А тётя Мила за ним подсматривала из-за занавески. Думала: прогнать или оставить. Справки стала наводить: чей мальчик, где работает, какие у него перспективы, не замешан ли в чём.

Пока решала, быть или не быть Капка, соскучившаяся по Юре, допустила стратегическую ошибку — пустила любимого в дом чайку попить. День в разгаре, до дежурства — целые сутки, тётя Мила ушла в поликлинику на осмотр.

Сидели Капа с Юрой на кухне, пили чай с вареньем из чёрной смородины, когда дверь в квартиру распахнулась и ураганом ворвалась враз ожившая тётя Мила.

— Ага! — закричала она с порога. — Попались! Вот теперь ты, сморчок такой, должен как порядочный человек на моей дочери жениться!

Юра отставил чашку с недопитым чаем, встал из-за стола, расправил богатырские плечи, посмотрел сверху вниз на субтильную тётю с неврозом на лице, торжественно откашлялся и... согласился.

Свадьба была скромная. Юра предлагал Капе перейти к его родителям пожить. Тётя Мила тут же сунула зятю фигу под нос:

— Вырастишь свою дочь — отдавай, кому хочешь. А моя — со мной останется.

Юра пару дней размышлял на тему, надо ли ему проявить мужскую твёрдость и забрать жену на свою территорию или проявить к тётце великодушие.

Проявил великодушие.

Потому что в его-то родном доме было примерно то же самое: мама и бабушка, обе слегка не в себе от длительного одиночества.

В день сговора мама и бабушка пришли в дом тётки Милы и провели дотошный осмотр квартиры.

— Бедненько, — сказала мама и поджала губы.

— Скудненько, — поддержала бабушка и тоже поджала губы.

— А ведь такая семья известная! — сказала мама.

— Очень известная, — поддержала бабушка.

Переглянулись и противно захихикали.

Тётя Мила покраснела и поправила на голове парик.

Будущая сноха Юркиной родне тоже не понравилась.

— Худенькая, — сказала мама.

— Дохленькая, — поддержала бабушка.

— А вы меня кормите получше — разжирею, — посоветовала Капка.

Юрка покраснел и выразительно подёргал невесту за рукав блузки.

— Нагленькая, — сделала вывод мама.

— Нахальненькая, — поддержала бабушка.

— С кем поведёшься, — в тон им ответила Капка и нежно посмотрела на Юрку.

Мама и бабушка поперхнулись и замолчали.

Тётя Мила уперла руки в бока и, воспользовавшись паузой, повела сговор.

Долго Юрке вспоминался тот вечер, когда он с родственницами домой возвращался.

— Противненькие! — возмущалась мама.

— Интеллигентненькие! — поддакивала бабушка.

Впрочем, жизнь с тётшей тоже была не сахар.

Показалось тётке Миле, что она продешевила. Можно было, наверное, партию и позавидней отыскать. Не беда, что Капка — копия прохиндея, зато домовитая, смиренная и вообще. А теперь Юрка — как ржавый гвоздь в пятке. Но ситуация ещё поправимая: надо Капку поскорее развести. И повела тётя Мила долгие и нудные разговоры с дочерью на всякие околонуужиковые темы. Вода камень точит, а человек — не камень.

Капка маму слушала и только улыбалась в ответ.

— Чисто блаженная, — сплонула однажды с досады тётя Мила.

— У меня ребёнок будет, мама, — сказала Капка.

— Дура! От детей одни неприятности...

— Ничего, может, ты его полюбишь...

Тётя Мила скривилась.

Юрка беременности жены обрадовался. Очень ему мальчика хотелось. Чтоб вырос — высокий, широкоплечий, и чтоб чуб кудрявый был. Без чуба — не та картинка.

Родилась девочка. С врождённым подвывихом бедра. Копия Капки, соответственно — без вести пропавшего много лет назад прохиндея.

— Вот живучая порода, — злилась тётя Мила. — Ну, и кому этот уродец будет нужен? Капа, сдай её в монастырь, там всё равно, какая внешность.

— Я вас сам сдам в дом престарелых, как только здоровьице засбоит, — пообещал Юрка тётше.

— Самого сдам, в милицию, плёвое дело, — вставила руки в бока тётца. — Ты ж тут без прописки живёшь.

— А я от вас в Интернете спрячусь, — пригрозил Юрка, который работал программистом.

Тётца ещё не знала, что такое Интернет, и на всякий случай испугалась.

Пока Юрка и тётя Мила каждый день выясняли отношения, Капка пеленала дочку. Девочке дали специальные распорки на шнуровке, надеясь, что подвывих удастся выправить. Каждый раз, меняя подгузник, Капка расшнуровывала распорки и снова зашнуровывала. Десять минут на всё про всё. Двадцать-тридцать раз за день. За ночь. Шнуровала и напевала:

Ты у меня одна, словно в ночи луна,
Словно в степи сосна, словно в году весна.
Нету другой такой ни за какой рекой,
Ни за туманами, дальними странами.

Крохотная краснощёкая Иринка напряженно всматривалась в лицо матери, и в глазах её младенчески неопределённого цвета выросло что-то извечно мудрое, непостижимое человеческим разумом.

Юрка пробовал помогать жене, но его огромные ручищи не справлялись с распорками. Дочке было больно, и она плакала. Юрка злился. Руки его тряслись, и он чувствовал себя самым бесполезным человеком на свете.

— Что, папаша? — ехидничала тётца. — Говорила вам: нечего детей заводить. Не слушались? Вот и шнуруйте.

— Вы бы помогли, — с трудом сдерживая ярость, предлагал Юрка.

— Не могу, — вежливо отказывалась тётя Мила. — У меня третья группа инвалидности. Голова кружится.

— Эгоизм у вас третьей группы...

— Капа, ты слышишь, что он мне сказал, твой бугай?!

— О! Уже в бугая вырос, — радовался Юрка. — А начинал со сморчка такого...

Юрка лелеял надежду, что в один прекрасный день тётшу — с пробитой головой — хватит кондрашка. Тогда она будет лежать тихо-тихо в своей комнате и не отвечивать.

Тётя Мила лелеяла надежду, что зять запутается в шнурочках и сбежит.

А Капка ходила по врачам: подвывих у дочки никуда не исчезал.

В два года Капка с Иришкой уехали в ортопедическую клинику на операцию.

— Трудно было? — задавала я Капке дурацкий вопрос.

— Ха! Больничные стены для меня как родные... Как будто на работе, только без выходных...

Тёмные круги под глазами и заострившийся нос говорили о другом. Но Капка — вы помните — жаловаться не привыкла.

Операцию сделали неправильно. Подвывих остался. Иринка ходила на крошечных костылях, переваливаясь, как кряква.

Как прожили полгода без Капки тёща с зятем — неизвестно.

Капке они ответили хором:

— Хорошо!

Но не смотрели друг на друга.

А Капка заметила, что посуды на кухне резко убавилось, и косяк в ванной залатанный.

Когда Иринка отложила в сторону костыли, слегла тётя Мила.

— Я как та птичка из поговорки, — резюмировала Капка. — Хвост вытащила — клюв увяз...

А всё из-за жары, страшной тяжёлой жары, от которой трескалась земля и листья на деревьях сворачивались в колючки кактусов. Утром тётя Мила ушла, как обычно, на работу, а через два часа Капка принимала в неврологии собственную мать с инсультом. Травма головы не прошла бесследно.

Юрка от счастья впервые запил. Готовился тётю закопать и порвать два баяна на её могиле. Как тут не запить?

Но тётя Мила проявила свою обычную твёрдость характера и буквально воскресла из мёртвых, к Капкиной радости и зятевой печали.

— Что, зятёк, не вышло по-твоему? — полюбопытствовала тётя Мила, едва переступив порог дома.

— Честно, Людмила Семёновна, не ждал от вас такой подлости, — признался Юрка, слегка похмельный и обрюзгший.

Тётя повела носом, точно гончая на охоте:

— Ты теперь ещё и пьёшь?

— Пью. Честно, пью, Людмила Семёновна.

— Не ждала от тебя, зятёк, такой подлости...

Она проковыляла в свою комнату, легла на старый диван и стала рассматривать трещинки на потолке.

Юрка пожал плечами и ушёл за добавкой.

Капка села на кухне, опустила голову на руки и впервые за много-много лет заплакала.

А потом почувствовала, что её глядят по коротко стриженным волосам.

Подняла глаза — рядом Иринка. Правый бок чуть оттопырен — подвывих.

— Не плачь, мама, — сказала девочка. — Я тебя люблю. Очень-очень. Правда.

Капка посадила дочь на колени, крепко обняла — худенькую, с просвечивающими позвонками-катушками:

— Я тоже тебя люблю... Ты — моя инъекция любви.

Иринка ничего тогда не знала о душевной дистрофии, которая давным-давно сразила наповал её близких. Но, возможно, именно тогда своей светлой детской душой, открытой всему хорошему, она уловила, от чего так страдает её мама и — главное — как можно ей помочь.

Она росла на редкость смыслённым ребёнком, на редкость самостоятельным, в чём-то даже слишком серьёзной девочкой, но ведь она исполняла великую миссию — была инъекцией любви.

Семилетняя Иринка однажды спросила у тётки Милы:

— Бабушка, за что ты так не любишь мою маму?

Тётя Мила на пару мгновений потеряла дар речи. Иринка смотрела на неё в упор, не отводя серых, не по возрасту пронизательных глаз.

— С чего ты взяла, внученька? — фальшивым голосом произнесла, наконец, тётя Мила. — Я её очень люблю...

— Нет, — решительно ответила Иринка. — Так — не любят...

Десятилетняя Иринка спросила у Капки:

— Отчего бабушка такая обзлённая?

Капке, в отличие от тётки Милы, не нужно было лгать:

— Потому что она очень несчастная.

— Почему?

— Потому что человеку для счастья всегда чего-то не хватает.

— Чего? — настаивала Иринка.

— Ну... Кому здоровья, кому денег, кому любви...

— С бабушкой всё понятно, — поразмыслив, сказала Иринка. — А чего не хватает папе?

— Смирения.

— А что такое смирение?

Капка засмеялась, потрепала дочь по волосам:

— Я думаю, смирение — это умение принимать жизнь с миром.

— А это как?

— А так: очень просто и легко жить, когда у тебя нет проблем, несчастий, когда тебя окружают исключительно добрые, умные и любящие люди. Но в жизни иначе: и от проблем никуда не деться, и у каждого человека свои чудинки, странности, комплексы. Вот папа думает, что все его проблемы — из-за бабушки. И не понимает, что если рядом не будет бабушки, будет кто-то другой. А если принимать бабушку «с миром», и вообще всех людей — «с миром», то никто не помешает папе быть счастливым.

— Выходит, они несчастливы потому, что не умеют быть счастливыми? — спросила умная не по возрасту Иринка.

— Выходит, так.

— А чего тебе не хватает для счастья?

— Покоя, — призналась Капа.

На её лице отчётливо проступали следы многолетней усталости. Ведь семья — не работа, от неё нельзя взять отпуск.

Когда Капка вечером падала в постель, на краешек рядом с поддатым храпящим Юркой, ей на грани сна и яви виделся какой-то стоящий на холме бревенчатый дом на каменном фундаменте. Вокруг — старый сад. Пахнет прелыми листьями и натопленной баней. Над деревьями низко нависают осенние тяжёлые облака. И от этой картины в капкиной душе наступали долгожданные мгновения покоя и тишины. Она даже придумала название этому холму-мечте — Капитолинский.

— Там очень хорошо, — рассказывала мне Капка. — Между яблонями можно натянуть гамак, и мама там могла бы лежать, дышать свежим воздухом, читать книжки. Иринка играла бы. Юрка занимался бы мужскими делами и не пил. А я бы сажала розы. Много-много роз...

— В чём проблема? — улыбалась я. — Купи дачу. Но сначала купи машину, чтобы было на чём домашних возить.

— Хорошая мысль! — воодушевилась подруга.

Через полгода она уже сдала на права и купила в кредит подержанный «жигулёнок».

В свободное время мы с Капкой ездили по окрестностям и искали подходящий домик с подходящим участком. Варианты были самые разные, но подруга оказалась очень придиричивой.

— Ну, как можно иметь дачу в деревне Дурнево?! — восклицала Капка, пока «жигулёнок» со стоном и скрежетом пробирался по разбитой сельской дороге. — И вообще дом не на холме.

— Сдался тебе этот холм! — сердилась я. — Что за блажь?!

— Это не блажь. Это мечта. А мечты должны исполняться в точности.

— Тогда ты точно никогда не купишь дачу. Идеальных вариантов не существует.

— Мы просто плохо ищем.

Капке минуло тридцать. Она стала тоньше и суше, первые морщинки собрались в уголках глаз, но её внутренний свет не погас под давлением обстоятельств. Она по-прежнему ещё надеялась на что-то, и её вера в любовь как в единственное средство исцеления душевной дистрофии порой раздражала меня. Пора бы спуститься с небес на землю и признать своё поражение: её инъекции любви домашним — пустая трата времени. Потому что вместо душ у них бездонные чёрные дыры: сколько ни закачивай в них самого лучшего, самого светлого — всё поглотят и не наполнятся ни на йоту.

— Для твоих домашних единственное лекарство — скалкой по голове, — вразумляла я Капку. — Один раз взбунтуешься — и они присмирят. Вот увидишь. У меня муж, когда начинает терять чувство реальности, я его лечу скандалами. Один раз даже посуду поколотила. Правда, не

об него, а об стену. Зато потом месяц меня не доставал придирками.

— Не хочу скалкой, — лениво отзывалась Капка. — Не хочу посудой. Не хочу с волками жить и по-волчьи выть. Это неправильно.

— Правильно — вот так терпеть, на своей горбушке их тащить?

Капка не злилась на меня:

— Послушай, Ленка, я не тащу их никуда. Я — капа.

— Что-о-о?!

— Ну, это штука такая, которую боксёры перед боем в рот вставляют, чтобы ненароком язык не откусить. Прослойка. Вот и я — прослойка между мамой и Юркой, между Юркой и Иринкой, даже на работе — прослойка между врачами и пациентами. Кто-то должен быть капой, иначе люди друг друга сгрызут.

— Да почему же именно ты?!

— А если больше некому?

Мне хотелось постучаться головой об стенку.

Когда Иринке исполнилось тринадцать, Капка снова уехала с ней в ортопедическую клинику.

На этот раз всё прошло хорошо. Вот только держать Иринку, загипсованную от пояса до коленей, в больнице никто не стал — отправили домой: приедете, когда нужно будет гипс снимать.

Иринка свою неподвижность сносила терпеливо. Каждый день к ней приходили учителя, Юрка купил дочери плеер с наушниками и телевизор, чтобы не скучала. Тётя Мила наотрез отказалась ухаживать за внучкой:

— У меня руки болят. Коленки болят. Всё болит.

Капка взяла руки матери, внимательно осмотрела их и сказала:

— Давай-ка, мама, мы с тобой пройдем обследование.

— Ещё чего! Это просто старость.

— Мама!

— Тебе болячек мало? Не ищи их там, где их нет!

Прошло несколько месяцев, и тётя Мила оказалась в неврологии с диагнозом ревматоидный артрит. Болезнь развивалась стремительно. Каждый шаг отзывался страшной болью, пальцы рук скрючило — тётя Мила с трудом держала ложку в руке.

К тому времени, когда с Иринки сняли гипс и поставили на костыли, тётя Мила уже находилась на постельном режиме со второй группой инвалидности.

Это была самая тяжёлая больная на капкином жизненном посту.

Свою болезнь тётя Мила никак не могла принять. Ей казалось, что судьба к ней несправедлива и оттого каждое утро начинала с проклятий в пустоту. Она и раньше себе не нравилась, а теперь и вовсе ненавидела: и свои скрюченные пальцы, и свои измученные суставы, и своё лицо, на котором закрепилось высокомерно-брезгливое выражение.

Лежачую тётю Милу одолевают мрачные мысли. Она не отгоняет их, напротив — охотно пускает внутрь. Это похоже на зубную боль, которую можно усилить, раскачивая зуб. Скучное развлечение, но лучше, чем ничего.

Когда тёте Миле становится скучно и досадно, что на неё, лежачую, уже двадцать минут никто не обращает внимания, она выкликает дочь грозным голосом:

— Капитолина, поди сюда!

Капка откладывает дела в сторону и, засунув ноги в расшлёпанные тапки, послушно бредёт в комнату матери.

— Капитолина, ты дура! — строго говорит тётя Мила. — Зачем ты вышла замуж за это ничтожество?

— Ма-а-ам...

— Где была твоя голова?!

— Ты же сама возмущалась: почему это он в гости просто так пришёл...

— Правильно! Потому что в моё время порядочные мужики сначала женились, а потом уже ходили в гости.

Капка старается сохранить невозмутимое выражение лица, но в глазах проскакивают предательские смешинки.

— Что ты смеёшься? — мгновенно вскипает тётя Мила. — Никакого почтения к старшим. Иди отсюда.

Капка уходит в детскую.

Тётя Мила возмущенно поворачивается на спину и смотрит в давно не белёный потолок. Если б она могла ходить, то сию секунду выкинула бы Юрку-дармоеда вон на улицу. И сказала бы напоследок: «Прохиндей! Все вы мужики одним миром мазаны!» Картинка, как живая, встаёт перед глазами тётя Милы, но она понимает, что даже если у неё хватит сил встать с постели, то выкинуть бугая Юрку никак не получится. Ею снова овладевает досада, и она раздражённо нажимает кнопку телевизионного пульта. В конце концов, она уже научилась разговаривать с телевизором.

Но и телевизор не радуется. Тётя Мила смотрит на экран пустыми глазами, а сама обдумывает очередное несправедливое обстоятельство.

— Капитолина! Поди сюда!

Капка снимает фартук на кухне, откладывает в сторону поварёшку и плетётся к матери.

— Капитолина, ты дура! Ты могла бы стать врачом, и я сейчас была бы здорова. А ты всего лишь навсего медсестра. Только горшки таскать научилась. Никакой пользы от тебя.

— Мам, ты забыла. Тогда время было трудное.

— Я всё помню! — высокомерно отвечает тётя Мила. — Проще всего прикрываться обстоятельствами. А на самом деле ты — неудачница.

— Неудачница, — миролюбиво соглашается Капка.

— Ну что ты всё лыбишься?! Иди отсюда!

Капка смиренно идёт обратно на кухню. Проходит мимо детской, где, обложившись учебниками, лежит Иринка, и весело подмигивает дочери. Та посылает в ответ воздушный поцелуй. Они похожи на двух заговорщиц. Цель их заговора — не поддаваться унынию и тоске, которая подобно угарному газу сочится из комнаты тётя Милы. В другой комнате перед монитором компьютера сидит Юрка с покрасневшими от напряжения глазами. Иногда он прикладывает к бутылке пива, чтобы снять усталость. К вечеру он пьян и зол.

Капка печёт воздушные заварные пирожные и подмурлыкивает себе под нос что-то оптимистическое, не подозревая, что судьба уже приготовила для неё новые обстоятельства. правда, она не стала банально стучать в дверь. Она позвонила по мобильному.

— Ничего не предвещало несчастья, — рассказывает Капка с неизменной улыбкой на губах. — Обычный день. Обычные хлопоты. И вдруг... Звонок на мобильный. Номер неопознанный. Говорю вежливо: аллё? А мне откуда: Капа? Здравствуй, доченька, это твой папа... Хорошо, что я на табуретке сидела. Могла бы запросто упасть от избытка чувств.

— Он откуда взялся?

— А я спрашивала? — удивляется Капка. — Говорит: вот, мол, приехал в ваш город по делам, остановился в гостинице «Центральная», приходи, посмотри на меня, старика.

— Я бы послала куда подальше.

— Не-е-е... Я бы от любопытства умерла. Столько лет слышать про «этого прохиндея» — и ни одним глазком на него не взглянуть?! Я пошла. Сразу же пошла. И знаешь что? Как он дверь открыл, я тут же поверила, что он — отец. Прохиндей прохиндеем. Нос уточкой и брови над переносицей срослись. Как в зеркало посмотрелась.

— И что?

— Ну, посидели с папой, выпили малёк винца, чтобы хоть как-то разговориться. И тут он меня ошарашивает: дорогая моя Капочка, меня жена из дома выгнала, жить мне негде, работы у меня нет, поскольку я инвалид, после автомобильной аварии на один глаз ослеп, поэтому, доченька, забери меня к себе по-хорошему, а то я на тебя в суд подам и алименты потребую.

— Скотина!

— Я говорю: что ж ты сразу с угрозами, папочка? Я тебя возьму, конечно, только не сегодня — надо тебе место приготовить. И потом — предупреждаю: жить будешь в одной комнате с мамой.

— А он?

— А он — грудь колесом, руки вот эдак сложил и говорит: требую отдельной комнаты!

— А ты?

— А я говорю: могу предложить делить комнату с внучкой, но туда вторая кровать не поме-

ститися, поэтому спать будешь на полу. Могу предложить ещё край дивана подле Юрки. Он, когда трезвый, ничего, смиренный, а когда пьяный — едва один на этом диване помещается.

— Где же он, этот герой — карман с дырой?

— Завтра привезу.

— Капка, ты, правда, дура. Зачем тебе нужен этот прохиндей? К тому же без жилплощади и слепого на один глаз?..

— Пригодится, — важничает Капка.

— Ой, сдаётся мне, что будет он у вас тут как один козёл из сказки — прожорливым гостем...

— Отец всё же...

Тётя Мила была чрезвычайно заинтересована перестановкой, которую Капка в тот же вечер затеяла в её комнате.

— Ты зачем тут ещё кровать поставила? Ей сто лет в обед, она на балконе простояла после смерти отца, выцвела и рассохлась.

— Надо, — скупно отвечала Капа.

— А в шкафах тебе чего надо? Кому полки освобождаешь?

— Мало ли...

— Юра! Юра, хоть ты объясни, чего эта сумасшедшая затеяла!

— А я в курсе? — пыхтел зять, собирая кровать с помощью гвоздей и молотка. — Сказала: надо...

— Кому надо?! Вы тут что себе позволяете?! Это мой дом! Здесь всё — моё! Все вы тут — из милости моей находитесь. А вот как выкину всех вон! Всех вон!

— Мама, не кричи, давление поднимется...

— А пусть поднимется! — распалила сама себя тётя Мила.

— Кондрашка хватит, — обрадовался Юрка.

— Моя кондрашка! Захочу — хватит, захочу — нет!

Юрка аж молоток в сторону отложил и с признательностью уставился на тещу: вдруг не обманет?

— Мам, чаю хочешь? — миролюбиво предложила Капка.

— Не надо мне вашего чаю, — обиделась тётя Мила. — Вы туда цианистого калия подсыпете когда-нибудь... Поди, и место на кладбище заказали...

И заплакала, прикрыв лицо носовым платком так, чтобы одним глазом видеть реакцию домашних.

Капка пожала острыми плечами и пошла на кухню.

Юра, прихватив молоток и гвозди, отправился следом.

— Злые! — закричала вслед тётя Мила. — Злые и бессердечные люди! В дом инвалидов сдамся — там и то лучше будет...

Иринка в детской надела наушники и сделала музыку погромче.

Следующим утром прохиндей торжественно вошёл в дом, споткнувшись на пороге и едва не свалив на пол вешалку.

Поставил в прихожей чемоданчик — наверное, тот самый, с которым когда-то бежал от беременной тёти Милы.

Огляделся:

— Бедненко...

Из своих комнат вышли Иринка и Юра.

— Это что за хрен с горы? — удивился Юрка, рассматривая жиденького человечка с большими залысинами, на вид — прохиндея, от которого давно отвернулась удача.

Человечек тоже внимательно рассмотрел обрюзгшего богатыря Юрку через очки с линзами, достойными астрономических телескопов, выразительно втянул ноздрями кислый запах перегара:

— А я ваш тесть, уважаемый, — и прищёлкнул каблучками стоптанных ботинок. — Виктор Васильевич.

— Обалдеть! — изумился Юрка. — Чаю попить зашли?

— Не откажусь...

— А в чемодане — сахар?

— В чемодане — мои вещи, — строго сказал прохиндей, снял очки и протёр их платком не первой свежести.

— Поня-атно...

И Юрка спрятался обратно за компьютер.

Капка подхватила прохиндейский чемодан и внесла его в комнату матери:

— Сюда проходите...

Соседи потом рассказывали, что крик тётки Милены был слышен на всю улицу. Уж она костерила прохиндея непотребными словами, уж рыдала, хваталась за сердце, грозилась умереть сию же секунду... Да что толку? Капка — вся в папашу, такая же чёрствая и бессердечная — на истерику тётки Милены особого внимания обращать не стала. Дождалась, когда мать обессилеет, уколола успокоительное, давление померила. И сказала, строго глядя на мать и прохиндея:

— Как хотите, находите общий язык. Не моя вина, что вам приходится жить теперь вместе, но скандалов и драк не потерплю. Если что — оформлю над обоими опеку, и будете вы у меня недееспособными, ясно?

Тётка Мила и прохиндей только глаза вытаращили на своё чадо.

— Хорошо ты дочку воспитала, — сказал прохиндей тётке Миле.

Та взяла с прикроватного столика тарелку с салатом и бросила в прохиндея. Целилась в голову, но промахнулась.

Прохиндей обиделся и решил никогда не разговаривать с тёткой Миленой. Так и молчал до самого ужина.

Не знаю, в самом ли деле Капка надеялась найти прохиндею практическое применение или просто утешала себя, но поначалу толку от дяди Вити не было никакого. Напротив — хлопот прибавилось, потому что прохиндей оказался чрезвычайно инициативным. Он охотно вставал к плите и пробовал что-то готовить, но блюда его невозможно было не то, что кушать, — даже нюхать. Он пытался мыть посуду, но по слепоте своей промахивался мимо раковины или сушилки, и по полу разлетались десятки острых фаянсовых осколков.

Пенсия по инвалидности у дяди Вити была крошечная, зато в голове его теснились сотни идей, как легко и быстро разбогатеть. Он щедро делился своими замыслами с дочерью. Капка слушала внимательно, согласно кивала головой. Но поскольку каждый замысел прохиндея начинался словами «нужен первоначальный капитал», Капка перестала держать в доме наличность.

Впрочем, польза от прохиндея всё-таки была. С его появлением в доме тётка Мила забыла о пьющем зяте, о дочери-неудачнице, о внучке на костылях. Её мир сузился до размеров дяди Вити.

Вечерами из комнаты взрослых доносились негодующие вопли тётки Милены:

— Какая я тебе Люся? Где ты здесь Люсю видишь? Я — Мила! Имя такое хорошее — Мила! Нашёл себе Люсю! Люсю-люстру...

— А дочь Капитолиной назвать, это как, Люся?

— Моя дочь — как хочу, так и называю!

Когда у тётки Милены начинали болеть голосовые связки, она включала телевизор, пульт от которого превратился в символ семейной власти — его тётка Мила никому не отдавала, а на ночь прятала под подушку.

Она презирала стосерийные сериалы, но не могла допустить, чтобы дядя Витя смотрел футбол или чемпионат по бильярду. Желание досадить близнему перевешивало нелюбовь к плоскому «мылу». Тётка Мила невыразимо страдала, выслушивая стоны и всхлипы очередной упитанной смуглой доньи Хуаниты, и искренне предлагала ей поменяться местами. Прохиндей тоже страдал и, закатив здоровый глаз в потолок, предлагал обменять слепоту на глухоту.

Устав от присутствия тётки Милены, вздыхающий прохиндей отправлялся в гости к зятю в соседнюю комнату.

Юрка сидел, приклеенный к монитору, и разгонялся пивом. Запах перегара впитался в стены, ковёр, постельное бельё. Можно было захмелеть от самого воздуха.

— Пьёшь? — грустно интересовался прохиндей.

— Пью, — не отрицал Юрка.

— Наливай.

Юрка, не отрываясь от компьютера, шарил рукой возле стола, находил початую бутылку пива и не глядя протягивал тестю.

Запах усиливался, каменел.

Капка, закончив дневные дела, уходила к Иринке, стелила на пол матрас и сворачивалась там клубочком. Она долго не засыпала. Иногда её посещали печальные мысли, что души её домашних действительно похожи на чёрные дыры, и все усилия тщетны. Но на кровати спала, подложив под нежную щёку тонкую белую руку Иринка, и Капка умиралась: не мне, так хоть дочери выпадет лучшая доля.

Она не подозревала, что дочь не спит, а раздумывает, чем помочь матери. В конце концов, от прохиндея Иринка унаследовала не только внешность, но и авантюрное мышление. Иринка чувствовала, что ответ на семейные вопросы лежит на поверхности, что простые решения — самые верные, но увидеть простое в сложном никак не могла.

Ответ пришёл сам собой, по наитию.

За несколько дней до Нового года Капка, отправившаяся на корпоративную вечеринку, пропала без вести. Ушла к пяти вечера, а к восьми ещё не вернулась.

— Напилась, — предположила тётя Мила. — У них, медиков, так принято: чистый спирт, солёный огурец и, как следствие, половая распущенность. Ира, заткни уши.

— Не выдумывай, — отвечал прохиндей. — Наша Капа никогда не напивается.

— Что значит «наша»? — возмутилась тётя Мила. — Не сбежал бы тридцать лет назад, была бы «наша».

— Дурочка! Я ж тебя спасал.

— Это как?

— Я тогда валютные дела проворачивал, — признался прохиндей. — Меня посадили первый раз сразу, как я от тебя ушёл.

Тётя Мила побледнела и принялась нащупывать на столике сердечные капли:

— Что значит «первый раз»? Что это значит, Витя?

— Потом был второй, — позёвывая ответил прохиндей.

Тётя Мила заплакала:

— Где эта пьяница Капа? Придёт — убью!

Ей было страшно остаться один на один с бывшим зэком.

Прохиндей пошёл на кухню за стаканом воды, но на обратном пути запнулся о порожек. Стакан разбился в коридоре, вода расплескалась. Прохиндей расстроился. Тётя Мила заплакала громче: она была уверена, что зэк, обманом затесавшийся в их семью, сейчас всем перережет глотку «розочкой» из разбитого стакана. Иринка подхватила костыли и пошла за тряпкой.

— Дайте мне мобильный! — сквозь слёзы закричала тётя Мила. — Сейчас я ей устрою!

Но вежливый холодный голос в телефонной трубке сообщил: «Абонент временно недоступен. Попробуйте позвонить позднее».

— Дрянь! — заорала тётя Мила и швырнула мобильный в прохиндея. Целилась в голову, но промахнулась: прохиндей уже научился уворачиваться от летящих в его сторону предметов. Иринка домыла пол в коридоре и приковыляла к бабушке с дедушкой. Села на пол, неловко выворачивая больную ногу, и стала собирать из кучки запчастей полноценный мобильный.

Медленно, нехотя двигались стрелки часов над телевизором. С улицы доносились возбуждённые голоса, трещали хлопущки. Кто-то включил громкую музыку, и тяжёлое «бумц-бумц-бумц» наполнило заснеженный двор.

Дядя Витя выключил свет в комнате. Беззвучно мерцал экран телевизора. Тётя Мила рыскала рукой под подушкой в поисках пульта.

— А зря вы её ждёте, — вдруг сказала Иринка.

Дедушка и бабушка вскинулись.

— Ты о чём это? — настороженно спросила тетя Мила.

— Значит, вы не в курсе... Вы ничего не видели...

Дедушка и бабушка растерянно переглянулись: они в самом деле ничего не видели, потому что одна — лежащая, а второй — полуслепой.

— Мамку-то который день шикарная иномарка с работы привозит. За рулём — один хороший человек.

— К-какой человек?

— Дядя Миша. Одноклассник мамы. Он теперь в Штатах живёт, высокую должность там занимает. Не где-нибудь работает, а на Капитолийском холме, — безмятежно врала Иринка, изумлённо

прислушиваясь к себе: слова сами собой слетали с её обычно честного языка. Врать нехорошо, но почему-то никаких угрызений совести девочка не испытывала.

— И что?

— Замуж зовёт. Говорит: таких женщин, Капитолина Викторовна, на белом свете нет, вы у меня одна такая.

Тётя Мила покопалась под подушкой и достала носовой платок:

— Господь услышал мои молитвы! Неужели...

Иринка на секунду запнулась: вводить бабушку в такое заблуждение не входило в её планы. Но язык уже молот дальше:

— Нет, бабушка, нас в Америку не возьмут.

— Почему?!

— Дядя Миша сказал: только вы, Капитошенька, со мной поедете.

— А мы?

— А нам сиделку наймут, — безжалостно соврала Иринка. — Потому что там — приёмы, банкеты, светская жизнь. Нами заниматься некогда.

— Ерунда, — неуверенно возразила тётя Мила. — Капка нас не бросит. Вот его, слепого, может, бросит, и того, который за компьютером сидит с оплывшей мордой — конечно, бросит. А нас, девочка, не бросит.

— Бросит.

— Почему? — возмутилась тётя Мила. — Мы же её семья!

— Семья, — согласилась Иринка. — Но вы сами подумайте: зачем мы ей?

Тётя Мила открыла рот, чтобы выложить миллион доводов, зачем они нужны Капке, но растерялась. Зачем Капка нужна им — было понятно и очевидно.

А вот зачем они были нужны Капке — было действительно непонятно.

Прохиндей, которого в Америку не брали ни при каких обстоятельствах, бросился выручать тётю Милу. Он тоже открыл рот, но впервые ничего умного в его авантюрную голову не приходило. Приходили всякие глупости: чтоб было за кем ухаживать или чтоб жизнь малиной не казалось. Такими доводами разве можно убедить Капку и её американца?

Застыл за дверями комнаты никем не замеченный Юрка, вылезший из своей берлоги в поисках допинга. Он искал свои нужные слова, но их не было. Он подумал, что надо поискать ответ в «Яндексе», но сообразил, что «Яндекс» не поможет.

В доме повисла плотная тишина.

Стрелки часов замерли.

Повалил густой влажный снег.

Тётя Мила заплакала по-настоящему: безмолвно, отвернув лицо к стене.

Дядя Витя сидел на постели бывшей жены, уставив неподвижный взгляд в пол. Рука его, шершавая, с тяжёлыми венами, нащупала изуродованную артритом руку жены и осторожно сжала её.

Иринка смотрела в окно. На лицо её падал голубоватый отсвет снега, и глаза её были бездонными и мудрыми, как у иконы.

Далеко за полночь раздался звук мотора, шуршание шин.

С трудом поднялась с постели тётя Мила. Дядя Витя под руку подвёл бывшую жену к окну, приобнял за правое плечо. На кухне из-за занавески смотрел на улицу Юрка, сжимая в руке неоткрытую бутылку пива.

У подъезда стояла иномарка: большая, тёмная, залепленная снегом. Щёлкали «дворники». Фары чертили на сугробах жёлтые полосы.

Из машины вышла сияющая Капка. Что-то сказала водителю. Хлопнула дверцей. Послала озорной воздушный поцелуй. Замахала рукой.

Машина помигала в ответ фарами и скрылась из виду.

Капка вошла в подъезд.

Домашние бросились врассыпную по кроватям.

Когда Капка почти бесшумно открыла замок, все уже лежали на своих местах, закутавшись в одеяла, и сопели, притворяясь спящими.

Капка отправилась в ванную. Зашумела вода. А потом из-за двери донёлся звонкий Капкин голос:

Ты у меня одна, словно в ночи луна...

Иринка заулыбалась и повернулась на бок, подложив тонкую руку под щеку.

Вскоре в коридоре раздались тихие шаги Капки.

Тётя Мила покрепче зажмурила глаза.

Она почувствовала, как дочь поправляет ей одеяло и нежно целует в седую макушку.

А прохиндей узнал, что Капка бережно гладит его, спящего, по щеке.

Юрка подглядел, как жена открывает на ночь форточку, чтобы выветрить из комнаты запах спиртного, и задёргивает шторы, чтобы пьяному мужу не надуло в шею.

И только Иринка не открыла для себя ничего нового, но была этому рада: значит, она знает маму лучше других.

Ничего не подозревающая Капка постелила себе на полу, но легла не сразу, залюбовавшись снежными хлопьями в бархатной ночи. Она смотрела за окно, и по лицу её блуждала смутная улыбка счастливого человека.

О том, что никакого русского американца в капкиной жизни нет, домашние догадались быстро.

Иринке хотели устроить головомойку, но не смогли.

Потому что независимо от того, существует ли дядя Миша с Капитолийского холма, ответа на вопрос, зачем они нужны Капке, всё равно не было.

В канун Нового года, когда в моей семье последние приготовления к празднику завершились, позвонила Капка:

— Зайди хотя бы ненадолго.

— Всенепременно, — откликнулась я. — У меня столько подарков для вас!

— Не знаю, нужны ли нам подарки, — странным голосом сказала Капка. — Наверное, нам нужно что-то психотропное...

Картина, которую я наблюдала в тот вечер в капкином доме, меня встревожила.

В ожидании полуночи дядя Витя и тётя Мила мирно играли в дурака. Причём тётя Мила всякий раз выигрывала. Это, конечно, было неудивительно: прохиндей одним глазом ничего не видел. Удивительно, что дядя Витя, проигрывая, улыбался, хотя и с некоторой натугой.

Трезвый Юрка с Иринкой наряжали ёлку. Я даже не знала, что было более впечатляющим: трезвый ли Юрка, Юрка ли с дочерью или Юрка с ёлочными шариками в руках.

Домашние неловко перешучивались, тщательно обдумывая свои фразы, чтобы не нарушить хрупкого равновесия в семье.

Капка в синем простеньком платье сидела на кухне и растерянно смотрела на меня:

— Что с ними?

— Не знаю, — сказала я. — А давно это случилось?

— Вторая неделя пошла. Я на вечеринку нашего отделения ходила. Потом пошли гулять по городу с бенгальскими огнями, я одноклассников встретила. Они на машине. Говорят: давай отвезём домой. Приехала: все спят. Тихие такие. Задумчивые. А утром проснулись — и стали такими... заколдованными...

— А ты радуйся, — посоветовала я. — Вдруг действие волшебного зелья скоро закончится?

Капка засмеялась. Закинула руки за голову, сладко потянулась:

— Ленка, а правда, они у меня хорошие?

Я высунула нос из кухни, посмотрела в приоткрытую дверь на заядлых картёжников, на трезвого Юрку и Иринку, отложившую в сторону костыли. Перевела взгляд на Капку:

— Насчёт чёрных дыр я, кажется, была права...

Насчёт волшебного зелья я тоже ошибалась. Чем бы ни заколдовали капкиных домашних, они не спешили расколдовываться. Было забавно видеть со стороны, как неумело пытается выговорить слово «спасибо» тётя Мила. Как неуклюже суетится у постели бывшей жены прохиндей с благостным выражением лица. Как жадно смотрит на пивные ларьки Юрка, но как стоически проходит мимо них.

Весна была ранняя. Снег сошёл за несколько дней. Быстро высохли лужи.

В мае шумно отпраздновали мой день рождения. Отмечали три дня. Посадочных мест на моей

кухоньке не хватало. Гостей пристраивали на импровизированную лавочку из бывшей книжной полки и двух табуреток.

В июне я ушла в отпуск. Мечтала куда-нибудь съездить, отдохнуть, но домашние дела не отпускали.

В обычное июньское утро позвонила Капка.

— Ленка, у тебя какие планы на сегодня?

— Никаких.

— Поехали со мной?

— Поехали, — соглашаюсь я.

— А почему ты не спрашиваешь, куда? — загадочным голосом спрашивает Капка.

— Куда?

— Какая разница!..

Через полчаса «жигулёнок» ползёт по загородной дороге, мимо знакомых деревень и сёл.

Ещё через час он сворачивает направо, и навстречу нам появляются удивительные указатели: Солнце, Тайга, Благодатовка. Наконец мы въезжаем в деревушку с названием Ягодка. Длинная улица, разноцветные домики, густая зелень. В пыли роются разморённые жарой куры.

— Красотища! — радуюсь я.

Капка хитро щурит левый глаз.

«Жигулёнок» забирается всё дальше и дальше и останавливается на холме у обычного почерневшего от старости забора.

Капка колдует несколько минут над замком, гостеприимно распахивает калитку:

— Велкам!

Передо мной — бревенчатый дом на каменном фундаменте. Старый сад соток на пять. Покосившаяся банька. Обветшалая сарайка. За домом — усад. С холма открывается дивный вид на поля. Небо — бездонное, голубое, ликующее.

За моим плечом стоит Капка. Глаза — насмешливые.

До меня начинается что-то доходить:

— Капка, ты нашла подходящий вариант?

— Нашла, — смеется Капка.

— Купила?!

— Нет...

— Не понимаю...

— Это — моё наследство.

Оказывается, несколько лет Капка ухаживала за одной старой женщиной.

— Она умерла полгода назад. Мне позвонил председатель сельсовета местного. Сказал: квартиру в городе она оставила своей подруге, а мне отписала этот дом. Мы подождали, не объявятся ли другие наследники. Вчера полгода истекли. Председатель позвонил и сказал: приезжайте оформлять бумаги. Так что ты тут осматривайся, а я в сельсовет за бумажками.

Капка находит ключ от ржавого замка под половицей крыльца и уходит, оставляя меня с разинутым ртом.

Я с трудом отпираю разбухшую дверь, и она жалобно стонет, когда я вхожу в тёмные душные сенки. В нос ударяет спёртый запах квашеной капусты и ветоши. Почти на голову мне с грохотом сваливается чердачный кот неопределённого цвета. Он голоден и свиреп. Жёлтые глаза его горят в сумраке как крошечные фонарики.

Изнутри дом просторен: две горницы, кухня, летняя терраска. Свет почти не проникает сквозь грязные окна. Углы оплела седая от пыли паутина.

Я нахожу в платяном шкафу волглый ситцевый халатик, переодеваюсь.

Выставляю двойные рамы, переложённые серой ватой, и дом наполняется солнцем и свежестью. Затапливаю русскую печь, чтобы изгнать сырость. Приношу колодезной ледяной воды, в которой неохотно растворяется стиральный порошок. Из ветошек отбираю пригодные тряпки.

Вскоре приходит Капка, швыряет документы на кухонный стол, сбрасывает белоснежную летнюю рубашку с коротким рукавом, остаётся в джинсах и полотняном лифчике.

Мы работаем споро и весело.

Сиюют вымытые стекла. Уютно пытит печка, нас обдаёт лёгким жаром. Скрипит отскоблённый

от многолетней грязи пол. Ворчат недовольные пауки, изгнанные с насиженных мест. Посмеиваются настенные ходики. Скользят по стенам солнечные зайчики. Я блаженствую, и Капка блаженствует.

Завершив труды, мы разводим в усаде костерок из сухих веток и нескольких поленьев, уцелевших в сарайке. Собираем среди мокрицы и осота зелень: многолетний лук, петрушку и укроп.

Сад полон чудес. Под одной из яблонь Капка находит отмирающие листья тюльпанов, бежит за лопатой в сенки, и через несколько минут на её ладонях — пригоршня заплетённых в тугой ком луковиц, не имеющих сил цвести. Капка разбирает их, оставляет просушиться на крыльчке. На будущий год тюльпаны непременно зацветут. Рядом с тюльпанами — клад луковиц нарциссов и ирисов. У дома осыпаются огненные загустевшие пионы. В крапиве торчат стрелы лилий с бутонами-наконечниками. Но самое главное чудо ждёт нас за банькой.

Там, прямо на компостной куче, стоит усыпанный белоснежными цветами розовый куст. Должно быть, чья-то рука в шутку или по недосмотру воткнула черенок в компост. Он выжил, хотя одичал, и верхние плети его побил морозом. Но он тянулся к солнцу, жмурился от удовольствия под тёплыми лучами и цвёл всякой непогоде назло.

Капка плакала над ним. Обрезала дикие и сухие побеги. Полила отстоянной мутной водой из садового бачка и поклялась, как только цветение закончится, перенести куст на самое лучшее место в саду. Куст благоухал в ответ. Подрагивали благодарно изящные чашечки цветов. Они хотели любви, ждали её и, наконец, обрели.

На углях мы печём картошку и жарим сосиски. На аромат выскакивает из травы чердачный кот. Оказывается, он рыжий, проворный и агрессивный от голода. Сосиски ловит на лету и скалит белоснежные клыки.

— Душман, — веселится Капка. — В следующий раз мы его отловим и вымоем. Будет на нормального кота похож.

— Он тебя в кровь исцарапает.

— Характер! А мы его любовью и нежностью исправим.

Солнце клонится к горизонту.

Ветер треплет наши волосы, и стелет дым от костра по земле.

— Господи, какая красота! — восклицает Капка.

Она стоит на самой вершине холма, посреди усада, распахнув руки, как крылья неведомой птицы. Хлопает на ветру белоснежная рубашка, обтекает маленькую женскую грудь, впалый живот, узкие, как у подростка, бёдра.

Босая Капка поднимается на носки, и мне кажется, будто ветер отрывает её, такую невесомую, от земли, поднимает вверх, к голубому безоблачному небу, и Капка парит над зелёным заливным лугом, над мерцающей золотом лентой реки и чёрным ельником, тесьмой настроенным вдали.

Она парит в белоснежной рубашке, застиранных джинсах. Мелькают её пятки, испачканные глиной. Она благоухает духами и розами.

Ей хорошо. Ей нисколько не трудно парить над этой землёй, потому что Капка — душа...

Душа, способная вместить в себя всю красоту мира и людей. Способная нести на себе грехи и страсти своих ближних без укора и раздражения. Способная исцелять терпением и любовью. Душа, которую не замарают зло, ибо зла она не ведаёт, не чувствует, не понимает и — не принимает.

Чистая, как горный родник, душа с пятками, испачканными глиной.

Я люблюсь невероятным полётом Капкиной души и сглатываю сладкие пряные слёзы. Я счастлива от одной возможности прикоснуться к чистоте. В город мы возвращаемся почти на закате.

Капка, приоткрыв окна машины и выставив наружу левый локоть, затягивает:

Ты у меня одна, словно в ночи луна...

Я подхватываю:

Словно в степи сосна, словно в году весна.

Нету другой такой ни за какой рекой,

Ни за туманами, дальними странами...

Мы поём во всю силу своих тридцатилетних лёгких. За нами поднимаются клубы густой серой пыли. Вслед машине с надеждой смотрит Капитолинский холм — награда за исцеление душевной дистрофии в отдельно взятой семье...

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) в 1944 году. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета. Автор книг прозы: «Годовщина прошлой листвы», «Солнце вдоль проспекта», «Страна Экстремогвай», «Речка Нача». В 2015 году в журнале «Берега» опубликован роман «Топот, хохот и тьма». Живёт в Санкт-Петербурге.

Маштаков и Ротлиф

Повесть

1

— Наконец-то! — воскликнул очнувшийся Ротлиф, когда конец света, предсказанный Господом, пророками, Законом Божиим и кучей псевдоконфессий, экспертов, экологов, политологов, наконец, наступил...

Ибо увидел он Землю, принадлежащую ему по праву и по завещанию, — теперь уже свободную от постылого человечества.

Первым вопросом стало желание узнать, единственный ли он уцелевший наследник... Вторым его вопросом было: «Где я?» Потому что не было с ним ни беспроводного Интернета, ни спутниковых рапортов — и невесть куда запропастился его GPS. Оставалось только молча кипеть — и ждать, когда сигнал его микрочипа будет принят спутником и передан спасателям.

А третьей мыслью его стала злорадная насмешка над христианской идеей Второго Пришествия — ну, и где же?... ау?..

Едва он подумал столь неосторожно, как колыхнулся далёкий остров на горизонте, и стена цунами зашвырнула его — в воздушном пузыре, как в капсуле — на высокую гору, откуда стало всё видно гораздо дальше, но нисколько не глубже: та же синяя даль, только совершенно теперь без конца и края.

«Скорее снимайте меня с горы!» — подумал Ротлиф. — «Где ты, чёрт, помощник?» Не было ни канатной, ни автомобильной, ни даже пешеходной дороги, чтобы спуститься...

— Рано, рано тревожиться! — вслух произнёс Ротлиф, по привычке пожелав услышать что-нибудь ободряющее... Ведь на самом деле произошло не что иное, как исполнение их совместного желания вместе с герцогом, мужем британской королевы, во время их моления богу Ягве: «Истреби человечество, оно портит нашу собственность, которую ты нам дал». Вспомнив об этом, Ротлиф с некоторой досадой подумал, что ещё и сам старик Эдинбургский может оказаться живым и по-прежнему способным лягаться, хотя давно пора ему откинуть башмаки. Однако, думалось Ротлифу, если сам я жив и владею собственностью, то у бога Ягве должны быть на меня серьёзные виды. И это лишний раз подтверждает мою великую веру: имущество нельзя оставить без владельца. Если существует грех на свете, то вот он, в этом и состоит! Гип-гип, ура! От своего кузена-альпиниста Ротлиф знал, что спускаться с горы ещё труднее, чем карабкаться вверх: в одиночку лучше этого не делать. Поэтому Ротлиф решил подождать помощи... Ведь не мог же бог Ягве, имея на Ротлифа серьёзные виды, оставить его в живых, но без прислуги!

2

— Ну, ни хрена себе! — воскликнул Маштаков, когда очнулся.

Он висел под пепельно-дымчатым небом на ветвях неизвестного мёртвого дерева, зацепившись

за них согнутыми в коленях ногами. Спиной Маштаков опирался на развилку ствола, так что упасть он мог бы, только сам пожелав это сделать.

— Где это я? — подумал Маштаков, ухватившись рукой за мёртвые сучья и вертя головой во все стороны. Нигде в теле ничто не болело, только ноги затекли. Уже хорошо. Ничего не понять, не узнать и не вспомнить — это скверно, хотя и прежде так бывало. Один раз — на свадьбе старшего брата, другой раз — когда Майя собралась его на себе женить.

Однако это состояние — ничего не узнать и не понять — никак не проходило. На ветках перед глазами висели какие-то засохшие плоды: жёлтые шары бильярдного размера, но в пупырышках — и от них дурно пахло. «Нечего тут делать!» — решил Маштаков и стал перемещаться вниз ногами и вверх головой, чтобы спуститься на землю.

Спускался медленно, подозрительно озирая округу: рядом колыхались сухие метёлки, точь-в-точь как пальмы в телевизле. «Издавательство какое-то! Вчера с Игнатичем договорились ехать за брусникой — и вот!.. Это мне наказание за отца с матерью...»

Родители у Маштакова умерли более года назад, в течение одной недели, и он, ошеломлённый потерей, остро чувствовал сиротство по вечерам, даже пуская слезу, но со дня похорон больше не бывал на родительской могиле. «Уж не за это ли меня так?» — спросил он себя. Но сердце или совесть, или что там есть у человека, говорило ему, что главное — в другом: что он при жизни стариков едва ли чем утешил.

Спустившись на землю, он хотел попрыгать, чтобы восстановить кровообращение. Но в ногах была такая тошнота, что он больно рухнул на колени. И, пока встать было невозможно, он, опираясь на руки, молча осматривался: «Что же произошло?! И где это я? Ни на что не похоже... Наверно, мне это снится».

3

Ротлиф, хоть и верил в конец света, то бишь человечества, и наблюдал, торжествуя, этот конец, но инстинктивно, как собственник, опасался появления конкурентов или сонаследников. Поэтому хоть и ощущал себя избранником б-га Ягве («ведь это я, а не кто-нибудь, уцелел!»), в то же время понимал необходимость выждать до полного прояснения результата. «Однако странно!» — подумал Ротлиф. — «Конец произошёл, а ясности нет... Документы не готовы, ничего не подписано. Какой же это конец?»

Он сунул руку в карман и вытащил пластинку планшета, растянул её, увеличив экран, и ладонью накрыл его... Однако ничего не произошло. Экран оставался угольно-серым. Новостей не было. «Даже неизвестно, как биржа отреагировала, кому сколько досталось...» Не то чтобы Ротлифу было важно это знать: биржа ничем принципиально не отличалась от игры на скачках, в любом случае прибыль поступала куда надо — и причин для волнения не было... Волновались всегда одни дураки — им и надлежало оставаться в дураках. Но хотелось знать о глобальных результатах События, в том числе и о соперниках — встанут ли они рядом с Ротлифом перед богом. «Интересно, что стало с Америкой, ведь она висела на крючке тектонического разлома... Или ещё висит? Гм... Так или иначе, мои активы застрахованы в Азии в моей же страховой империи — чёрт с ней, с Америкой!..»

Время шло. Это подтверждалось секундной стрелкой его хронографа. «И это доказывает, — оптимистично сказал себе Ротлиф, — что конец одного проекта есть начало следующего. Так всегда — и в бизнесе, и в истории! Мне ли, Ротлифу, не знать, что история — тот же бизнес! И, мало того, мой бизнес, учтите!

4

Шумел ветер в ушах, гремел в перепонках, сыпались мелкие камни, куски берега обваливались в море... Ветер был сух, прохладен и колюч, солнца не было видно из-за мглы поднебесной. На Маштакове был обычный костюм-двойка, даже сорочка была с коротким рукавом, и он стал больше двигаться, осматривать камни, местность и давать ей мысленную оценку. Стало ясно, что придётся преодолевать большие расстояния в поисках более уютного места, в поисках воды и пищи.

Он снял туфли, носки и, осторожно ступая босыми ногами по каменным россыпям, подошёл к линии прибоя. Здесь поверхность была более ровной, и можно было шагать босиком. Но куда

шагать? Он даже не знал, где юг или восток. В одной стороне, похоже, было подобие ущелья, и он отправился туда в надежде увидеть ручей.

Он всё ещё не понимал, где он, почему — и что произошло. Почему — это за грехи, пожалуй, подумалось ему. А вот где он теперь — и как отсюда выбраться? Кроме того, он был не прочь и что-нибудь съесть.

— Так!.. Ничего ещё не ясно, а утроба уже не терпит! — вслух сказал, оглядываясь, Маштаков. Может, кто-нибудь услышит?.. Но, кроме шума ветра и прибоя, не доносилось ничего.

К этим звукам добавился жёсткий хруст гальки и каменной крошки от его шагов. Он отказался от мысли поберечь обувь и снова был вынужден обуться.

5

Проголодался и Ротлиф. С досады он стал бессознательно грызть ногти, глотая слюну. Здесь, на верхушке горы, нечего было думать о том, чтобы найти что-либо съестное. Пока помощь не подоспеет, надо подкреплять свои силы, чем попало: ведь очевидно, что в службе кейтеринга не всё идёт, как надо.

Значит, воленс-ноленс, надо попробовать спускаться самому. Попробуем сделать вид, что это замена тренажёрному залу. Этот остров или материк, и этот горный аттракцион, если их как следует оборудовать, могут значительно вырасти на бирже. Знать бы его географическое и стратегическое положение! И он уже в который раз пожалел, что не действует GPS. «Что стало с чёртовыми спутниками, хотел бы я знать?!»

Английские башмаки Ротлифа, с их толстыми кожаными подошвами, явно не годились для спуска: слишком скользили — это во-первых, а кроме того, не давали возможности нащупать надёжную опору. Он снял башмаки и, чтобы не мешали прижиматься к скале, привязал их шнурками к задней петле на поясе брюк. Повернувшись к морю спиной и носом к утёсу, он стал всеми четырьмя конечностями ощупывать свою исключительную собственность. Цепко держась за выдающиеся выступы, помня, что вниз смотреть нельзя, он подошвами поочерёдно находил прочную, удобную, надёжную базу для ступни. «Если бы не работа в тренажёре, я бы скоро выдохся!» — подумал он. — «Главное — спокойствие! Но службе кейтеринга я задам!..»

6

Маштакову повезло: в небольшом ущелье откуда-то сверху струился ручей с пресной водой.

— Теперь важнейший вопрос: как отсюда выбраться домой? — сказал он себе.

Спросить было некого. Вокруг не было признаков обитания людей или следов чужого разума. Характер почвы — галька, валуны и щебень — не позволяли увидеть даже собственный след. Только идя вдоль линии прибоя, он мог оставлять сырые отпечатки, разумеется, ненадолго.

— Никакой Робинзон следов Пятницы не увидит! — пробормотал он. — Может, оно и к лучшему? Может, уже мировая горячая война?.. Иначе, как я здесь оказался? В засушливом климате, где нет и намёка на сельское хозяйство?

Последнее обстоятельство было самым тревожным — настолько, что вопрос о возвращении домой отодвигался на неопределённое время. Вот тебе, экстремал с дивана, и школа выживания — для пробы!

И Маштаков двинул себя по лбу в приступе самобичевания.

7

Он прислушался: гудел только ветер и бился прибой, птиц не было слышно. Наверное, сидят по гнёздам, хоронятся. В небе была белёсая тьма. Наверное, такое небо, как в том самом Перу — по рассказам одноклассника-рыбака, результат древнего индейского проклятия конкистадорам: «Чтоб вам солнца не видать!»

Маштаков путешествовал только по телевизлу, но то, что окружало его теперь, не шло ни в какое сравнение с телекартинками.

Навалилась внезапная усталость. Он присел на более-менее гладкий камень и перевёл дух.

Как меня в эти развалины занесло? Карфаген какой-то... Древний мир, но без туземцев и римлян. Надо всё обдумать аналитически... Тут он пожалел, что, верный своей обломовской привычке,

не захватил мобильный телефон. Мобильник, полагал Маштаков, — большое зло для человека, любящего думать. А Маштаков, когда не размышлял, то медитировал, когда не медитировал — то размышлял. Причём в обоих случаях он делал это, не прилагая умственных усилий. Он был созерцательным философом, то есть младенцем. Сделать его несчастливым могли только угрызения совести. А вот несчастным он никогда не бывал. Потому и забывал мобильник дома на полке. А те, кто следил в это время за ним, думали, что он лежит на диване и смотрит их телевизло.

Так было до сих пор, до этой странной, необъяснимой пертурбации... Теперь он мог стать по-настоящему несчастным, но ещё не поверил в это и не собирался отчаиваться. Разве кто-нибудь сказал, что это конец света? — спросил себя Маштаков.

И тут его мысль как будто споткнулась... Он огляделся вокруг... Узкая береговая полоса из пёстрой каменной крошки резко упиралась в жёлто-буро-коричневую каменную стену, конец которой терялся вдаль, на фоне совсем уж далёкого участка суши, почти перпендикулярно к берегу выдававшегося в океан. Стена почти отвесно поднималась метров на двести или триста. Отсюда нельзя было судить, есть ли в ней проходы и ущелья. В противоположном направлении стена была более пологой и быстро понижалась. Полоса берега расширялась и закруглялась, словно пляжный мысок, но за ней не угадывалось никакой жизни, никакой суши, никакой растительности, ничего... Маштаков решил отправиться в ту сторону: это и поближе, и сразу позволит увидеть, не скрывается ли что за этим пляжным поворотом...

Эту сотню метров он преодолел за десять минут, а расстояние было как от дома до булочной, он пролетал его обычно впятеро быстрее. Мало того, Маштаков почувствовал даже как будто одышку!..

Кто мне сказал, что это конец света? — снова спросил себя Маштаков. — Не знаю, кто сказал, но вижу, что конец... И не хочется верить, а деваться некуда, потому что — вижу, знаю... С самого утра, как после вещего сна. И почему я — один? Почему я выпал из программы? За что?! Однако думай, Маштаков, однако, значит, есть за что!

Волосы зашевелились у него на голове: до него стало доходить его положение. Быть одному на свете, быть одному на целом свете?! Быть одному. Зачем тогда быть? Это не имеет смысла. Совсем! Ни для кого! Но кто-то же вложил мне в голову понятие о том, что случилось... Для Него в этом есть какой-то смысл?... Или нет — это не случилось? Ну, не случилось, так зато произошло... Произошло то, чего ждали столько раз и столько времени. Но почему исключили меня? Я самый простой, обыкновенный. Это мне — за что? Меньше года, как остался сиротой... Хотя мне скоро стукнет сорок, но это ничего не меняет: сиротство — это сиротство. Во всяком возрасте. Никогда уже не расскажешь, чего сказать не успел, ни в чьих больше глазах не увидишь той любви... Чу!.. Послышалось? Как будто голос человека!.. Слава Тебе, Господи! Хоть узнаю, может быть, где нахожусь... Как спросить об этом по-английски?..

Ветер медленно ходил по кругу, и голос то долетал, то исчезал среди гула и шума. Маштаков посмотрел вокруг и в самом деле увидел фигуру, медленно бредущую к нему и делающую руками призывные знаки.

Маштаков встал и двинулся навстречу человеку. Когда между ними оставалось не больше ста метров, тот воскликнул:

— Ияфет!

Странная округлая фигура в массивных ботинках приближалась походкой пингвина, медленно маневрируя среди валунов.

— И ты Фет? — переспросил Маштаков, приблизившись. — Но я-то не Фет!

— Я знаю, что говорю! — сердито возразил незнакомец. — Яфетида распознаю за три мили!

«Странный акцент у этого типа», отметил Маштаков — и ахнул: «Да говорит он ведь по-русски!»

— Но не говорите мне, что это Россия! Как называется эта местность?

— Я сам хочу это знать! — раздражённо ответил незнакомец. — Роуминга — нет, GPS — нет!

— А вы, простите, кто? — как можно деликатнее спросил Маштаков.

— Я не привык представляться незнакомцам. Это мне их представляют!

Маштаков махнул рукой:

— Ну ладно, не привык, так не привык. С чужими привычками надо считаться, пока это никому не вредит. Только звал меня зачем?

— Объясняю...

Незнакомец выставил кулак и стал поочерёдно выпрямлять пальцы:

— Не работает GPS — раз! Нет мобильной связи — два! Нет дорог и указателей — три. Нет радио — четыре. Нет коуст-гарда — пять. Зато!..

Пальцев одной руки не хватило — и он выставил другой кулак, подняв большой палец:

— ...пришёл конец света — шесть... — и широко расставил руки:

— Теперь я один — всему хозяин!

— Ну, это ты, брат, лишку берёшь! — Маштаков испугался, что их подозрения совпали. — Какой ещё конец света? Ну а если, в самом деле, конец света — какой же ты хозяин?

Он пристальнее взглянул на незнакомца: тот был без головного убора, в рыжих завитках, похожих на древесную стружку; при всей округлости фигуры живот его оставался в скромных пределах. У него была привычка взмахивать руками, от чего из рукавов выскакивали манжеты с тяжело сверкавшими запонками. Его брюки, явно прежде намокшие, теперь высохли — и сохранили форму его выдающихся икр и коленей.

8

— Объясняю... — начал странный незнакомец. — Я — светлейший из Ротлифов, избранный Б-гом...

Маштакову стало всё ясно, но он не сдержался:

— А я — Наполеон! Только пока не решил, Первый или Третий!

— Молчи, раб! — взвизгнул пришелец.

— Раб, говоришь? — повернулся всем корпусом к нему Маштаков. — Уж не твой ли?

Он обошёл вокруг пришельца, пристально со всех сторон его разглядывая.

Тот побелел и закрыл глаза.

— Я объясню... — прошептал он. — Сейчас подоспеет моя охрана!

— Зачем? Чтобы меня поработить? Тебе никто не угрожает!

— Ты двух вещей не понимаешь. С какой из двух тебе начать объяснять?

— С главной начинай.

— Я действительно наследник дома Ротлифов, житель Нью-Йорка, Лондона, Парижа и прочих городов, а теперь, после События, ещё и владелец всей Земли и сущего на ней...

— Я так и понял! — согласно кивнул Маштаков.

— Учитывая чрезвычайные обстоятельства, я готов предъявить даже удостоверения и сертификаты, поскольку опознание меня средствами спутниковой системы ещё не состоялось...

Он извлёк бумажник и предъявил набор банковских карт, на которых значилась одна и та же фамилия: ROTLIEF.

— И что дальше? — спросил Маштаков.

— Дальше будет больше! — ухмыльнулся Ротлиф, и это показалось Маштакову подозрительным.

— А где ты так по-русски наловчился? — спросил он тоном следователя.

— От ваших секс-рабынь. То есть, конечно... от моих!

Но Маштаков уже вполне контролировал себя — и не поддался на провокацию.

— А зачем тебе банковские карты, если всё на свете и так твоё? Лучше показал бы водительское удостоверение.

— Вот оно мне как раз не нужно! Если мне вздумается самому вести авто или пилотировать самолёт, никто не спросит у меня лицензию или удостоверение. Расчёты по банковской карте тоже нужны не мне, а тем клеркам, которые должны отчитываться перед кассой. «Логично! — подумал Маштаков. — Может, и правда — Ротлиф? Но мне-то какое дело?»

— Так, одну вещь ты объяснил. А другая — это что?

— А другая — это... значит, наступил конец света.

9

— Не понял! — воскликнул Маштаков.

— Ты что, не в курсе? Не знаешь, что конец света?.. Солнце, например, погаснет...

— Но Солнце не погасло! Светит вроде!

— Но все религии, так или иначе, и твоя тоже — наверняка, говорят о неизбежности конца света!

— авторитетно заявил Ротлиф, словно выступал на совете директоров.

— Говорят, говорят... О необходимости его даже говорят!.. — добавил Маштаков.

— Вот видишь! Тогда почему ты не веришь, что он наступил?

— Потому что это должен быть Страшный Суд, а мы с тобой сидим и разговариваем.

— Сидим?.. Да, сидим... Но всё страшнее хочется кушать.

— Ты кушай, а я бы просто поел.

— Ты мне чего дашь покушать? Видишь, я учитываю данные стеснённые обстоятельства!

Не указываю — то-то и то-то, а спрашиваю! — Ротлиф от голода нервничал и всё мусолил и тёр в ладонях отшлифованный морем камень размером с бильярдный шар.

— Не уводи меня от темы... — отмахнулся Маштаков.

— Ты забываешь, кто ты!

— А кто я? Робинзон? А ты — Пятница? Тогда сиди тихо.

Ротлиф в изнурении прикрыл глаза воспалёнными веками и тихо спросил:

— Кто такие — Робинзон и этот... Пятника? Я их не знаю.

— Ты, что ли, не читал?

— А я физическим трудом заниматься не обязан. Когда врачи сигнализируют: поработать, я в тренажерном зале работаю или на лыжах, или... Да кто ты такой, чтобы мне задавать вопросы?!

— Маштаков Николай Фёдорович, инженер-биолог.

— Вот и построй мне аэродром, раз ты инженер. Мне надо принять самолёт с охраной и снабжением.

— Поступай ко мне в рабочие, тогда построю.

— Ну, это верх наглости! Была бы тебе замена — задушил бы своими руками!

— Меня задавишь — сам повесишься, — сочувственно глядя на Ротлифа, проговорил Маштаков.

Ротлиф вскочил, крутанулся на месте — и запустил в море каменным кругляшом, который холил и лелеял в ладонях.

«Вот и поговорили!» — подумал Маштаков безо всякого сожаления. Он ведь был созерцатель и даже, пожалуй, фаталист.

Ротлиф снова сел и теперь покачивался взад-вперёд на каменном сиденье, медленно успокаиваясь.

— Послушай, сэр, — подал голос Маштаков, — какой может быть самолёт после конца света? GPS'а нет, Интернета нет, даже радио нет... А что есть? Ты выяснил?

— Но не может быть, чтобы меня мой б-г оставил без положенной прислуги, с тобой одним...

— А вот взял — и оставил! Пути Господни неисповедимы...

— Меня, избранника — с таким нетолерантным, как ты?!

— Ага, я прогуливал уроки толерантности и выключал телевизор.

— Нельзя так, нельзя!.. Боже мой, oh by gad!..

— Ты не запутывай меня! У нас всё с терпимостью в порядке, никто не жаловался. «Нам, татарам, всё равно!» — это детская игра такая. «Нам, славянам, не впервой!» — это взрослая теория. А «что русскому здорово — то немцу смерть» — обыкновенная бытовая практика. Ничего личного, ничего лишнего. Притом — вовсе речь не о жителях Германии...

— А о ком же?

— Да о паразитах вроде тебя, — соболезуя и взглядом, и голосом, ответил Маштаков.

За неимением камня в руке, Ротлиф фыркнул и отвернулся, задрвав подбородок. Маштаков впервые подумал о нём неприязненно: «Битый час мелет языком, а с лица не сходит гримаса голливудского распустья!»

— Слушай, сэр... — начал он. («Как бы этого придурка заставить что-то полезное сделать?») — Всё вокруг — твоё, ведь так?

— Так точно.

— Электрическую часть ты проверил: её теперь нет, не существует. Птиц я что-то не видал пока. А осталась ли на свете рыба? Поныряй тут без меня, пока светло. А я пойду на поиски семян и плодов каких-нибудь...

Не ожидая ответа, Маштаков развернулся к Ротлифу спиной и отправился в продовольственную разведку.

10

«Как же он утомляет, урод этакий!» — думал Маштаков, размышляя всё на ту же тему конца света.

Конец света, видишь ли... Что такое конец света? Если я есть, а конец произошёл, то почему я есть — чем я такой особенный? Да я, может, хуже всех! Да так оно, если честно, и есть! А если я остался тут, то разве это не самое страшное наказание? Все отправились в мир иной, построились на Страшный Суд, но у них — перспектива хотя бы есть!.. Недаром принято называть его «лучшим миром». А здесь остаться каким-то подобием Вечного Жида, без человеческого привета, это как называется? Это наказанием называется! Потому что никакого смысла в этом нет, кроме наказания. Значит, я и есть — наихудший! Не дай Бог, если и правда — конец света!..

А если я, как считает этот, прости Господи, урод, дан ему в рабы, то я хуже даже этого уroda... Ой, бедные мои родители, не дай вам Бог сейчас меня увидеть!

Так размышляя, Маштаков внимательно осматривал местность. Почти полное отсутствие растительности и обилие камня со свежими разломами навело его на мысль, что здесь недавно сильно потрянуло: все горные породы сверкали свежими кристаллами, и не было конца и края сдвигам и обвалам. «Как мы с этим Иероглифом здесь оказались?..» — недоумевал Маштаков. «Кто-то взял нас за шкуру и забросил на голые камни, когда всё утряслось...» Кто-то... Какие могут быть вопросы? Понятно, Кто... Но этого сумасшедшего — зачем... вместе со мной — зачем?

Тот ручей, который был обнаружен ещё до встречи с Ротлифом, тоже выглядел как новое геологическое явление: никакой растительности вдоль ручья не было. Однако, чтобы не заблудиться, стоит двинуться вверх по ручью... Может, что-то там дальше и будет полезное... А дорога назад — руслом обозначена, даже в темноте не заблудишься...

Он отметил, что ветер стал потише во второй половине дня. Однако вторая ли уже половина дня? Ему стало казаться, что день какой-то необычно длинный: а вдруг это ещё первая половина дня, а вдруг теперь сутки — часов с полста? «Эге, а ведь я начал верить, что произошло что-то вроде конца света!» — печально подумал Маштаков.

Чем дальше поднимался он по ручью, тем богаче запахами становился воздух. «Это уже что-то!» — обрадовался он. — «Какой тут может быть конец света, когда пахнет мхом, прелой корой и всё явственнее — цветами? Глупости Иероглифа не стоят и выеденного яйца! Ах, я бы съел яйцо с удовольствием...» Но где же я? И далеко ли Россия?

Наконец показалась земля, опушённая какой-то воздушной зеленью, и послышалось отдалённое пение птиц. Какие-то неизвестные деревья — уже не сухие метёлки, виденные прежде, а зелёные — росли вдоль одной из стен ущелья. Подойдя поближе, Маштаков увидел, что стволы деревьев были облеплены зелёными шариками, напоминавшими брюссельскую капусту. «Капуста», вероятно, ещё не созрела: ему стоило труда открутить один шарик, однако, — о радость! — он оказался на вкус по крайней мере не противным... «А если не помру, то значит — и съедобным», — фаталистически сказал он себе и стал набирать запас «капусты» в карманы пиджака.

11

Работа была не из лёгких, но всё же заготовил он столько, что пришлось вместо пиджака использовать сорочку, сделав подобие мешка или пакета. Третий шарик Маштаков съел уже нехотя — и решил далее не рисковать.

Он вспомнил, что шёл ведь за семенами. Семена знакомых растений были бы намного предпочтительнее, чем неизвестные плоды, но знакомых растений пока не было. Ох, далеко ты, Родина! А тут ещё всякие иероглифы намекают, что тебя уже нет!

Импровизированная сумка из рубашки потяжелела, и Маштаков засобирался обратно. Воды набрать было не во что, и он решил, что приведёт Ротлифа на водопой прямо к ручью.

На обратном пути ему встретилось дерево, похожее на пальму и на русскую иву одновременно. Ствол этой ивы был весь запелённут волокнистой корой; волокна легко отрывались и скручивались в прочную бечеву. Это могло бы обрадовать, если бы что-то могло вообще радовать в данном от-

чаянном положении. Тем не менее, если в «хозяйстве Ротлифа» по-прежнему имеет место рыба, то можно будет попробовать сплести рыболовную сеть.

12

- Ну что, сэр, как твоя рыба?
- А как ты будешь её готовить? — вопросом на вопрос ответил Ротлиф.
- «А ты знаешь, как ловить?» — мог бы парировать его вопрос Маштаков.
- Так есть она или нет?
- Я не пошёл в море из-за акул.
- Ты их видел? — Маштаков уже научился читать эту хитрую рожу.
- Пожалуй, да.
- Понятно. Враньё — способ жизни. Птичий грипп, сучий грипп, глобальное потепление, Киотский протокол... А знаешь, что было первым случаем вашего обмана в моей жизни?
- Какого «нашего»?
- Твоего, твоего!.. Компьютерный «конец света» в ночь на первое января 2000 года, я тогда ещё мальчишкой был.
- Не помню! — прикинулся Ротлиф. — Я тоже мальчишкой был.
- А сколько тебе лет?
- Это недопустимый вопрос. Но ради идеалов сотрудничества и партнёрства, так и быть... Ну, сколько дашь?
- И тридцать, и все пятьдесят.
- На твой выбор.
- Ладно, сэр. Тогда пятьдесят.
- Что ты принёс в мешке?
- Пять кило еды. И это не мешок. Моя рубашка.
- Маштаков высыпал «брюссельскую капусту» в углубление валуна, похожего на корыто, и жестом пригласил:
- Прошу пана до корыта!
- Тот не обиделся: видно, корыто не присутствовало на его уроках русского языка.
- Ум-м-м! — произнёс Ротлиф, распробовав первый шарик.
- Угу! — произнёс Ротлиф, разжевав и проглотив ещё три шара.
- Р-р-р! — проурчал он горлом, надкусив пятый, и выплюнул его. — Я сыт! Когда будет кофе? И какой будет джестив?
- Эти вопросы не ко мне, — ответил Маштаков. — Я бы сам не отказался от кофе или чая. Где твои драные службы? Может, они вместе с концом света — того?.. Отдали концы?
- А какое питьё у тебя есть? — спросил Ротлиф, игнорируя вопросы Маштакова.
- О, даже есть выбор: вода из моря или из ручья.
- Из ручья? Почему не принёс?
- В ладонях, что ли? Пошли, сэр, на водопой! Пока крокодилы не проснулись.
- Ротлиф застыл как вкопанный. Маштаков засмеялся:
- Не бойся, я пошутил!
- Благодушно настроенный после еды, Ротлиф задумчиво произнёс:
- Придётся пожаловать тебе орден Британской империи, чтобы у тебя появилась привилегия в моём присутствии шутить.
- Только не это! — остановился Маштаков. — У меня свои счёты с твоей империей.
- Ротлиф не ответил: ему на глаза попался очередной камень-кругляш подходящего размера и он нагнулся к нему, поднял и стал потирать со всех сторон руками.

13

- Теперь я что — так и буду прикован к этому ручью? — стал ворчать Ротлиф, утолив свою жажду.
- Ты и ко мне прикован, — возразил Маштаков. — Что из того?.. Все претензии к твоим службам. В существовании которых я теперь сильно сомневаюсь!

К удивлению Маштакова, Ротлиф промолчал. Впрочем, он мог быть сосредоточен на своём пищеварении.

— Мы, однако, не договорили с тобой по главному вопросу. Дойдём до лагеря — и договорим.

— До какого лагеря? — удивился Маштаков.

— Я имею в виду место для ночёвки.

— Да нам лагерь — за любым камнем, лишь бы с подветренной стороны.

— Вот и предъявишь мне такой лагерь — на моё утверждение.

— А ты, сэр, как я погляжу, любишь церемонии. Тут не знаешь, на каком ты свете вообще...

И Маштаков впервые повесил голову от уныния. Но Ротлиф не дал ему унывать:

— Послушай, человек, а ты уверен, что эта еда органична? — он скорчился, словно от боли в животе.

— То есть экологична?

— Ну да! Что-то мне плохо!..

— Обжираться не надо, сэр.

— А ну прекрати! — надулся и громко сдулся Ротлиф. — Повторяю: эта еда органична?

— Ты ведь уверен, что произошёл конец света — так?

— Ну?..

— Значит, вся пища — не от уродов, а от Бога.

— Сомневаюсь! А море почему горькое?

— Значит, в море не суйся. Значит, оно под запретом.

— Гм! — сказал Ротлиф и снова сдулся. — Чтоб моё море было мне воспрещено?! Такого быть не может!

— Потому что не может быть никогда! — насмешливо добавил Маштаков.

— Вот видишь! Ты сам того же мнения!

— С больными не спорят.

— Да, — печально кивнул Ротлиф. — Я болен, мне плохо... Куда подевались врачи? Где коуст-гард?

— Они кончились вместе с концом света.

— И опять меня кузены не спросили! Но они тоже ведь кончились, верно?

— Надо думать! — согласно кивнул Маштаков.

— И теперь один я решаю, чему быть, кому не быть!

— Конечно, сэр, конечно! Решай, сколько тебе влезет!

— Сейчас мы присядем, я идти не могу! — простонал Ротлиф.

Они растянулись на тёплом гравии, и Ротлиф погладил свой живот по часовой стрелке.

— Теперь не только цинк, медь и доля золота — мои, но и тантал, уран, молибден, иридий...

— Ну, завёл свою песню! — сказал в сердцах Маштаков.

— Ты не лояльный слуга! — обвиняющим тоном заметил Ротлиф. — Ты восторгов босса не разделяешь.

— А ты — босс, что ли? А я — слуга? — не менее грозно спросил Маштаков.

— Ну-ну! Ну-ну... — уклончиво прогундосил Ротлиф. — Я помню, помню, что ты пока незаменимый. Yes, I do! But I am!

— Вот идиот на мою голову! — шёпотом подумал Маштаков. — Хотя идиот, по идее, слово не ругательное. Князь Мышкин был идиотом, каждый хороший человек — идиот... А выругаться — надо!

Он снова обернулся к Ротлифу:

— Я вижу, тебе уже лучше?

— Да, это так! Ура! И мне нужен собеседник. Я привык беседовать за фэйф-о-клоком*. А ты мой самый доверенный слуга.

— Это наглая ложь и грубая лесть.

— Терпение, терпение, май мэн!

— Я тебе не мэн!

— А чей же ты? Чей же ты ещё?..

— Твоя тыква этого не поймёт.
— Никакой же тыквы нет! У меня только ты!
— Сэр, прекрати! А то будешь долго искать меня!
— Без разрешения ты никуда не пойдёшь!
— Допустим. Но запросто могу не вернуться.
— Общение со мной — это честь! Ты сам не выдержишь без меня.
— Ну-ка, сэр, давай меняй настройки!
— Ладно! Значит, ты уверен, что еда в этой стране — органична?
— Уверен.
— И на всей планете?
— Думаю, да. Или... Бог его знает.
— Гм!.. С одной стороны, это хорошо — для меня как владельца. Но куда же подевались труды десятков организаций — типа «Монсанта», ВОЗ, Макдональдса?.. Где результаты вакцинаций и генетических модификаций?
— Кончились вместе с концом света.
— Это я понял, понял. Но ведь польза от них была! Картошка с генами скорпиона оставила без пищи колорадских жуков. Они подошли — это же явная выгода.
— А людей стало тошнить от картошки и от «Монсанта» — это что, по-твоему?
— Достойные всё равно питались достойно.
— А кто решил, что они достойны?
— Решают, май мэн, всегда те, кто в состоянии решить.
— Вот потому твой мир и кончился.
— Он мой по-прежнему! Даже больше!
И Ротлиф обвёл рукой окрестности, зажмурил от удовольствия глаза и погрузился в свои грёзы.

Придя к месту, облюбованному Ротлифом в качестве «лагеря», они сели за тёплым камнем на мелкий гравий и оба с равным наслаждением вытянули ноги.

Маштаков, которому уже изрядно надоел этот Ротлиф, не стал напоминать о намерении того обсудить с ним «подробнее главный вопрос». А тот открыл, было, рот — да так и застыл: неожиданная мысль посетила его. Он искоса посмотрел на Маштакова, потом закрыл рот — и носом развернулся к нему:

— Собственно, почему ты не говоришь по-английски?
— С какой стати?
— По нужде. Я же говорю с тобой по-русски.
— У меня нет нужды говорить по-английски.
— Верх наглости! — вскинул кверху руки и затряс ими Ротлиф. — Верх наглости!
— Людям правда, а ему наглость! — отвернувшись, проворчал Маштаков.
— Где ты видишь людей? Где?! — завизжал Ротлиф, брызгая слюной и молотя своим камнем по гравию. От поднявшейся пыли оба закашляли.
— Если я начну по-английски, сам не рад будешь! — пояснил Маштаков.
— Тогда — ладно! Как, ты говоришь, твоя фамилия?.. Маштаков? Хоть ты и яфетид, но в твоей фамилии слышу что-то близкое...
— А ху-ху не хо-хо? Мою фамилию испохабила одна мадам бюрократической национальности, даже не на мне, а ещё на дедушке. Мы родом из деревни Мастаки под Витебском...
— Знаю Витебск! Славный город! У меня кузены есть оттуда... То есть — были... То есть, я так думаю. Да ты не переживай: буква «с» тоже читается как «ш» — у венгров, евреев... Маштаков — по-нашему будет Маштаков. Сорос — по-нашему будет Шорош.
— Нечего меня куда-то записывать!.. — упрямо мотнул головой Маштаков. — Сам перепишусь на «с», если даст Бог вернуться!
— Вот, вот, вернуться!.. Куда вернуться? — сверкнул глазом на него Ротлиф.
— В Россию. В Белоруссию. В Жмеринку... Какая разница?
— Разница есть! — кривя рот, улыбнулся Ротлиф.
— Для тебя! А для меня — нету!

— Да где они — Россия, Жмеринка?.. Конец света наступил!
 — А где твоя Америка, твой Париж?.. Покажи хоть на твоём экранчике! Что? Не можешь?.. То-то!
 — Ты, вижу, ничего не понял, — важно произнёс Ротлиф, а дальше перешёл на будничную интонацию: — Россия — тоже моя, Жмеринка — моя, Китай — тоже мой.
 — Тогда — всё! — согласился Маштаков. — Тогда — конец света! Тогда понятно, почему он наступил.

14

После естественно наступившей паузы, во время которой Ротлиф продолжал сладостно поглаживать каменный кругляш, Маштаков заметил:

— Это всё слова, никаких доказательств...

Ротлиф ответил не сразу, и тут Маштакова осенило: он гладит кругляш, воображая, что держит в руках земной шар!..

— В конце моей лекции ты поймёшь, что мне принадлежат, если они сохранились, даже российские подводные лодки!..

— Тогда скомандуй: хоть одна пусть придёт и заберёт нас!

— Вопрос имеет много аспектов, разберёмся по порядку... Вся планета представляет собой определённую ценность и потому собственность...

«Не смей торговать землёй, она принадлежит Творцу и дана тебе в пользование», — что-то подобное слышал Маштаков от покойного деда, и это было известной библейской заповедью, которую, однако, он точно вспомнить не мог.

— ...Вся эта ценность поделена между подставными государствами, которые отдают её, обычно задаром, разным компаниям и корпорациям, но фишка в том, что окончательных владельцев Земли, если убрать всех подставных партнёров, акционеров, посредников, президентов, корреспондентские банки и прочее, и прочее, то останется не более полусотни реальных собственников, и все они принадлежат маленькому кругу лиц, состоящих в родстве друг с другом. И я — один из них. Но теперь, в результате конца света, когда мой Бог оставил меня одного, я владею всем...

— А я при чём?

— Не торопись! То есть ты понял, что юридический владелец планеты Земля — Я, исключительный собственник, Ротлиф Первый Нового Мира?

— Я давно всё понял.

— Хорошо! Идём дальше. Это право собственника надо реализовать, провести инвентаризацию и устроить Новый Мировой Порядок... Для твоей эрудиции скажу тебе, что денег в мире было напечатано в 28 раз больше, чем вся стоимость планеты в действующих ценах. Это гениальное изобретение банкиров-ростовщиков и посредников: деньги размножаются сами по себе, независимо от состояния материи, экономики, производства и потребления.

— Я читал об этом. Я только не понял про подводные лодки. Русские подводные лодки.

— Но это же просто. Если ваша подводная лодка не может пустить ракету без команды верховного главнокомандующего, а тот не может дать команду без консультации с моим доверенным лицом, то кому принадлежит подводная лодка?

Поскольку Маштаков не отвечал, Ротлиф счёл нужным повернуться к нему носом:

— Лодка принадлежит мне.

— Водка, лодка и молодка! — дико захохотал Маштаков и вскочил на ноги.

Ротлиф испуганно отпрянул и тоже вскочил.

Стоя по разные стороны валуна, они молча уставились друг на друга.

— Ха-ха-ха! — деланно рассмеялся Маштаков. — А я теперь, выходит, второе по влиянию лицо на планете!

— Именно так. Э-э... Почти что так.

15

— И что мне с этим делать? На кого влиять?

— Как мой советник, можешь и на меня попробовать, если оправдаешь доверие.

Маштаков не рассмеялся, а вслух только произнёс:

— Я бы лучше занялся инвентаризацией. Как ты себе её представляешь?

— Сначала я должен со своим богом пообщаться, спрошу его, сколько он континентов мне оставил, а сколько утопил... Это будет макроинвентаризация. А дальше, в смысле микро, видно будет. Знаешь ли ты, где мы на глобусе находимся?

— Откуда мне знать?

— И я не знаю. Тоже об этом спрошу.

— Когда ты его спросишь?

— Это моё дело.

Маштаков почесал затылок и спросил:

— Слушай, сэр, когда тебя трахнуло, ты где находился?

— В штате Нью-Джерси.

— А я в Хабаровске. Ты стрелки часов переводил? Конечно, нет? Я — то же самое... Но я засек время, сколько часов я в этой ерунде пребываю, понял меня? Думаю, мы здесь в одно время оказались... Короче, можем установить разницу между своим прошлым временем и местным, тогда хоть приблизительно поймём, на какой мы долготе.

— Неплохо придумал, но у кого ты спросишь местное время?

— А по солнцу?

— А как его разглядеть? — хмыкнул Ротлиф.

Маштаков на минуту задумался.

— Тогда надо ждать, когда стемнеет — и примем это за двадцать часов местного.

Ротлиф посмотрел на свои часы и покачал головой:

— У тебя и у меня, как я вижу, одинаковое время — значит, местное. То есть ничего мы вычислить не сможем. Но я стрелок не переводил.

— И я не переводил.

— Как у вас там, у русских, сказано? «Пути Господни неисповедимы»?.. А ты не верил, что конец света — он есть! Вот он — здесь! — и Ротлиф постучал пальцем по циферблату.

«Постучал бы ты лучше себя по лбу!» — снова неприязненно подумал Маштаков о властелине мира.

16

Ротлиф произносил свои тирады о конце мира с таким торжеством, словно переживал несомненный триумф.

«Неужели ему не о ком пожалеть в прошлой жизни?» — ужаснулся Маштаков.

— Меня терзают смутные сомнения, — сказал он Ротлифу.

— О! Я слышал раньше эту цитату!

— Меня терзают смутные сомнения: как ты сможешь, сэр, и главное — кому? — предъявить свои права на планету Земля? Короче, кто их признает законными, кто тебя поздравит и введёт во владение? Какая власть, какой авторитет?

— Я предъявлю, и я — признаю, и я — введу! В моём лице — симфония всех властей и соединение власти с природой и богом.

— Не слабо хлестакуешь! — восхитился Маштаков.

— Хлеста... что?

— Творчески мыслишь, говорю.

— О да!

— О, как я устал! — в тон Ротлифу, но вполне искренне воскликнул Маштаков. — Спокойной ночи, начальник!

Ротлиф не только верил в своё право обладать океанами, недрами и сушей, но и в то, что такое обладание даёт ему исключительные права перед его богом, каковым для него был всё тот же бог, с которым боролся в потёмках его праотец Иаков, будущий Израэль.

Никакой другой предприниматель не мог быть крупнее и значительней Хозяина всяя Земли, каковым самому себе представлялся Ротлиф. Никто с ним соперничать не мог — просто было некому. Но Ротлифу только предстояло осознать, что Земля его лишена людей, а значит, лишена самой экономики. Впрочем, это могло быть и не дано ему понять.

Картина и состояние Земли, как и место Ротлифа на ней, — после известного, но необъяснимого События — Ротлифу не вполне были ясны. Он твёрдо знал только две вещи о себе: первая — он юридический собственник, не имеющий себе равных; вторая — поэтому он вправе обращаться к своему богу, как топ-менеджер крупнейшего предприятия, в любое время дня и ночи (если день и ночь в глазах бога существуют).

Дождавшись сумерек, он увидел, что Маштаков принёс немалую охапку неизвестно где найденной пакли и устроил два сравнительно удобных ложа, удалённых друг от друга. Когда Маштаков настроился спать на одном из них, Ротлиф удалился в уединение побеседовать с богом Ягве — спросить о своём назначении и попросить о гарантиях.

Лаская пальцами свой камень-кругляш, Ротлиф тридцать раз повторил свои вопросы, прежде чем крякнуло, расколовшись, мёртвое дерево, и в треске послышалось:

— Ты — единственный, Ротлиф! Имеешь!

На вопрос же исключительного владельца: «Чего ждать мне, о, Бог мой? Что делать?» — дерево снова крякнуло, но слов не прозвучало.

Ещё немалое время ходил Ротлиф вокруг мёртвого ствола, полируя пальцами каменный образ собственной Земли, и ждал ответа, приветия или совета, но бог ничего не сказал своему избраннику.

Сколько так ходил кругами Ротлиф, он оценить не смог, потому что время на Земле стало течь очень медленно, как всегда в начале нового мира после конца света. Полчаса на циферблате часов казались ему вечностью.

Он лишь уверовал окончательно, что конец света свершился и что он, Ротлиф, — единственный Адам, единственный собственник и единственный собеседник бога, а некто Маштаков — хоть и не друг Адаму, но работник ему.

«Сделай так, о, Бог мой, чтоб тебе не стало скучно со мной!» — попросил Ротлиф. — «Чтоб не отвернулся ты от меня!»

Бог промолчал. Ротлиф выждал ещё какое-то время — и отправился спать.

А эта скотина Маштаков уже похрапывал, как у Бога за пазухой.

17

Но благополучие ночёвки Маштакова оказалось призрачным. Едва недолгий сон снял избыток усталости, как снова пришла тревога, глаза его раскрылись, и он увидел снова вместо звёздного неба зыбкую пелену, которой была отныне занавешена Земля. Она белёсо колыхалась в ночных сумерках, не давая никакого представления о времени суток.

Маштаков проснулся, словно от толчка: вспомнил окончание вчерашнего дня — то есть отход Ротлифа на беседу с его богом, в то время как сам он, Маштаков, завалился спать, у Бога не отпросившись, — и угрызения совести уже не дали ему уснуть. Он задумался...

Что-то подсказывало ему, что Ротлиф мог оказаться правым — не в смысле собственности и владения планетой, а в отношении конца света: некое Событие в самом деле произошло!

Что-то случилось с миром его окружения, привязанностей и привычек. Теперь то ли он спит и видит кошмар, то ли он вырван с корнем из почвы и обречён на неизвестное будущее. Вчерашний Маштаков был и сознавал себя Обломовым — человеком современным, образованным, начитанным, всё понимающим, подобно герою знаменитого в древности (Маштакову, тем не менее, известного) романа, но, мягко говоря, он был не слишком деятельным... «Вот за это мне и досталось!» — говорил себе он теперь. — «Теперь я не Обломов, а состою Захаром при каком-то отморожке... Не приведи Бог!»

В богословии Маштаков был сравнительно начитан, религиозное восприятие жизни ему было присуще, но прихожанином церкви он быть не мог из-за особенностей эпохи. Просто он любил разбираться в некоторых вопросах, важность которых он ощущал. И теперь ему показалось унижительным, что Ротлиф, существо бесчеловечное, уходит на сеансы общения со своим богом, а он, Маштаков, выглядит хуже Ротлифа: ни вопросов Богу не задал, ни с просьбой не обратился, ни молитвы не прочёл. А вопросов-то — целый рой! Гудят в голове — и спать не дают! Лёжа на неудобном ложе почти неподвижно, потому как всякое движение вело к сползанию «одеяла» — наброшенных сверху древесных волокон — он в полудрёме ожидал рассвета, чтобы начать новую, более достойную жизнь.

Рассвет запаздывал, а сна уже не было. Только Ротлиф храпел и причмокивал, отдавший много сил на своё ликование. Время от времени он что-то бормотал на гнусавом диалекте мирового правительства, но желания прислушаться к нему у Маштакова не возникало.

В своё время Маштаков перечёл немало специальной литературы на языке Ротлифа и мог понимать её со слуха, но говорить не умел и, главное, не хотел — чтобы избежать внимания начальства, карьерного роста и неизбежного скорого падения. Почему-то таков был путь всех отмеченных любовью начальства: индивидуальная карта спецпитания под надзором эскулапов, громкий успешный проект, слава — и досрочное увядание на четвёртом десятке. Другой вариант успеха и спецпитания — несчастный случай или самоубийство. Маштаков предпочёл лежать на диване, кое-как питаясь и читая нелегальную литературу в бумажном исполнении: её нельзя было пеленговать или сканировать. Книжки собирались ещё родителями и дедом по отцовской линии, но теперь только младший Маштаков ведал этими сокровищами, никому не поверяя свою тайну.

Рассвет запаздывал, но всё же приближался, а речь Ротлифа становилась более членораздельной — приходилось волей-неволей слушать:

— ...А ты, ротвейлер*, // * Вероятно, всё-таки Ротвейлер./ теперь помалкивай. Не то лишу наследства. Где твой кбуст-гард? Где мировая жандармерия? Где кейтеринг? Теперь я должен один возделывать планету, которую вы заporоли! Не думаю, что нужна была тотальная депопуляция! Вы на кого меня оставили, а?.. На бестолочь-славянина? Не могли мне послушного кафра найти? Слишком во вкус вошли, дорогие кузены: Хирóсима, Черно́быль, сучий грипп, Суматра, Фукусима, Югославия... Где ваше Косово теперь, а?.. Что вам оно дало, кроме копеечных человеческих органов и непосильной авиабазы? А как надо мной смеялись, над моей слабостью к славянкам — но я же делился с вами, закрывая глаза... Теперь вы где? А я вон тут!

«А где это — тут?!» — не открывая глаз, подумал Маштаков и, по-прежнему с закрытыми глазами, горько рассмеялся.

Ротлиф подпрыгнул на своём ложе и выпучил глаза, озираясь...

18

Переход от тревожной полудрёмы к несомненному кошмару трудно назвать пробуждением. Боясь этого кошмара, он долго не открывал глаз — в обломовской надежде, что время само исправит всё виденное вчера. Сначала прислушивался: но не было слышно утренних птиц — ни райских, ни земных. Пощупал неудобья, намывшие ему бока, ощутил волокнистую «паклю» из коры пальмы-ивы... С бесстрашием отчаянья открыл он глаза: над ним стоял Ротлиф и поглаживал свой круглый амулет, склонившись над Маштаковым, — словно прицеливаясь, куда его уронить.

По телу Маштакова пробежала дрожь: он всё-таки здесь! — то есть *тут*, то есть... неизвестно где. Оказалось, что после бормотания Ротлифа он успел уснуть, и ему приснилось, что он спит осенней ночью на досках речного дебаркадера, а туристы заамурской державы без конца и края перешагивают через него, больно задевая коваными ботинками...

Ротлиф уже отошёл от спального места Маштакова и теперь, покачиваясь на «подушке» из местной «пакли», ждал, по-видимому, новостей с Уолл-стрита.

— Какой же сегодня день? — спросил себя Маштаков, споткнувшись ещё об одну сторону случившейся беды. Простейший вопрос, а не осталось ни календарей, ни астрономии, чтобы на него ответить...

Он задохнулся от подавляемых рыданий. Жизнь без календаря — после утраты всего человечества — оказалась той последней и решающей обидой, которая сокрушила его. Не будет памятных дат, не будет годовщин, не будет пятницы, не будет воскресенья. И сколько месяцев в году?.. И есть ли месяц на небе?

Однако разум подбросил ему спасительную и не такую уж безумную надежду... Именно мысль о луне вызвала в памяти кадры голливудской «высадки на Луну» в черноте космоса... Почему я теперь не вижу неба? Что если нас, двух придурков, упрятали в съёмочном павильоне и делают из нас мракобесное reality show? Да ещё внушили нам убеждение о конце света! И ставят сатанинский опыт: объединится ли человечество — или одна половина сожрёт другую? А объединится — опять же в каком это смысле, какого будущего ради, если Евы нет?

Теперь легко всё негодяями делается... Стирают из памяти что хотят. Он совершенно не помнил, на какой дате было оборвано его прежнее существование, — ни дня недели, ни времени года, ничего.

«Теперь я — пещерный человек, только хуже: без семьи и даже без пещеры — один! Да ещё в компании с сумасшедшим...»

— Завтрак! — приказал Ротлиф.

— Погоди, сэр, сначала помолюсь: может, смилуется Бог над нами!

— Что значит «погоди»?

— Значит, подожди!

— А ты религиозный, что ли? — спросил Ротлиф.

Маштаков не стал отвечать, но Ротлиф не унимался:

— Смотри, когда получишь по щеке, не забудь: подставь другую!

— Это от кого же я получу? — с нажимом на «кого» ответил Маштаков и отошёл за высокий валун, чтобы даже вид придурка не досаждал ему.

— Господи, молюсь Тебе, как умею, призри на мене... — Он запнулся и тут же поправился: — На нас!..

19

Помолившись, он остался стоять, глядя на морскую гладь до горизонта и понимая, что съёмочный павильон был бы слишком для неё маловат. Если только тут нет какой-нибудь новейшей киношной хитрости.

А если перед ним святая правда, тогда этот мир уже не развернётся вспять — ни русской подводной лодки, ни коуст-гарда, ни МЧС уже не будет, и надо теперь думать — «почему», чтобы знать, как дальше жить. И — зачем жить. «Как» и «зачем» означали что-то одно — пока неизвестное.

Возвращаясь к Ротлифу, он сначала услышал «вай-вай!», а вслед за тем увидел, как Ротлиф обеими руками стучит себя по голове и дерёт себя за волосы. Едва Маштаков подошёл, как Ротлиф подскочил и дал ему затрещину.

И тут произошло нечто знаменательное. Маштаков ответил Ротлифу двумя оплеухами с обеих сторон — да так, что голова у того мотнулась и раз и два, как у тряпичной куклы. Но Маштаков, получивший от Ротлифа по левой, одновременно со своими ударами подставил ему правую... Только у Ротлифа не хватило духу этим воспользоваться.

— Ты понял, сэр? Это насчёт моей религии. А теоретический зачёт мне сдашь потом когда-нибудь.

Ротлиф сел на свой камень, напоминавший корыто, и стал оттуда посматривать на Маштакова гневно выпученными глазами. Губы его шевелились, время от времени он горделиво выпрямлялся на своём седалище и задира подбородок.

— Э, я вижу, ты не понял!.. А непонимание — причина многих бед, и войн, и болезней... Даже болезней! Хотя очень может быть, что я стану сейчас метать бисер перед свиньями... — Но-но!.. — грозно предостерег Маштакова Ротлиф.

— А где ты видишь множественное число? — хитро осведомился Маштаков. — Поверь, ничего личного. Ты же у меня один, как солнце в небе!

— Завтрак! — рявкнул Ротлиф, которому всё ещё было не по себе от перебора пощёчин.

20

— Ну, завтрак! — согласился Маштаков. — Тогда бисер будет после завтрака.

До случившегося инцидента он ещё не знал, что и отчаянное «вай-вай», и внезапная агрессия Ротлифа были вызваны продовольственным кризисом: теперь же властелин предъявил ему шарики «брюссельской капусты» — уже не зелёные и упругие, а скисшие, сплюснутые пустышки с дурным запахом.

— Это нам урок Божий, сэр твою так! — стал объяснять Маштаков. — Это по нашим рукам загребушим! Потому что нельзя забывать: «Даст Бог день — даст Бог и пищу!» Пойдёшь со мной за капустой — или здесь будешь сиднем сидеть?

Ротлиф поколебался:

— Лэт ми си... Лучше я тут в море загляну.

«Правильно: соблюдай дистанцию, соблюдай! — мысленно одобрил его Маштаков, и молча вернулся. — Гусь свинье заведомо не товарищ!»

— Ты куда идёшь? — окликнул его Ротлиф.

— За едой.

— А ты взял у меня разрешение? Не взял!

— Письменное или устное? На бумаге или в камне?

— Человек, не забывайся! Я этой Земле единоличный лорд, отсюда — всё на ней моё!

Ротлиф пошевелил округлыми плечами, повернул нос вправо и влево — и после этого изрёк:

— Теперь имеешь моё разрешение на сбор зелёных шариков, пресной воды и на открытие новых видов пищи.

— О, лорд, в чём я воду принесу, когда посуды нет?

— Вай! — вскрикнул Ротлиф как ужаленный. — Придумай посуду — как хочешь!..

Однако недоумённая пауза не могла не наступить: Ротлиф озадаченно и гневно смотрел на Маштакова, а тот, в шутовском поклоне, улыбался земле.

— Вэйт! — приказал Ротлиф. — Я сейчас посоветуюсь с моим богом, а потом ты будешь меня сопровождать к воде и пище!

21

Ротлиф отошёл за высокий валун, чтобы человеческий взгляд не мог его скомпрометировать, и принялся воздевать руки к небу, бить себя в грудь и, нимало не смущаясь, вскрикивать, как при оргазме:

— Бог мой, ты хорошо поступил, избрав Меня; освободив от суровых родственников и партнёров — Меня; сделав непререкаемым монополистом — Меня! Но зачем ты дал Мне слугу, который тоже монополист?! Зачем это существо монополизировало всяческий, ну прямо-таки всяческий сервис на Моей Земле?

— Ай да «маленький принц»! — ухмыльнулся Маштаков, который не мог не слышать всего этого.

А Ротлиф скандировал:

— Ты конфисковал Землю у Моих кузенов и братьев. За их малое уважение ко Мне. Но чего ты хочешь от Меня? Оставив своего Избранника наедине со слугой!.. Которого Я даже уволить не могу!.. Как же я буду разделять и властвовать?!

Здесь, в патетическом месте, Ротлиф взвыл, взвизгнул — и ещё подвыл.

«Дурдом и конец света!» — сокрушённо сказал себе Маштаков, присаживаясь на каменный выступ.

— Сделай, бог Мой, Землю комфортной, а сервис конкурентным, дай мне выбор, слышишь ты, бог Мой?..

Послышались вздохи и всхлипы, словно Ротлиф слушал ответы своего бога.

— А когда за мной придёт круизный ковчег с цивилизацией?

Ответ, по всей видимости, Ротлифа не устроил.

Издав ещё несколько ритуальных междометий, он вышел из-за камня с осунувшимся лицом.

— Буду ночью с ним ещё говорить... — проворчал он, словно ни к кому не обращаясь.

— Дело хозяйское, — пробормотал Маштаков.

Сам он сегодня забыл прочесть «Отче наш», которое по утрам считал благодарением, а по вечерам — прощением. Видно, этим утром не хватило ему благодарного настроения.

Зато вечером есть о чём попросить.

22

К дереву с «брюссельской капустой» пошли вдоль кромки моря: Маштаков надеялся найти что-нибудь полезное, выброшенное прибоем, — например, бутылку или, паче чаяния, котелок.

Море было более спокойным, чем вчера, кружевная кайма его пены, узкая и тихая сегодня, быстро исчезала в каменном крошечке берега.

Маштаков корил себя за то, что не проследил вчера за ходом часовых стрелок и течением суток: не давало покоя ощущение, будто сутки тянутся теперь несравнимо дольше, чем в прошлой жизни. «Ну, а если бы проследил — что бы изменилось?» — возразил он себе.

Ротлиф помнил дорогу к дереву — и шёл впереди... Так было спокойнее и Маштакову, хотя что могло ещё случиться, чего ещё стоило бояться — после Того, Что случилось?.. Тот, Кто забросил их сюда — их обоих видит, несомненно. Чего же тогда бояться? Только Его Самого. Будет только то, чего не миновать.

И Маштакову, и Ротлифу утренняя прогулка от «резиденции» к дереву — расстояние в полтора километра — уже казалась естественной и необходимой. Во-первых, тот уже свыкся со своим каменным ложем-корытом, используя его как кровать, как трон и как шезлонг, потому что корыто было хорошо укрыто скалами от ветра. Во-вторых, идя вдоль линии берега, Маштаков питал надежду всё-таки найти что-то насущное, необходимое — что посчитает нужным послать Тот, Кто забросил их сюда. А если не посчитает нужным, значит, новая жизнь пойдёт без горячей пищи, без инструментов, без жилья — и не дольше положенного, не дольше возможного.

— Сэр, а, сэр? — окликнул он Ротлифа.

— Говори! — повелел Ротлиф.

— Нам учитель, помню, рассказывал, что все англоязычные — козлы...

— Как он смеет! — предсказуемо вскипел Ротлиф.

— ...потому что собственных детей зовут козлятами.

— Ах, негодяй!.. Козлятами — ну и что? Не сомневаюсь, что плохо ему стало!

— Да, кто-то настучал — и его уволили.

— Настучал?..

— То есть донёс.

— Правильно! Донос — это двигатель прогресса.

— И демократии? — уточнил Маштаков.

— Не совсем так. Демократия — это результат прогресса. Значит, донос — это дедушка демократии.

— Вообще, не в обиду будь сказано, англоязыкие натворили делов! Лжеязыкие, лучше сказать — будет самое то!

— Это почему?

— Так ведь *Albion perfide** — слова исторические.

— А, так ты читал запретные книги?!

— Конечно. Мы бы сами не скоро догадались, да французы подсказали. Опять же не в обиду будь ска...

— Я не француз, не англичанин...

«...и не человек!» — мысленно продолжил Маштаков за Ротлифа.

— ...я даже не человек, а супер. Какой резон мне обижаться? Высший не обижается на низшего.

Он объявляет ему приговор — и всё.

— Объяви, сэр! Пожалуйста!

— Твой приговор отсрочен и засекречен! — с важностью изрёк Ротлиф.

— Тогда мне надо поспешить, чтобы ты понял заповедь о пощёчинах...

— Stop it!

— Нет уж, послушай! Это было сказано не кому-то одному, а всем и каждому. То есть человечеству — совокупно и порознь.

— Что такое «совокупно и порознь»?

— Подожди, покопаюсь я в своём английском...

— Вот и говори по-английски!

— Я же объяснял: у меня английский — не устный, а письменный. А, вот!.. Было сказано всем людям — *jointly and severally*. С тем, чтобы каждый усвоил, без исключения — *каждый*, ты понял, сэр? Тогда никто бы первым не дал никому пощёчины. Хотя речь идёт, конечно, не только о пощёчинах, а вообще...

— Людям — да, согласен. Но я — не человек! Я выше!

— О да! Ты достоин смирительной рубашки.

— Это как по-английски?

— Увы, не знаю.

Тут они подошли к дереву с капустой — и Ротлиф забыл о своём вопросе.

23

Сегодня нельзя было еду назвать ни «брюссельской капустой», ни шариками: они заметно выросли в диаметре. Несмотря на это, Ротлиф съел такое же количество, как и в прошлый раз. Вчера он был слишком возбуждён и потерял аппетит.

Насытившись и утолив жажду, он спросил:

— Когда же будет кофе? И Мне нужны каналы информации!

— Не моя компетенция, — ответил Маштаков и пальцем ткнул в зенит. — Поживи без информации. А попробуй — со смыслом.

— Ты что несёшь?! — возмутился Ротлиф, и Маштаков догадался, что секс-рабыни Ротлифа были с ним достаточно развязны.

— А ты что несёшь?

— Ты, человечиска, гомо стўльтус, антропаки, гой, не смей дерзить Новому Адаму, ибо гнев Мой страшен!

— А как насчёт «прав человека»?

— Права кончились вместе с человечеством!

— Слушай, сэр, будешь возникать — посажу на диетическую карточку! А то и вообще на продовольственную!

— Я уже знаю без тебя дорогу к дереву!

— Вот и сиди на этих шарах, а меня от них уже воротит! Если ты соизволил заметить, я к ним не прикоснулся.

— Не прикоснулся? — не поверил Ротлиф. — А что ты кушал?

— Не ел ничего. Ты вот что: быстренько давай «разрешение» — и я пойду в глубокую перспективную разведку. А сам дуй обратно, насколько тебе брюхо позволит.

— Что такой «дуй»?

— Это «иди, иди».

— А что такое брюхо?

— Это желудок, — смягчился Маштаков. — Иди, голубок, иди!

24

Уф-ф-ф! — выдохнул Маштаков, оставшись один, и силы оставили его. Ноги подкосились — и он сел прямо на землю. В мире не стало людей и улыбок, а он — ну не абсурд ли! — на безлюдной планете вынужден искать одиночества. Из абсурда никогда не видно выхода, поэтому абсурд — это ужас без конца... Тот самый, которым пугали политологи и футурологи.

А всё же конец известен: успев позавидовать мёртвым, я, как говорится, тоже умру. Это и будет, так сказать, конец. А конец ли? Сие известно не до конца. Одна мудрая женщина, Наталья Николаевна из Национальной библиотеки, объясняла, что всякий конец эпохи наказывает нас без разбору — правых и виноватых. Потому что все грешны, все, но не это главная причина, а потому что земная жизнь идёт на белом свете не по реальной, а по биржевой цене. Биржа играет — и цена нашей жизни то вздувается, то опадает. А на самом деле, если среднюю жизнь принять условно за кубический метр (на бирже), то придётся нам признать, что настоящее значение жизни на Земле — это маленький твёрдый остаток, твёрдый орешек нравственного опыта и подвига. А познать всю полноту Жизни, в которой здешняя, земная жизнь — что горошина, удаётся только после так называемой смерти, кончины, «ухода из жизни» и т.п. Но не вздумай, сынок, сам себе устроить уход из жизни, говорила Наталья Николаевна, глядя на Маштакова в точности так же, как смотрела на него родная мать, значительно уступавшая Наталье в учёности. Теперь его мать, отец и Наталья Николаевна сравнялись в учёности — на небесах.

С места, где он сидел, было видно море: оно уже не плескалось, как вчера. Замерло в каком-то ожидании. Море смотрит, подумалось Маштакову. Но нет, это смотрит небо, а не море, которое часто волнуется и слепо бьёт о сушу. От невиданного безветрия медленно, но верно нагревался воздух.

Маштаков глядел на пугающе неподвижную поверхность воды, и на этом экране память рисо-

вала ему прошлые картины... Непонятые знаки человеческой истории. Если был какой-то порядок в их последовательности здесь на экране, то не хронологический: Геркуланум, Содом, Помпеи, Атлантида, Спитак, Сан-Франциско, Ташкент, Ленинград, Мессина, Ленинанкан... А тот метеорит, не долетевший до «свердловской» области, взорвался над Южным Уралом, предупреждая Средний... Ибо дела людей и памятники идолам смердели уже тысячи лет.

Но и такой мир, пока были живы родители, был для Маштакова родным домом. После утраты родителей мир был уже не тот. А после утраты человечества, оставшись один, ты уже приговорён к одиночному заключению. Тебя не стерегут, но бежать из одиночки не к кому, некуда.

Так думал Маштаков, потерявший родителей за год до Того, Что случилось, сам никогда не имевший детей, а теперь внезапно потерявший целое человечество. Дождавшись у моря погоды, в неизвестный день нумерованного года сидел человек, не зная ни календарей, ни часа, тихо отмечавший «родительскую субботу».

Здесь камни были непохожи на те, что окружали их с Ротлифом стоянку: там жёлто-серые гнейсы, а здесь жёлто-розовые, с фиолетовым переливом граниты. Есть по-прежнему не хотелось, но странным образом силы Маштакова возстановились.

Он встал и пошёл вверх по высмотренному им на бело-розовой горе подобию ступенчатой лестницы — в надежде увидеть с высоты очертания острова или материка, сухого остатка планеты, короче, того, что уготовила ему Неизвестность.

25

Взбираясь по облюбованной им «лестнице», он осторожно пробовал подошвой каждую ступеньку, прежде чем переносить на неё свой вес. Приходилось быть настороже, потому что некоторые «ступени» качались, а то и рассыпались под ногой.

Он уже понял, что Земля замедлила своё вращение: светлое время суток продолжалось теперь почти пятнадцать часов — и столько же ночь. Должно было ослабеть и магнитное поле, тут скорость имеет значение. «Если я ничего не путаю», — скромно прибавил он. Так что на солнце, если даже оно занавешено пылью, долго не посидишь: радиация жёсткая. С сожалением он посмотрел на свои малополезные теперь часы.

И чуть не оступился... Камешки посыпались, с шумом увлекая за собой другие, но этого никто не услышал, никто ему не крикнул: «Эй!..»

Добравшись до вершины, он увидел, что на горизонте была со всех сторон вода. Остров!.. Это ещё куда ни шло, но весь горизонт, запудренный дымчатой пылью, не обнаруживал никаких возвышений над уровнем моря. Только в одной стороне — если думать, что солнце бледнело сейчас на юго-востоке, то в направлении к северу — в сравнительном соседстве с островом Маштакова виднелись расплывчатые очертания большой тёмной махины. «Это её я принял тогда за отходящий от острова кряж-перпендикуляр!» Тёмной она могла быть благодаря покрову растительности — либо из-за вулканических пород. «Дай-то Бог, чтобы зелень!» — прошептал Маштаков, забывшись на миг в своём оптимизме.

Большая Земля, как окрестил её Маштаков, отстояла на неизвестном удалении, и оценить расстояние было невозможно из-за взвеси пепла и влаги, висевшей в воздухе. «Если это не мираж вообще!» — охладил себя Маштаков, боясь самообольщения.

На обратном спуске он сделал привал: сел в тени на краю обрыва и задумался.

«Не только вращение Земли замедлилось, — сказал себе он. — Я совсем не вспотел. И есть не хочу. Значит, замедлился обмен веществ в организме... К концу света мы летели с бешеным ускорением... А что творилось, когда технологии перескочили на Цифру!..»

Сейчас ускорения как будто не чувствуется. А Маштаков почему-то отстал от человечества: оно прошло через Неизбежное Неотвратимое, а он, грешнейший из грешных, — единственный, кто не предстал ещё пред Судией... Ему оставлено пространство для вдоха и покаяния.

Потому и ускорения быть не может. «Логично я мыслю или нет?»

О Ротлифе Маштаков не думал, он забыл о нём. Картины собственной прошлой жизни вставали перед глазами.

Ещё до пришествия Последней Власти, в самый разгар Отчаянной Безработицы, Маштакову приходилось слышать сокрушённые вздохи отца:

— Што жа эта будет, а?.. Позор на маштаковскую голову... Штобы молодой, здоровый — и не мог работу найти? Или ты не в наш белорусский корень?..

Вопрос уже обсуждался многократно, поэтому Маштаков-младший на вздохи отца не отвечал — отмалчивался. В самый первый раз он спросил: при чём тут белорусский корень?.. Отец оживился и с удовольствием объяснил, что первые трудяги на Руси, вестимо, белорусы — это признавали самые разные люди, встречавшиеся ему.

— А русские, россияне? — спросил отца Маштаков.

— Да кто же наших русских не знает? Бесшабашные, беспечные... Но последнюю рубашку — отдадут!

Сын покачал недоверчиво головой и спросил:

— А белорус не отдаст?

— Может, и отдаст, если она у него есть, но сначала подумает.

— Это, батя, мифология!.. — ответил Маштаков-младший. — И как понимать: «если у него она есть»?

— Ну, эта... память, история!..

— А хохлы, по-твоему, какие?

— Ну, рубашку там — што сказать, не знаю, но чарку хохол нальё и пісню заспівáе. Они были, как мы. А заздёрные пройдóсвиты переписались украми. Зависть фраера сгубила. Заразили их кроаты католицкой лихоманкой.

Маштаков отцовские слова принял — но с поправкой на его возраст и перенесённые им обиды.

Мать вступалась и за сына, и за весь народ, и за хохлов, ссылаясь на окаянную безработицу, отец же хмыкал и пожимал плечами, но когда пришла Последняя Власть, уразумел и сам: политика виновата. Его держали на прежней работе как дежурного специалиста, потому что старикам платили половину прежнего оклада, а молодым специалистам урезать зарплату не позволял закон.

Но это были ещё цветочки... Как зарегистрированный пользователь Интернета Маштаков имел право завести семью, не имея иного дохода, кроме жалованья безработного. Но это было чревато изъятием ребёнка в доход гоцудайства. Его брак продолжался девять месяцев, когда гоцслужащие убедили жену сделать тайно от мужа аборт. Беременность жены, однако, для мужа тайной не была. Маштаков не простил её предательства — а гоцудайство с готовностью оформило развод и выплатило бывшей жене «компенсацию». Аборт несостоявшейся матери понадобился гоцудайству, чтобы обойти закон, гарантировавший работу молодому родителю.

Но это были ещё цветочки... Потом пришла Последняя Власть.

Новое гоцудайство объявило гоцудайственной тайной всякое знание об электричестве и учредило сословие электрических оракулов. Из учебников изъяли разделы об электрогенераторах и электростанциях, об аккумуляторах, распределителях и прочем, а провинившиеся в чём-либо жилые дома, избирательные участки и районы стали отключать от электросетей.

Конечно, стали изыматься старые, то есть отпечатанные на бумаге, учебники по физике, электротехнике и даже биографии Лодыгина, Яблочкова, Столетова, Доливо-Добровольского и, по очевидному недоразумению, Чубайса.

Но и это ещё были цветы-цветочки, потому что, изъяв техническую литературу, гоцпатрули взялись конфисковывать всё, что было напечатано на бумаге. Особенно охотились за литературой, когда-то изданной в царской орфографии — с «ятем» и «фитой». Гоцы ходили по домам с проверками и тайно устанавливали микрокамеры наблюдения. Но в целях экономии их ставили не у всех: в очередной приход патрулей камеры убирались — для установки в новом месте.

Чтобы иметь право на чтение буквенных книг, пусть даже с электронного экрана, от человека требовалась лицензия. Точно так же требовалась лицензия на «жизнь в семье» — то есть с родителями — для всех достигших шестнадцати лет. Пропагандировались аудиокниги, жизнь в молодёжных лагерях, добровольное ношение электронного браслета. Несогласные ставились на особый учёт — с предписанием еженедельно отмечаться в «органах опеки».

По территориям и округам давалась разнарядка (на языке новой власти — квóта) на рождение де-

тей. Это вызвало такое явление, как нелегальные беременности и роды. Микрокамеры наблюдения успешно с явлением боролись, но народ и это препятствие научился обходить.

Цветочки, однако, закончились.

Нелегальная беременность амнистировалась только легальным абортом. Гоцудайство широко торговало разрешениями на физический или, напротив, на умственный труд. Их совмещение не допускалось.

Равным образом не допускалось изготовление кустарным, индивидуальным способом — хотя бы и табуретки, даже для собственного пользования: надлежало пользоваться только патентованными изделиями трансклобальных корпораций или их дочерних компаний.

Образование было реформировано. Начальная и средняя школа получила название «егэ'ла», среднее специальное образование получило кличку «прóфка», а высшее — «эшва». Наряду с этим учреждалось какое-то загадочное «отдельное образование» — для посвящённых.

Религии запрещались, кроме непонятной народу «религии будущего». Тайно существовала, тем не менее, катакомбная Христова Церковь — в виде замкнутых сетевых приходов. Оставаясь дома, у своих мониторов, переведённых на замкнутую сеть, прихожане присутствовали на литургии — но без причастия. Естественно, оно было возможно только в доме у священника, строго по согласованию с ним, во избежание наплыва прихожан, что было бы подозрительно для гоцнаблюдателей.

Поэтому конец света не был так уж неожиданным для Маштакова. Год назад большим ударом стало для него сиротство, а нынче — это непостижимое, абсолютное, космическое одиночество.

Зачем, Господи?..

27

«А на покаяние, дурень!» — ответил за Господа сам себе Маштаков.

«Как есть ты грёшнейший из грешных...»

В одной из запретных священных книг Маштаков когда-то вычитал, что лучшие из монахов научились совершенно искренно почитать себя «грёшнѣйшимъ паче всѣхъ человекъ», потому и обретала силу их молитва ко святым — силу, совершенно невозможную для человека суеты. Но таких почти уже и не стало перед приходом Последней Власти. Журналисты выдѣргивали на свет и показывали миру монахов, иеромонахов, забывших пост и нестяжательство, катающихся с красотками в джипах и на вертолѣтах.

«Не сужу их, да не судим буду!» — сказал себе Маштаков. Знал он прекрасно, что Суд и над ним — только отсрочен, но неизбежен.

Но люди ищут послаблений и лёгких суррогатов религии. «Подставь другую щѣку» — это правило работало бы изумительно, когда б не воздержавшиеся дезертиры. Была бы и всемирная любовь на свете, когда бы каждый почитал себя грёшнейшим из людей.

А теперь он, Маштаков, бесповоротно самый грешный на Земле. Но это никому не интересно. Ему самому безразлично, когда исполнится его собственный приговор. «Без разницы», как стали говорить при Последней Власти.

И тут послышался пушечный выстрел...

28

Впоследствии Маштаков затруднялся дать себе отчёт в тех чувствах, которые в нём вызвал этот звук, — кроме потрясения внезапностью.

Вспоминал он его не раз, воспоминание слабело, теряло реальность, так что, в конце концов, осталась в памяти только давняя вспышка надежды — увидеть людей, их корабль с орудием и, значит, увидеть рано или поздно берега Амура и овраги Витебска; но тут же и разочарование — мелкое, трусливое, сразу юркнувшее в щѣлку: всё-таки он на Земле не единственный, осталась ещё на Земле какая-то власть... С кем придѣтся?.. — Бог весть.

Не мог он определить, и с какой стороны раздался тот выстрел.

Заторопившись «домой», Маштаков заблудился. Условный «север», выбранный им ранее, потерялся, и теперь он просто выбрал приблизительное направление, которое должно было вывести его к стоянке-лежбищу.

Надо было пересечь каменное поле жёлтого песчаника — и он, глаза по сторонам, не заметил колючих заграждений, поранивших ему ногу. Теперь стали видны рыжие тугие колючие шары, настолько густые и пружинящие, что можно было их принять за губки. Но это были растительные колючки, успевшие за лето пожелтеть. Значит, время сейчас — позднее лето или ранняя осень.

Маштаков снял брюки, чтобы ткань штанины не тревожила ободранное место, и обвязался ими, как поясом.

То, что он потерял направление, Маштакова не беспокоило. Их с Ротлифом «стоянка» имела значение только для Ротлифа — своим каменным ложем-«корытом», которое тот облюбовал. Маштакову же, если поднимется ветер, везде легко найти укрытие, — только источник пресной воды нельзя потерять.

Но ему повезло. Кто-то помогал всё время... Будто случайно, Маштаков набрёл на песчаную отмель, в считанных метрах от которой увидел три финиковые пальмы. Скорей из любопытства, чем от голода, он съел несколько плодов. «Это вам не заморыши из супермаркета!» — подумал он, но это было некому сказать.

Вдали темнела скала цвета дубовой коры, отстоявшая от основной горной массы так, чтобы образовать коридор или каньон шириной в пятнадцать-двадцать метров. Коридор искривлялся, не давая возможности смотреть вдоль него или сквозь него, и Маштаков отправился туда.

Коридор оказался коротким — не больше сотни метров, но в его стене по правую руку была немалая выемка, образуя «поляну» с какими-то деревьями.

Стволы их напоминали кожуру ананаса, а из трещин в коре выступал, застывая на воздухе, сок, превращавшийся в латекс или клей... В детстве, в бабушкиной деревне, Маштаков объедался вишнёвым клеем. Но этот, белёсый на вид, оказался более слабым по запаху и неспособным вытягиваться, по вкусу же походил на сырое блинное тесто.

Вспомнилось читанное в молодости: «Может, это оно и есть — хлебное дерево?»

Он собрал несколько щепоток «теста» и сунул их в карман повязанных на поясе брюк. Пройдя весь коридор, он вышел на пустынный берег и пошёл дальше вдоль кромки воды, вскоре оказавшись у знакомого ущелья с пресноводным ручьём.

«Тесен мир!» — мелькнула мысль, но ни улыбки, ни тем более радости, она не вызвала.

29

— Человек, ты что себе позволяешь?!

В безветренном воздухе фальцет Ротлифа был слышен отчётливо — ещё издалика.

Фигурка хозяина мира переминалась с ноги на ногу, отчаянно жестикулируя.

«Ну чего ты орёшь, образина?»

Именно в эту минуту Маштаков обдумывал свой план, как перебраться ему на Большую Землю. Не слишком он доверял спокойствию моря, которое сейчас установилось, а пирога или каноэ, если бы удалось их построить, казались ненадёжными. «Я тот ещё мореплаватель!» — признавал Маштаков, путешествовавший чисто по-обломовски, не покидая дивана. Правда, гражданская необходимость (прятаться вместе с книгой от камеры наблюдения) его отчасти извиняла. Читая книги за ширмой без лицензии, он делал вид, что спит. Никто не знал, где он прятал свою библиотеку. Но читать ночью было нельзя, его разоблачила бы камера: что это за сон при включённой лампе?

Строить надо катамаран, как у туземцев Тихого океана. Обойдётся и дешево, и сердито, как батя говаривал. Осталось только найти подходящий древесный ствол и подобие топора... каменного, естественно.

— Чего разорался, сэр?

Вопрос был Ротлифу понятен.

— Разорался, потому что кушать хочу!

— На вот! — протянул ему Маштаков горсть фиников. — Я в твоём саду потрудился...

Ротлиф с нежностью посмотрел на финики, баюкая их в ладонях.

— Но это десерт! А что главное блюдо?

— А главное блюдо требует печки.

— Что такое «печки»?

— Печка. Русская печь. Плита. Духовка.

— Не понимаю.

— Увидишь — поймёшь, не дурак, небось. Вот как огонь добыть?.. Ты не куришь?

— Нет.

— Понятно. Значит, как в джунглях, огонь добывать буду трением.

Ротлиф поднял голову и открыл, было, рот, но промолчал — и рот его закрылся.

Почему он не говорит о выстреле пушки? Ведь Ротлифа это должно было привести в неопишное состояние, а вместо этого — единственная новость: «хочу кушать».

Значит, Ротлиф выстрела не слышал. Неужели его должен был слышать только Маштаков?

Он стал уже сомневаться, что это был подлинно выстрел... Из мортиры пиратов ли, из пушки коуст-гáрда или подводной лодки?.. В любом случае, был точно звук! Сигнал. И Маштакова он мог ускорить — но притормозил.

Если бы это была пушка, у пушкарей можно было б спичками разжиться. Или головы лишиться. Но никакой пушки с пушкарями быть не может, потому что этого не может быть: или сутки теперь не тридцать часов? Или солнце теперь не запудрено? Или люди теперь не в Судилище Божиим? А остались только два обормота — второгодники в школе жизни.

Он стал думать о лучине для растопки — и тут же вспомнил шарообразную колючку. Доставлять нелегко, но гореть будет здорово... а больше-то и нечему. Сухой древесины мало, просто до обидного мало!

— Слышь, сэр, я пошёл за топливом, а ты тоже не сиди без дела, попробуй сухих веток наломать вон с того дерева...

— Во-первых, ты ещё не имеешь моё разрешение собирать топливо. Во-вторых...

— Во-вторых, ты не получишь основного блюда, если не будет топлива. В-третьих, поблизости нет тренажёрного зала — так что пошевелись!..

— Теперь имеешь разрешение! — почти с радостью сообщил Ротлиф, покончивший с последним финишом. — Но я пить хочу!

— Ты ведь знаешь дорогу к ручью!

— Знаю, — согласился Ротлиф.

Маштаков развернулся и пошёл за колючкой. Ротлиф смотрел ему вслед — и странная улыбка повисла на его лице. Пальцы в кармане пиджака ласково сжимали зажигалку.

30

Результатом всех прометеевых усилий Маштакова, под заинтересованным оком Ротлифа, стали волдыри у него на ладонях и твердая решимость вспомнить всё, что он когда-либо читал о кресáле и огнйве. В сказках, тайно читанных в детстве, подробностей не сообщалось. А Интернета, как источника информации, теперь не существовало. Да и содержал ли Интернет — при Последней Власти — подобные сведения? Об электричестве он точно сведений не давал, как и о взрывчатых составах. Та же судьба могла постигнуть и древние способы добывания огня.

Ротлиф, сходявший на водопой и поевший там свежих зелёных шариков, не выказывал живой заинтересованности в успешном увенчании усилий «его работника». Он сел в своё «корыто» и раскинулся в нём.

Маштаков разложил принесённое тесто на том камне, который намеревался, было, раскалить на огне, чтобы превратить его в плиту. Огня не добыл, но тесто, просто обветрившись, вполне могло стать, по ожиданиям Маштакова, готовой к употреблению лепёхой.

Но что удивляло Маштакова — это «хозяин мира», не проявлявший особого беспокойства из-за отсутствия связи со своими службами. Временно потерявший трудоспособность Маштаков волеяневолей был вынужден сверх обычного обращать внимание на Ротлифа, не отдавая себе отчёта в том, что не будь с ним рядом этого возмутительного типа, его собственный образ мыслей стал бы застойнее и намного мрачнее.

— Сэр, а, сэр?

— Говори!

— Я всегда представлял себе самого богатого человека с сигарой в зубах...

Ротлиф благодушно хрюкнул и сунул руку в карман пиджака.

«Там вполне может быть пистолет!» — мелькнула догадка у Маштакова.

— Не называй меня человеком, я тебя нет такого права. Я — оверлорд!

— Ладно, сэр, не обижайся!

— Высший не обижается на низших, он гневается!

— Ладно, не гневайся, хрен с тобой!

— В комплиментах не нуждаюсь! — отвечивал хозяин жизни.

— И ты говоришь, что ты самый богатый на Земле?.. А как же те ребята, которых список у «Форбса»?

— Ха! — сказал Ротлиф. И добавил: — Ха, ха!

— Что, враньё у Форбса?

— А то!.. «Форбс» — это СМИ. Ширпотреб. Версия для домохозяек. СМИ — не источник информации, а её изготовитель — для заказчиков. Я и мои кузены — для прессы не предмет. Хотел бы я посмотреть, как посмели бы журналисты написать о нас. Они могут повторять только то, что им скажет наша пресс-служба.

— А что твоя служба говорит о сегодняшнем состоянии дел?

— Я ей ничего на этот счёт не приказал.

— А приказывать будешь?

— Вообще, я для того, чтобы приказывать.

— Так прикажи!

— Мне пока не хватает исходной информации. Я жду докладов.

— А, ну да! Я забыл!

Маштаков начал постигать логику Ротлифа. Никакое имущество, никакая ценность не могла остаться без собственника — это было бы полным абсурдом, даже преступлением перед тем богом, который создал Ротлифа-собственника. Поэтому Ротлиф даже в мыслях не допускал, что он, собственник, может остаться без соответствующих служб обеспечения. Иначе какой он тогда собственник?

Коренную ошибку этой логики хорошо видел Маштаков: земной собственник — на самом деле не собственник, а в лучшем случае арендатор у Собственника.

При всём при том, Ротлифом не подвергалось сомнению наступление Конца Света. Как это могло сосуществовать в одной голове? Для Маштакова это было признаком помешательства. Сам он до сих пор не решался верить в То, Что случилось. Скорее он готов был поверить в грандиозное светопредставление с колоссальными жертвами — и в то, что он сам, биофизик Маштаков, — неудачливый Робинзон, которому не повезло с Пятницей.

Однако вопросы Маштакова вызвали у Ротлифа приступ словоохотливости.

— Твой Бог впервые оказался прав! — важно изрёк Ротлиф.

— Почему? Почему впервые?

— «Последние станут первые, а первые — последние» — коряво процитировал Ротлиф. — Я был последним на счету у своих кузенов, и вот Я — первый и единственный!

— А если они живы? Ну, хоть кто-то из них?

— Тогда они бы дали мне знать, прислали бы за мной. А я теперь жду только бога моего, создавшего всё — и сделавшего всё — моим.

— А что такое «всё»?

— До События я контролировал только цинк, вольфрам, сорок процентов алюминия и долю в золоте. Теперь, после События, я контролирую всё.

— Тогда проконтролируй мне напиток и кусок пирита...

— А это что такое?

— Кресало и минерал, из которого можно высечь искры.

— Я такими вещами не занимаюсь. Для этого у меня есть ты.

— Вон как! А помнишь, Ротлифы и Рофлеры перетягивали канат — одни в сторону печатания денег, а другой клан в сторону чеканки золотых монет...

— Ты откуда знаешь? — вскинулся Ротлиф.

— А я читать любил. И думать тоже. Видать, не все СМИ тебя боялись. И вот я думаю: как же ты собирался всю планету оценить в золоте, если всё золото — только часть планеты?

— А допечатали бы! Договорились бы! Всегда всё договаривали: топор войны и трубку мира, сексуальную революцию, олимпийские игры, финансовый кризис, изменение климата, новые вирусы, компьютерные игры... Всё решаемо!

— Долго же Земля вас носила! Единственное, чему радоваться можно, — так это тому, что с вами покончено! Но... радоваться некому.

— Радуйся! — осклабился Ротлиф. — Меня прошлое не интересует!

— А меня интересует. Ты, сэр, где в армии служил?

Ротлиф развернулся к Маштакову носом и вопросительно-презрительно воззрелся на него:

— Ты чо? Чтобы Ротлифу — в армию?! Что мы — Кеннеди какие-то? Или Рузвельты?.. Нам что — голоса нужны? Нам всё принадлежит — как ты этого не понял?!

Сожалея о глупости Маштакова, Ротлиф смотрел сочувственно, словно собирался дать ему важную должность, а тот показал свою непригодность.

— Ладно, сэр... Не обижайся. Пардон: не гневайся! Просто я думал, что ты в армию не попал из-за плоскостопия, а выходит — ты просто откупился.

Шутка не дошла до Ротлифа. Значит, надо признать её неудачной.

Маштаков сожалеюще смотрел на сухое дерево, единственное в пределах видимости, с которого Ротлиф ни единой ветки для костра не отломил.

31

Вечером ужинал только Ротлиф, Маштакову не хотелось. В целом Ротлиф одобрил «вяленое тесто», отнесясь к нему как к неизбежной экзотике своих вновь присоединённых владений... Но прежде чем отведать его, произнёс над ним несколько загадочных заклинаний — вероятно, от несварения желудка.

За неимением посуды, Ротлифу приходилось самому шествовать к воде, что не могло не потешить Маштакова. Своё питие он отложил на потом.

Руки горели от волдырей, праздность давала волю чёрным мыслям, поэтому Маштаков решил употребить долгие часы светлого вечера для минералогической экскурсии: поискать камней, способных быть «кремнем» для кресала. Для кресала, которого пока не было — и отсутствие которого обещало стать главной проблемой.

Обойдя окрестности, Маштаков подобрал несколько обломков породы, похожей на ту, которую в детстве мальчишки называли «кремь», а некоторые суеверные домохозяйки клали в банки с водопроводной водой для её «очищения». Будет ли толк от них сейчас, сказать мог только опыт.

Вернувшись в «лагерь», Маштаков сел на камень и стал смотреть на водную пустыню моря. Пушечный выстрел, скорее всего, был просто похожим звуком — по прихоти неведомого режиссёра, которому не понравились мысли или движения Маштакова. Оставалось просто отбывать на этом поселении неизвестный срок. Размышления его были пустопорожними, без малейшего значения: он даже задумался над тем, кто кого переживёт: он ли Ротлифа — или Ротлиф Маштакова. Даже мысль о том, что Ротлиф хоронить его не станет, оставила его равнодушным: в лучшем случае оттащит к крутому берегу и сбросит в море.

Заодно вспомнилось, что ни один из них не удосужился заглянуть в глубины моря: Ротлиф требовал маску со шноркелем, а Маштакова после События посетила водобоязнь. Впрочем, та же причина могла быть и у Ротлифа. Но строить тримаран и отплыть на Большую Землю Маштаков решил всерьёз. С Ротлифом — или без него, он и сам не знал, да и не задавался этим вопросом. Совесть Маштакова изнемогала под грузом иных вещей.

Он остался в неоплатном долгу перед родителями, перед неродившимся ребёнком, которого убила у себя во чреве жена и её наставники-чиновники, а ещё — перед майором Сергеем, накрывшим гранату, которая выпала на учениях из руки юного Маштакова. Рука его запнулась о какой-то элемент его экипировки — это новая форма оказалась неудобной... Сейчас Маштакову, вероятно, столько же, сколько было тогда майору, но ответ на вопрос о том, для чего Сергей сохранил ему жизнь, сам покинув этот мир, не для слабого ума человека. Даже не так: это вопрос не для ума, а для души.

Продолжение повести — в следующем номере

Проза

Светлана Савицкая

Доктор философии Светлана Васильевна Савицкая — единственный писатель, чьи книги оформляла Джуна. «Светлана! Признайся! Это писала не ты, это писал Бог!» — восклицала она. Сотня притч с названием «Энергия сердца» были ею оформлены в 2014 году. В то же время вышел уникальный альбом с сотней других притч и названием «Энергия вселенной» с оформлением Никаса Сафронова. Третья книга притч «Энергия мудрости» вошла в разные издания, такие как «Большая книга женской мудрости», «Мудрые притчи для мудрых женщин» («ЭКСМО»), «Седые косы» (Индия, Калькутта (на бенгальском)), «Золотой обрез» (Амазон, США (на английском)), «Таинства русской души» (Гютерсло, Германия (на немецком)) и в других странах на 14 языках мира. Кроме притч вышло более 50 её художественных и научных книг. Военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почётного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии. Исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Берлине, а Сербия вручила писателю «Златну круну». Светлана Савицкая — обладатель множества других Гран-при и Литературных премий.

Янтарное сердце моря

Рассказ

Когда море сдавало позиции, оголяя широкий плёс, Марта выходила искать янтарь по его следу.

В селении бытовало поверье, что на самом дне Балтики лежит огромный слиток янтаря, величиною с морское сердце, он отликает всеми оттенками солнца и тягучего гречишного мёда. Найти бы тот кусок, и было бы Марте счастье!

Смешные калошки тридцать седьмого размера её мать Эльза приобрела на распродаже года два назад. Она даже не представляла, что рост девочки с приходом в совершеннолетие прекратится. Нога так и осталась тридцать четвёртого размера, а сама Марта по этому поводу ничуть не расстраивалась, и всегда, надевая их «на охоту за янтарем» на два носка, умильно улыбалась, думая о своей странной матери.

Марта иногда находила достаточно крупные солнечные мутные камешки и отдавала их ей. Мать же обещала сделать янтарную комнату. Говорила, что такие бывают только в царских хоробах. И Марта старалась. Бродила с корзиной по влажной каменистой поверхности, оглядываясь на берег, собирая причудливые корешки и ещё живых мелких рыбок, а потом возвращалась до торчащих столбиков пирса, как ни в чём не бывало.

Море прибывало незаметно и всегда неожиданно, так ей казалось. Марта немного боялась холодного моря. Вдруг оно решит вернуться, когда девочка не успеет подняться на пирс?

Вот и сегодня Марта деловито шаркала по песку калошками «на вырост» мимо луж.

— В луну влюбилось оно, что ли?

— Море? — не поняла Марта.

— Море, а кто ж ещё! Ты опять рискуешь собралась ради этой алкоголички?

— Мать не алкоголичка! — пихнула девочка Ию.

— Алкоголичка! Алкоголичка! Вчера она пила у старого Льюиса в кабаке с моряками пиво и так смеялась...

— Тебе какое дело?

— Никакого. Просто за тебя обидно. Ходишь, янтарь собираешь, жизнью рискуешь. А мать пропивает!

— Она не пропивает! Она мне комнату янтарную сделает!

— Да? Я кое-что такое знаю, просто расстраивать тебя не хочу, — подбоченилась Ия. — Вот скажи, на день рождения что она тебе подарила?

— То! — зашагала быстрее Марта.

— Ну что? То? — ловко догнала её подруга, на ней ведь обувь была нормальная.

Марта остановилась и наивно вытащила из кармашка квадратную записку матери, на которой было аккуратно выведено слово «Гитара»...

— Ха-ха-ха-ха-ха! — громко захохотала Ия. — Смотрите, люди добрые! Эльза дочке снова бумажку на день рождения подарила!

И, несмотря на то, что рыбаки на берегу как бы не заметили ссоры девчонок, Марта стукнула Ию корзиной и побежала вдоль берега, огибая мутную заводь. Её глазёнки стали ледяными и обиженными, и во все стороны расплескались слёзки. Она пристроилась на высохшей и тысячу раз вылизанной волнами деревянной лестнице, ведущей в море.

— Янис! Слышал новость? — зацепила бойко Ия проходящего паренька, — Марта на гитаре научилась играть. Только это не простая гитара. Иди посмотри!

Вместе они подошли к заплаканной Марте. Девочка увернулась:

— Отстаньте! — и побежала домой со всех ног.

Друзья — за ней. Ия, потому что разговор не закончен. А Янис вообще не понимал, почему девчонки рассорились, и не хотел быть причиной этой ссоры.

Марта была полностью уверена этим холодным майским утром, что погоня не отстает, и решила показать ребятам главный козырь. Неподальку от дома находилась лавка. Она была ещё закрыта. Но зато витрины с выцветшими на солнце фотографиями янтарных инсталляций можно было созерцать сколько угодно:

— Вот! — запыхавшись, воскликнула девочка, — видишь тот коричневый в середине мозаики? Это я нашла прошлой осенью. А этот, — показала она на ухо большого медведя на янтарном дорожном панно, — этот самый огромный, мне попался под водорослями. Я на него наступила. Смотри-смотри! А этот морем выбросило после шторма! Съела?

Ия молчала, собирая мысли для следующего удара.

— Янис! — попыталась перетянуть парнишку на свою сторону Марта, — Сколько у вас в Калининграде стоят такие панно?

— Миллионов двадцать, тридцать... и за сто... Этот... вообще, трудно сказать! — ответил паренёк.

— Вот видишь! — утверждалась Марта.

— Что видишь? — заводилась подруга. — Что видишь-то? Камни — копейки. Работа — копейки! Панно будет на витрине тысячу лет, и его никто не купит! А если и купит, не тебе же деньги дадут. И не матери твоей. С ней за камни давно рассчитались! И с тобой рассчитались бумажкой. Дура ты, Марта! А панно своё недоделанное Эльза вчера пропила.

— Неправда! — закричала Марта. — Мне мать плащ купила, как у тебя. Красный! — выставила грудь вперед девочка, ещё надеясь что-то доказать.

— Хм! — оглядела её с головы до ног Ия, разнаряженная тоже в красное, но более добротное полупальто с кашемировой опушкой. — Это у меня плащ! — сказала она безжалостно, — а у тебя так, тряпка!

Ия махнула рукой и подалась восвояси. Марта опустила голову. Ян тоже примолк, но Марта ему нравилась с первого дня каникул, и он робко промолвил:

— Какая разница, какой плащ!

— Вот и я говорю, — подхватила Марта, разглаживая линиялые полы плащовки. — Главное, знаешь, какой он удобный! От дождя и от ветра! Смотри! Здесь капюшон есть. Завязывается! И кармашек для мобильного!

— Круто!

Девочка, улыбаясь, оторвалась от витрины. На лице исчезли слёзы.

— Хочешь, я тебе чудо покажу? — спросила Марта тихо. — Настоящее!

— Сама ты — чудо!

— Я? — и Марта побежала к дому, а Ян за ней.

За скрипучей калиткой у девочки было своё царство. Между заборчиком и сарайкой она хранила отполированные морем корешки, втыкая в землю под высохшей насмерть старой чёрной вишней, точно это деревья росли такие странные и белые из песка. А на них верёвочками Марта привязывала камни с дырочками.

— Сколько куриных богов! — удивился Янис.

— Пойдём, пойдём! — звала Марта за собою друга. Под широким навесом прихожей, прямо на полу, на бумажном эскизе из тонких пластин разноцветного янтаря, среди таких же причудливых деревьев-корешков красовались две огромные жар-птицы. Камешки разных оттенков — от «морского» до «земляного» — находила Марта на побережье. Водянисто-прозрачные и матовые. Цвета льда и костяные. Зеленоватые с водорослями внутри, пенистые и серебристые с вкраплениями каких-то металлов! Не хватало до полной картины только крыльев и боковин.

— Теперь ты мне веришь? — воскликнула Марта.

— Я тебе всегда верил, — ответил Янис. — Хочешь, сегодня за янтарём вместе пойдём!?

— Море городских не любит! — отрицательно качала головой она, выходя на волю и увлекая за собою друга.

— А ты что, деревенская?

— Нет.

— А какая?

— Мастеровая.

— Какая разница?

— Большая! — отрезала девочка.

— Марта?! — раздался из спальни голос матери.

— Я быстро вернусь! Ты спи! Спи! — ответила Марта, стыдясь её перед новым приятелем.

И через пять минут оба были снова у пирса.

— Жди здесь. Хорошо? — твёрдо приказала городскому пареньку «мастеровая» подружка.

— Нет. Я с тобой! — не послушался Янис и ступил в топь оголённого дна.

— Ну, пошли, — она тоже не очень-то хотела расставаться, — Ты там в городе один? Или братья-сёстры есть?

— Есть два брата, только они старше.

— А я одна, — Марта подняла замысловатый корешок. Под ним лежал тёмный камешек, похожий на оплавленный кусочек битума. Почти чёрный тёмно-коричневый кусочек янтаря оказался первым трофеем.

— Ух ты! — удивился Янис. — Так легко находится...

— Когда как, — кивнула девочка.

Они уверенно удалялись от берега. Но утренняя потасовка отняла время, и теперь его оставалось на поиски меньше, чем обычно.

— Странно ходить по дну. Как по намокшей пустыне, — улыбнулся Янис.

— Смотри! Это мои любимые водоросли! Они на цветы похожи! А вон рыбки остались в заводи. Идите сюда! И как их чайки не заметили? — Марта собрала трепещущих рыбок в корзину. — Ты не слушай, что Ия говорит. Просто отец ушёл. А мать запила. Но она обещала вчера, что последний раз!

— Ты ей веришь?

Марта промолчала. Пустой мокрый берег без моря мягко пружинил под ногами. Дно было разным. Иногда каменистым. А порою совсем песчаным. Иногда прокисше-заросшее пахучими водорослями и скоплениями мидий. Над головами вились чайки. Также в поисках случайной добычи. Орали, как заполошные. Под камнями, которые выворачивала Марта, прятались смешные крабики.

— Ты не боишься потерять берег? — невольно оглянулся Янис, когда линия посёлка исчезла за горизонтом.

— А чего бояться? Мы — на севере. Материк — на юге. Идти обратно встреч солнцу. Мимо берега не пройдёшь! — засмеялась Марта. — Ты лучше янтарь ищи! Он полезный. Знаешь, какой полезный?

— А ты знаешь?

— Про янтарь? Всё!

— Тогда скажи, это слёзы или дары солнца?

Марта снова рассмеялась:

— Когда как. Когда слёзы. Когда дары. Вообще-то, янтарь не совсем драгоценный камень, а окаменевшая, но мягкая и легко поддающаяся обработке смола. А если её поджечь — фимиам! А если потереть или растолочь в порошок — она лечебная!

И Марта стала рассказывать о том, что единственное в мире промышленное предприятие по добыче янтаря открытым способом в карьерах, когда сильной водяной струёй размывают янтарноносную, так называемую «голубую землю», находится в посёлке Янтарном Калининградской области России, который практически рядом с ними, рукой подать. Залежи янтаря в Калининградской области составляют не менее 90% от мировых. Встречается янтарь на Сицилии (там его называют симетитом), в Румынии (румэнит), Мьянме (бирмит), Канаде, в некоторых местах Атлантического побережья США, Доминиканской Республике, на Украине (Ровненская область), в незначительном количестве на побережье прибалтийских стран.

В Древней Руси янтарь назывался илектр, описывался в азбуках, как «камень зело честен, един от драгих камней тако именуем, златовиден вкупе и сребровиден». Может быть, горючесть янтаря (илектра) послужила поводом к появлению мифического «бел горюч камня Алатыря»... Янтарь украшал даже головной убор египетского фараона!..

Они шли быстро и забыли, увлекшись разговором, смотреть под ноги.

— А я слышал, если уйти далеко от берега, можно на зыбучие пески попасть.

— Это правда, — подтвердила Марта. — Только они там, левее, — показала она.

Послышался явный плеск и шум прибора. Но самой воды ещё не было видно. Не было видно и берега. Калошки у Марты всё-таки резиновые. И даже через два носка холод начал действовать сначала на ступни, потом на голени и колени. Щипцами обхватил бедра.

— Холодно, — сказала девочка.

— Хи! У тебя носик покраснел! Смешная! Может, ну его, этот янтарь? Пойдем домой?

— Ещё немного, и мы подойдём к морю. А вдруг найдём солнечное сердце? Говорят, оно у самой кромки живёт! Если честно, я и сама никогда так далеко не заходила. Трусила, — призналась Марта и двинулась дальше. Ян за ней.

Солнце поднималось. И, скорее всего, море совершенно не собиралось открывать таинства дна, от которого активно пошли испарения. Молочными клоками поднялись они над лужицами и заводёшками. Ещё громче заверещали чайки и повернули к берегу. А Марта и Янис всё шли и шли, пока не поднялся туман по самые плечи, и не стало видно под ногами песка.

— Может, вернёмся? — робко напомнил Янис. — Никаких камней тут больше нет. Сплошной песок!

— Да, — согласилась, наконец, смелая девочка и наткнулась калошками на морской булыжник. — Стой! Смотри! — подняла она его.

Тяжёлый и прозрачный. Ещё мокрый. Смешанных оттенков — от молочно-бело-костяного до медово-оранжевого внутри и солнечно-жёлтого — огромный самородок потряс обоих своей красотой. Марта, тут же оборвав ближайšie водоросли, укутала в них, как новорождённого, кусок янтаря и бережно уложила в корзину.

Только море ли, солнце ли не хотели отдавать эту редкость. Туман быстро сомкнулся над головами ребятшек и стал уверенно подниматься выше и выше, поглощая пространство и звуки.

— Ян! — воскликнула Марта в молочном мареве, — Теперь у моих птиц будут самые потрясающие крылья!

— А ты уверена, что мы доберёмся до берега, и море нас не догонит?

— Уверена. Ты только держи меня за руку, Ян!

Дети сомкнули руки. Ян забрал корзину, чтобы Марте стало легче. И ориентировался только на красное мутное пятно её куртки. А она, чувствуя тепло парнишки, закрыла глаза от удо-

Художник Маргарита Казина

вольствия. Стиснула крепко руку незнакомого почти парня. Горячая кровь быстро её обогрела, чувственно вибрировала невидимыми множественными электротоками. Эти невидимые импульсы, передаваемые через тёплую ладонь, согрели запястье, руку, шею, обожгли грудь и плечи и, отодвигая внутренний холод, мощной волной стали опускаться его ниже и ниже. Через рукопожатие передавалось божественное состояние первой любви. Марта быстро согрелась до самых калош.

Дети шли быстро, но осторожно. Солнце исчезло. И туман уже безраздельно властвовал над побережьем.

— Ян! — спросила Марта. — А у тебя там, в Калининграде, есть девочка?

— Нет, — ответил Ян и не увидел, а почувствовал, как Марта улыбнулась рядом.

— Если мы выберемся...

— А мы выберемся?..

— Мы выберемся, Ян! Я отдам тебе этот янтарь. Хочешь?

— Нет. Море тебе подарило его, — возразил Ян. — Ты как никто этого достойна. Ты... хорошая.

— Да? — переспросила Марта.

— Очень хорошая, Марта, — подтвердил Ян. И рука его дрогнула.

Ей показалось, что они всё-таки зашли левее. В какую-то минуту полная потеря ориентации заставила Марту остановиться.

— погоди. Давай послушаем, что оно скажет! — воскликнула она. — Нет! Не смей! Не отнимай руки! Ты потеряешься! Я тебя не вижу! Даже близко не вижу. Сплошное молоко!

Море молчало. И дети молчали. Только сердца их бились громче и громче, разгоняя туман. Тревога быть затопленными ледяной майской водой ударила резким адреналином в голову.

— Ты только не паникуй, — неожиданно спокойно заявил Янис, больше утешая подругу, нежели себя, — солнце ведь должно где-то быть!

— Хоть бы ветерок поднялся! — вздохнула Марта. — Пошли! Мы движемся к берегу по-любому! Пошли скорее, а то море вернётся и... — дальше она боялась даже представить.

Минут сорок блуждая где-то возле берегов, они снова остановились. Ян спросил:

— А, если мы никогда...

— Тихо! Не говори этих слов! — закрыла ему рот легонько Марта.

— Почему? — тут же прижал он к лицу прохладные пальцы. Но Марта по-прежнему в тумане даже не видела его лица.

— Море обидится и заберет нас!

— Оно живое?

— Конечно, живое! Обними меня. Я боюсь. Мне надо собраться.

Янис крепко обнял Марту.

— Оно любит, когда я ему пою.

— Тогда спой.

Дети снова расцепились и тронулись в путь, держась за руки. Марта запела. Тихонько и тоненько, всё выше и выше забираясь в песне, как по ступеням до самого неба, которое было видно только её голосу.

Любопытный туман плотно держал звук. Но Марта старалась. Громче и громче повторяла она припев песни. А самое окончание вывела так мощно, что обессилела вовсе и чуть хрипло произнесла:

— Оно меня выпило!

— Ты молодец! — похвалил её Янис. Поцеловал в щёку.

— Первый поцелуй в тумане, — хихикнула обессилена Марта.

Янис остановился.

— Ты самая удивительная. Самая потрясающая девочка на свете! Я разглядел тебя только сейчас, когда не вижу. Всё — как во сне! Правда? Сегодня ты нашла не только сердце моря. Но и... вот это. — Он взял её ладонь и приложил к груди. — Чувствуешь?

Горячее сердце мальчишки стучало сильно, ударяясь о рёбра, точно просилось выпрыгнуть не только из груди, но и из тумана.

Он поцеловал Марту в губы и мягко заглянул в глаза совсем рядом. И Марта увидела его нежную заботу. И солнце! Тонкий первый луч прорезал туман.

— Туда! Надо бежать туда! — взмолилась Марта, мгновенно сориентировавшись. — Быстрее! Отпусти же! — крикнула она уже песку.

Они действительно зря остановились. Что-то начало затягивать обоих, пугающе всасываясь в обувь. Ян отпрыгнул, не выпуская Марту из вида, протянул ей руку:

— Ну же! Оставь ты свои клешни! Давай! Давай! — закричал он, и вытянул девочку из сапог.

В одних шерстяных носках Марта побежала за ним к берегу.

Туман редел. А море прибывало. И, прибывая, настигало беглецов по пятам.

— Марта! Милая Марта! Давай, если мы выберемся, никогда больше не расставаться!

— Беги, Янис! Беги! — отвечала Марта, — конечно, мы будем вместе.

— Всегда-всегда?

— Всегда-всегда!

— Клянёшься?

— Клянусь! — кричала Марта, спотыкаясь о мелкие острые рифы и раздирая коленки в кровь.

— Твой красный плащ! — запыхавшись, орал рядом Янис, перекрикивая догоняющие коварные волны. — Он так выручил нас! Я только благодаря красному цвету вижу тебя, милая, любимая Марта...

— Ты сказал любимая? — остановилась девочка.

— Да, я так сказал, — воскликнул Янис, увлекая её за собою, — беги, Марта, беги, не останавливайся!

И дети бежали снова.

Вконец измученные они увидели дома посёлка и сети рыбаков. Плюхнулись под соснами и с ужасом наблюдали, как волны достигли обычных пределов, разыгрались и дёргали омыленный пирс.

— Ты плащ порвёшь, — поднял Ян Марту с земли.

— Он крепкий, — возразила, гордясь обновкой, Марта.

— Скорей в тепло! Ты босая! Можно я тебя провожу?

Войдя под навес, ребята остолбенели от увиденного.

Посередине пустого эскиза, на полу сидела пьяная Эльза. Обильные слёзы стекали с её лица. Она перебирала струны новенькой гитары, на которой была приклеена квадратная бумажка со словами «Подарок для милой Марты».

— Мам, зачем? — опустила девочка рядом. — Зачем ты это сделала? Зачем ты продала янтарных птиц?

— Птиц? — удивилась Эльза. — Жизнь — это выбор. Что-то подарив нам, она не стесняется забирать то, что ей хочется. И не спрашивает, нравится нам это или нет! Я только хочу, чтобы ты никогда... никогда не поняла, почему я так делаю, родная! Пусть у тебя будет другая, счастливая, светлая и правильная жизнь, — выразительно глянула она на Яниса и, пошатываясь, направилась в дом.

— Ты же обещала! — крикнула ей вслед Марта.

— Клянусь, это в последний раз, — снова заверила пьяная Эльза уже из спальни.

Марта скинула мокрые носки и надела туфли. Потрясённый увиденной сценой, Ян молчал. А она, напротив, заводилась. Начала резко передвигаться взад и вперёд по опустевшей янтарной мастерской.

— Я не намерена всё так оставить. Поменять панно, поменять мечту! Два года поисков! На какую-то гитару! — простонала она, стиснув зубы. — Эх, мама, мама!

— Не на какую-то гитару, — поправил Ян. — Ты должна понимать, что по посёлку Ия разогнала слухи о бумажном подарке, и мать отдала самое дорогое...

— Это неправильно! Так не будет! Пойдём! — решительно потащила она Яниса обратно к морю.

В кабаке Льюиса всё стихло, когда Марта аккуратно положила гитару на барную стойку:

— Янтарь верни, сделка аннулируется! Иначе вызову полицию! — спокойно сказала Марта.

Льюис не ждал такого поворота. Он даже не успел отсыпать янтарь! Испугался. Завилял. До сего дня Марта казалась ему мелкой глупышкой, собирающей по берегу сокровища, которым не знала цены.

Он оглянулся вокруг и, не найдя сочувствия, понял, что лучше пойти на попятную. Слишком много свидетелей осталось от пьяного слёзного концерта Эльзы.

— Да, Господи, был бы о чём разговор! На, забирай свою морскую гальку! Здесь её как грязи! — трактирщик поставил ведро с янтарем рядом с вздрогнувшим инструментом.

— Смотри! Лично проверю каждый камешек! Ручку дай, — твёрдо попросила девочка в красном полинялом на солнце плаще, и, когда Льюис подал ей фломастер, она отклеила от гитары бумажку со словами «Подарок для милой Марты», на буквах «PT» жирно вывела «M», и приспособила её к ведру, — вот теперь всё будет правильно! Пойдем, Ян!

Рыбаки собирали сети. О том, о чём толковали какие-то бабы. Резвились мальчишки. У самых волн бродила Ия, новенькими кожаными сапожками отбрасывая камешки, прибитые к пирсу, настойчиво ища «сердце», которое принадлежало уже не ей. Укрощённое море и не думало злиться. Оно лаково шелестело, волна за волною, точно с одной просвечивающейся ладони на другую перекладывая солнце и любуясь им, а заодно и собою в новом солнечном платье весны.

— Ты уверена, что всё делаешь правильно? — покорно нёс ведро, наполненное пластинами будущего панно стоимостью не менее ста миллионов, Ян, совершенно не отдавая себе в этом отчёта.

— Балтика без янтарного сердца — не море! — ответила Марта. — А птицы, огненные жар-птицы, которые раскидывают перья облаками по утрам над горизонтом, без крыльев — не птицы! И если мать может ради меня отдать последнюю надежду и оживить бумагу, почему мне не попытаться оживить свою мать? Выбор! Он ведь есть не только у взрослых!

Ледяная ловушка

Рассказ

От вибраций пытающихся вырваться из ледяной ловушки китов задрожала Чукотка. Мощный плавник вожака оказался бессилён порвать острое непредвиденного плена. Порезался до крови. Забурлила стая. Вскипела вода. Не похожий ни на что звук ревуших белух разбудил алое солнце. Расплескались по облакам сердоликовые брызги рассвета. Отразились золотыми россыпями в розовых редких проталинах моря среди фиолетовых, занесённых по самые уши торосов.

Спать бы ещё да спать. Да где там! Из пороши показался недовольный матовый нос. Открылся один глаз. Ездовой пёс осторожно шевельнул крупом, и на переливающуюся россыпь его роскошной перины с шерстинок отвалилось множество крупных свалывшихся колобками жемчужин. Но шкура всё ещё оставалась усеянной ожерельями ночи.

— Ы-р-р, — проворчал пес. Встряхнулся, решительно освобождаясь ото сна. Окинул взглядом собак упряжки. — Ы-р-р! — покосился на вожака: мол, ты что, не слышишь?

Псы неохотно поднимали головы, настораживая, однако, слух. Странный звук сулил путешествие и охоту.

— Р-р-гр-р-раф! — дал команду подъёма для охотников Голова упряжки, матёрый голубоглазый Танат.

И, прочистив глотку, залаял уверенно и чётко.

Охотник Тынэ-нкей растолкал сына Андрея. Быстро развел огонь, в котелок набросал корочек наста. Те зашипели, плаваясь в рассветном вареве.

Совместная охота — идея матери Элен — давно буравила мозги охотника. Забывает сын обычаи. Забывает чукотский язык. А это плохо. Вот и сорвал из интерната на месяцок. Пусть походит в парке. Поспит на воле вдали от Анадыря и даже от родного села Янракиннот.

Нравится Тынэ-нкею, как слушаются сына хаски. Как ловко Андрей включает инстинкты охоты, хранящиеся в подсознании каждого чукчи.

— Хорошее имя дал тебе шаман Ярак, — высвистывая меж утраченных зубов шипящие звуки, распускал в котелок отец сухари для собак. — Тебе пять дней. Нет, шесть тогда исполнилось. Луна круглая. Все собрались. И я, и мать твоя Элен, и бабка сумасшедшая, что водой по прошлому году унесло, и оба моих брата. И каждый имя называл. Над колыбелью повесили кружевную косточку

белого кита. И как только выкрикнул Ярак: «Андрей!», дрогнул оберег. Так и поняли, что нравится тебе твоё имя.

— Я молока хочу, — дёрнул головою сын, он этот рассказ сотни раз слышал, — в интернате по утрам молоко дают.

У отца пропало блаженное настроение. Лицо, почти коричневое от северных ветров, стало ещё чернее. Он буркнул под нос:

— Избаловали!

И стал проверять на готовность ремни упряжки. Собаки нетерпеливо повизгивали, подгоняя мордами в спину охотника к полынье.

Светлело. Сугробы сменили фиолет на смесь белил и голубого кадмия, точно Чукотка и впрямь напилась утреннего молока белой небесной коровы. Самые высокие пригорки, торчащие складками оригами сложенных ватманов, сначала порозовели, затем побелели. Ярко высветились следы мелких животных, пересёкших дорогу, ведущую к зимовью. Проснулись звуки дня.

Но и далёкий странный гудёж или галдёж, встревоживший собак ещё ночью, человек не заметить не мог, хоть и слышался тот издали, со стороны моря, практически вставшего к середине декабря.

Поэтому, не делая обычный круг по капканам, упряжка погнала прямо на восток. Непонятный рёв усилился. Собаки мягко несли нарты к гигантской полынье, в которой плескались громадные спины китов-белух.

— Вот это охота! — воскликнул сын, видя столько добычи.

— Это не охота, сынок. Сюда приплыли все киты, и выйти им не под силу, однако. Мороз будет только крепче. Видишь, солнце какое злое? Льды зажали белух насмерть. А они живые! И если мы не поможем выбраться, китов больше не будет. Совсем не будет. Никогда не будет!

Собаки подняли гвалт. Им вторили морские млекопитающие.

— Сидеть! — рявкнул охотник на всю упряжку, замахнувшись на первого попавшего. Тот чуть отскочил, закрыв пасть. — Тынэ-нкей думать будет...

Чукча сел на снег. Потом лёг, прижав ухо ко льду.

— Сотня! Не меньше! — прошепелявил отец.

— Едем в Янракыннот! — воскликнул Андрей. — Приведём охотников. Мяса на всю зиму напасём!

— Вот ты упёртый какой! — вскочил Тынэ-нкей. — Говорю тебе, это не охота, это беда! Сам дух воды на китов осерчал. Ты беду эту съешь, я, сосед беду эту съест. И уйдём к звёздам. Нельзя. Китов спасать надо.

— Но как? — пожал плечами мальчик. — Даже если всех мужиков в селении собрать, нам не прорубить дорогу к большой воде! Ледокол нужен!

— Ледокол! — воскликнул охотник. — Конечно, нужен ледокол!

И полдня не прошло, как по интернету прокатилось SOS-сообщение о том, что в Синявинском проливе Берингова моря застряло более сотни особей китов-белух; животные находятся в опасности! Была поднята общественность посёлка, за нею администрация Чукотского автономного округа. Местные чиновники, в свою очередь, решили обратиться за помощью к федеральным властям. Были подняты и Министерство транспорта и МЧС.

Чукотские чиновники не исключали возможности участия в операции спасательного буксира «Рубин», который находился примерно в полутора-двух сутках хода от ледяного плена белух, оказывая помощь южнокорейскому сухогрузу «Ориентал Эйнджел», севшему на мель. Но там начались бури. «Рубин» застрял. Власти Чукотки попросили выделить им ледокол, чтобы добраться до белух и выпустить в открытое море.

Возле громадной, поддерживаемой дыханием и теплом стада морских млекопитающих, полыньи стали появляться люди.

Белухи ревели. Собаки лаяли. Люди не спали.

Андрей боялся, что последние белухи умрут.

— Гляди, они — как мы. В центре детёныши. Вокруг мелюзги — самки! У кромки льда — самцы!

— Как ты их различаешь? — удивился сын.

— Поживёшь в тундре... — махнул рукою Тынэ-нкей, отвязывая от упряжки собак размяться, но всё-таки объяснил, — не только различать, понимать начнёшь. Самцы крупнее самок, метров по шесть, бывает. Детёныши тёмненькие.

Белая лайка хаски, голубоглазый Танат, первой получила свободу, близко подошла к краю льдины, откуда маленькими чёрными глазками глядел достаточно крупный самец белухи. Танат протянул лапу. Кит качал головою и показывал зубки, скорбно опустив кончики рта. И даже сморщил белую лысину от напряжения.

Танат завыл в воздух.

— Молчать! — приказал Тынэ-нкей, — место! Тебя ещё спасти не хватало!

Танат вернулся к остальным собакам, поскуливая и выражая поминутное беспокойство.

— Сидеть! Помощь идёт!

Киты, услышав команду, данную собаке, как будто поняли, о чём речь. Чуть угомонились.

Белухи собрались в группы так, чтобы можно было дышать, тем не менее их положение оставалось опасным. Ледовые поля укреплялись и росли от берегов далее к океану.

Через два дня в лагуне Берингова моря показался двупалубный Ледокол «Москва». Охотники на льду запрыгали от радости.

— Москва! Москва! — закричал во всю силу Андрей.

Народ из селения и из райцентра, и даже из Анадыря, кто на чём добирался посмотреть, как будут спасать китов. Щёлкали фотоаппараты. Записывали камеры.

Мощный корпус металлического монстра в лучах заходящего солнца, точно золотые книги, пролистывал раскрытые льды. Экипаж толпился на палубе.

— Нельзя ближе! Остановите его! — кричал какой-то корреспондент с нашивкой «Гринпис». — Он поранит животных! Так уже было! Они попадут под винт!

— Не поранит.

— Он может!

— Он мастер! — кричали наперебой охотники.

Напряжение нарастало. Киты сменили рёв на вой. Заверещали детёныши. Положение стаи действительно было опасным. Шестиметровый вожак мог в любое время уйти под лёд навстречу ледоколу, а это — верная гибель!

За 50 метров от полыньи сел Танат, несмотря на то, что на него шёл многотонный ледокол. Рядом с лайкой встал Тынэ-нкей, подняв руки, точно на него двигался простой «жигуль».

Народ откатил на берег в безопасное место, потому что от «Москвы» по льду пошли трещины. Грузно и громко ломая в крошево океаническое пространство, корабль медленно и осторожно продвигался в сторону полыньи. Сгущались оранжевые сумерки, окрашивая снега в цвет немислимо экзотического пористого апельсина. Перед форштевнем угрожающе вспенивалась чёрно-изумрудная волна, превращающаяся на льду в белую-белую воду.

Наконец и Тынэ-нкей не выдержал. Дрогнул. Ещё бы! Плиты из льда поднимались на дыбы выше его роста! Оседали под тяжестью русской стали.

Охотник побежал к соплеменникам на берег.

— Ы-р-р, — рычали издалека псы, волнуясь за людей и за белух, но не теряя чувства осторожности. — Р-р-гр-р-раф!

Медленнее. Ещё медленнее. Почти с ювелирной точностью ледокол режет форштевнем последнюю страницу ледовой книги дня. Млекопитающие сбились на противоположной стороне, давя друг друга от страха.

«Москва», прорубив чёрный канал, даёт задний ход. В этот момент совершенно обессилело солнце. Растаяло и, утонув в холодных снегах, остыло. Густым мраком покрыло горы и море. И люди включили фонари на берегу. «Москва» врубила прожекторы.

Медленно, потом быстрее двинулась обратно.

Но киты не шли. Не верили людям.

— Врубай Бетховена! На всю громкость! — отдал команду капитан корабля помощнику в радиорубке.

И это слышали охотники.

— Бетховена! Давай Бетховена! Правильно! — поддержал Андрей, и замахал обеими руками.

Снова залаяли в темноту собаки.

Божественная музыка разлилась среди полярной ночи. Неожиданно громко. Торжественно. Подхватывая эхом и ветром, музыка густо лилась из репродукторов подобно патоке или меду, обволакивая сознание.

— Ну!

— Ну, давайте, однако! Плывите родные! Туда! Туда!

— Ну же! Холодно уже! — выкрикивали с берега чукчи, махая руками.

А в груди, как от огненной воды, жгло Бетховеном по самому сердцу.

Наверное, животные почувствовали то же самое, что и люди, а может, о чём-то напомнила самкам эта вечная песня любви, так похожая на энергетические призывы самцов во время гона. И самая смелая из всех, подружка вожака, пошла на звук, не боясь больше рёва мощного двигателя двухпалубного ледокола. А за нею и косяк поплыл по неширокому каналу.

Северное сияние «Москвы», глядящее прожекторами во все окна, выводило белух на широкую воду. Их белые спинки мелькали в чёрной полосе жизни.

Танат замер от восхищения. А потом стал подпевать скрипкам и виолончели, так проникновенно зовущей вдаль мелодии. Ему помогли другие псы упряжки. Люди ликовали, поднимая руки и ружья в воздух и махая ими вслед удаляющемуся спасителю.

— Всё ещё хочешь в интернат? — Тынэ-нкей глядел торжествуяще на сына, точно всю эту победу над стихией совершил один. — Ну, отвечай, там же молоко дают...

Отец был уверен, что сын забудет городские штучки, и останется с ним. Вернётся в тундру.

Андрей вытер куржак с меховой опушки:

— Да! Хочу, как они. На ледоколе. В Москву. Купи мне скрипку!..

Мороз уже не шутил, как днём, а сковывал буквально мгновенно прорубленную дорогу во льдах кристаллическими корочками. Шлифовал нехилым коварным ветерком. Последним из остывающей ловушки выходил вожак. Выходил хвостом вперёд, не доверяя охотникам и рыбакам. Готовый в любую секунду нырнуть под винт. Но не достаться им в качестве трофея.

— Уф, — выпустил воздух из груди огорчённый охотник, глядя на уплывающую лысину кита, сын его изрядно озадачил: может, думал он, предложить ему забить-таки оставшегося последнего, чтобы заманить как-то ребёнка, ведь одного-то можно, и власти разрешение дали. — А кто китов со мною бить будет?

— Я не буду, — ответил Андрей.

— Почему?

— Они живые, отец. Ты сам сказал!

Поэзия

Геннадий Ёмкин

Поздравляем Геннадия Ёмкина с 55-летием!

Желаем неиссякаемой творческой энергии, вдохновения безбрежного, радости и магнетизма для всего позитивного и счастливого, великолепного самочувствия.

Родился в 1961 году в Арзамасе (Саров). Окончил Лукояновское педагогическое училище по специальности «преподаватель физкультуры», затем Арзамасский педагогический институт (биолого-химический факультет). Проходил воинскую службу в Туркмени, Афганистане, на Дальнем Востоке. Работал учителем в школе, лаборантом, инженером, оператором котельной, таксистом. Публиковался в региональных и центральных изданиях, автор трёх стихотворных сборников («Мне навеки дарована Русь», «Пусть в жизни всё произойдёт», «Княжий щит»). Член Союза писателей России. Живёт в Сарове Нижегородской области.

Флаг

Без заслуг сидят, без званий.
Подхожу на разговор.
— Что такое это, Маня?
— Это, Зина, триколор.

Та, что справа, баба Маня,
Так сказала мне: «Сынок,
Эти нонче не обманут?» —
И поправила платок.

«Эти? Может, не посмеют», —
Я отвёл от крыши взор.
Там белеет и синее,
И краснеет триколор.

И вздохнула баба Зина,
Как свидетель славных вех,
И сказала: «Знаешь, сына,
Прежний, красный, краше всех!»

* * *

Как откровенье, тайна, ветер,
Они являются на свет.
Стихи — они совсем как дети,
И среди них любимцев нет.

Потом придут и те, и эти
Оценщики, нахмурия бровь,
И скажут: «Это только ветер!»
А в них душа моя и кровь.

И об одном прошу я: «Боже,
Даруй не райских берегов,
Даруй, чтоб жизнь не длилась дольше,
Чем жизнь детей, чем жизнь стихов!»

* * *

Вспоминая всё, что в жизни пройдено, —
Видно, годы делают мудрей, —
Я всё чаще думаю о Родине,
О земле единственной моей.

Может быть, не очень и заметная,
Как неброский за окном пейзаж,
Родина — понятие конкретное,
А не поэтическая блажь.

Клянюсь тебе и верю, Родина,
Скромной жизни подводя итог,
Вспоминая, сколько было пройдено
По тебе, любимая, дорог.

Но любая к дому приводила
Сквозь огонь и лёд, и зелена,
Потому что матушка крестила
В спину уходящего меня.

Вспоминаю всё, что в жизни пройдено,
И шепчу заветные слова:
«Слава богу, есть на свете Родина,
Слава богу, матушка жива».

* * *

Как будто сплю. Как будто снится,
Что ангел мой меня позвал,
И перед тем, как воспариться,
Я в грудь тебя поцеловал.
А ты, проснувшись утром рано,
Желанна, медленна, нежна,
Шептала: «Милый, милый,
странно...
Вся грудь моя обожжена».

* * *

Последних песен голос тише,
Друзей последних уже круг.
Душа моя стремится выше,
Земной уже ей тесен круг.

Пусть голос песен замирает,
Но ярче не бывает свет.
Душа моя коснулась края,
Где ничему предела нет.

* * *

Огородик за слепенькой хатой.
Речка бродит в сухом камыше.
Лес простуженный. Луг кочковатый.
А поди — прикипело к душе.
Из последних по стылой воде
Жёлтый лист проплывает медлительно.
Знаю, больше не будет нигде
Так покойно, светло, так пронзительно.
А казалось бы — речка да лес,
Куличок на излуцине вроде бы,
Свет неярких осенних небес...
Отними — не останется родины.

Ванюша

Не упитан, не начитан,
Где мозги и где живот...
А врачи — ну что врачи-то —
Сказали: «С богом, пусть живёт!»
Что же, с богом — значит с богом,
Ничего, давай держись!
Повернулась к Ване боком
Вся судьба его и жизнь.
В кедах стареньких идёт,
Телогреечка не лучше.
Кто-то скажет: «Идиот!»
Кто-то скажет: «Эх, Ванюша...»

Живёт. Копают огороды
За миску деревенских щей.
Доволен он любой погодой.
Мальчишки дразнятся: «Кощей!»
Он на мальчишек не в обиде,
Он не в обиде вообще.
Он не такой как все — он видит
И понимает суть вещей.
Он с птицами и тополями,
И с ветром в поле говорит.
Не говорит он только с нами,
А почему — не говорит.

Прораб

С утра ваяю — сваю забиваю.
Прораб велел. Прораба уважаю!
Мужицкий корень, сам из работяг.
Он сам ломался крепко за пятак,
Он сам копал бульдозера почище
И нёс домой усталые ручищи.
Он и рублю, и слову цену знает,
Он работягу крепко уважает!
Прораб с утра шутнул: «Интеллигент!
Осилишь этот хрупкий инструмент?» —
И, бросив веских слов ещё пяток,
Вручил огромный, грубый молоток.
И я с утра ваяю и ваяю —
Уже шестую сваю забиваю!
На совесть забиваю, матерясь,
Труда и слова осязая связь.
Прораб орёт: «А ну, давай седьмую!»
И я даю! Я каждой жилой чую,
Как та седьмая вздрагивает глуше,
Как та седьмая проседает глубже.
Седьмую забиваю, матерясь,
И с ней такую осязаю связь,
Что кости крутит, что прораб молчит,
Что сердце громче молота стучит.
А вечером стотонный молоток
Прораб возьмёт и скажет мне:
«Браток,
Осваиваешь крепко ты науку!»
И обожжётся о протянутую руку.

Январская ночь

Неужели все обречены?
Ночь хрустит, мороз себя восславил.
Месяц, как копыто сатаны,
Небу в лоб печать свою поставил.

И осыпал звёзды в мёртвый снег.
В небесах остались только дыры,
И из них свистит нездешним миром...
Не смотри на небо, человек!

Свист свистит, и хруст хрустит, и ночь
Поглотила родину поэта.
И ничем нельзя уже помочь
Никому...
До самого рассвета.

* * *

А птицам тоже родина нужна –
И соловью, и маленькой синице.
Любая ветка песне не годится,
Для песни птице родина нужна.

И я, влекомый к дальним берегам,
Хотел им петь. Но в сердце мне звучали
Берёзовые тихие печали
И поклоненье веющим снегам.

И понял я: какого мне рожна
Далёких гор угрюмые отроги?
Верните мне туманы у порога.
Для песни птице родина нужна.

Всегда твой сын, люблю и понимаю
Летающий лист, у образа свечу
И журавлей...
Я с ними зарыдаю,
Но никуда уже не улечу.

Мужик

Когда набатный колокол гудел,
Тогда, крестясь на хаты и иконы,
Он брал топор.
Раскачивались троны,
Когда мужик вставал за свой удел!

Гудела Русь.
За правду шёл народ.
И поднимались красные туманы,
Когда гуляли степью атаманы
И подпирали дымом небосвод.

«Крещёные, имайте — приказной
Везёт указ oprичь мужицкой воли!»

И покати́лась шапочка собо́ля
С кудрявой приказного головой.

И дым, и лязг, и ржание коней!
По хатам вой и плач, и шёпот бабий.
Сошлись правды,
царская — сильней,
Мужицкая — правее и кровавей...
О том набатный колокол гудел,
Когда, рванув исподнюю рубаху,
Мужик за правду восходил на плаху,
За волю, за землицу, за удел.

И, кланяясь последний раз кресту,
Истерзанный уже, кричал народу:
«Мужик — Рассеи царь и воевода!»
И ближе был, чем оные, Христу.

Нищенка

Где белый храм кресты возносит,
Пронзая золотом небеса,
Старуха подаянья просит,
Платок ей сбился на глаза.

Кто пяточок подаст, кто рубль.
А я вот хлебушка принёс.
И шепчут треснувшие губы:
— Спаси Христос! Спаси Христос!

Крестясь, кивает головою
И что-то шамкает под нос.
— Родная, что ты, бог с тобою,
Пускай тебя спасёт Христос!

Пускай тебе воздаст сполна
За все молитвы и страданья!
Но снова крестится она
И ждёт людского подаянья.

Не так ли, Родина, и ты
Несёшь свой крест
во мгле постылой?

Свои небесные черты
Платком старушечьим укрыла.

Не так ли, Родина, и ты
Ждёшь подаяния и чуда?
Но крохи сыплет с высоты
И ухмыляется Иуда.

Поэзия

Андрей Попов

Родился в 1959 году в Воркуте. Окончил филологический факультет Сыктывкарского государственного университета. Автор нескольких сборников стихотворений. Публиковался во многих отечественных и зарубежных журналах и альманахах. Лауреат еженедельника «Литературная Россия», премии Правительства Республики Коми в области литературы имени И.А. Куратова, Южно-Уральской литературной премии, Международной литературной премии им. Сергея Есенина. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

МОЛЧАНИЕ РЕКИ

Течёт река, не зная языка –
Ни русского, ни коми, ни иного.
По ней плывут цветы и облака.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

Река и речь — язык наш не забыл, –
Одна у них природная основа.
Но речь на дно осела, словно ил.

Молчит река.
Не говорит ни слова.

У Стикса невысокая волна –
Кто не прочёл молчания речного,
На время лишь поднимет ил со дна...

И вновь река
Не говорит ни слова.

МАЙДАН

У толпы такое право,
У толпы такой невроз –
Выбирать себе Варавву,
Он ей ближе, чем Христос.

Покаяния в ней мало,
Ей кураж необходим,
И в душе она мечтала
Стать разбойником лихим.

Накричится на майдане
До забвенья и угроз,
А придёт домой — устанет.
Как темно! Спаси, Христос!

* * *

Усталая столица ждёт рассвета,
Хоть прячет ожидание во мгле...
А доброе придёт из Назарета,
А доброе приедет на осле.

Что может ближний свет от иномарки?
Провинции простые рыбаки
Передадут благой рассвет от Марка,
Матфея, Иоанна и Луки.

И то, что до конца необъяснимо,
Вдруг осветит сомнения сердец.
Услышит город: «Любишь ли ты, Симон?
Паси Моих растерянных овец!»

И пастырь городской столичной ночи
Поймёт, что пройден утренний предел,
Что поведут его, куда не хочет,
И что распнут, как он того хотел.

ГРАЖДАНИН НИКТО

В больнице избивают — бьют в живот,
По почкам бьют. Уеду в Сан-Франциско.
Неблизко, но зато поменьше риска,
Открою дело и валютный счёт.

Я здесь никто, напуганный урод,
Отказано во всём — в судебном иске,
В пособии, субсидии, прописке,
А врач меня поставил на учёт.

И плачет мать: да в чём я виноват?
Не понимает — через телевизор
За нами беззастенчиво следят.

Но ничего, вот скоро будет виза,
Харкну в экран — и не вернусь назад.
Займи рублей хотя бы пятьдесят.

* * *

Говорим о последней войне,
О судьбе и бессмертии спора,
Почему в самой светлой стране
Умирают от чёрного горя.

Но останемся наедине
Со своею бедой, не ответим,
Почему в самой светлой стране
Умирают деревни и дети.

ЗНАКОМСТВО С КРИТОМ

Вздыхает море. Греки ходят рядом.
Я в первый раз смотрю на остров Крит.
Душа моя, что мне от Крита надо,
От моря, что вздыхает и ворчит?

Я вновь смотрю на фикусы и лавры
И узнаю, что сто веков назад
Водились в лабиринтах минотавры,
Хотя веков, пожалуй, пятьдесят.

Но вымерли. Пожить у них не вышло,
И климат им хороший не помог.
А мне как жить? — и дома людям лишней.
Душа моя, и здесь я одинок!

Живу такой — негреческий, нескладный,
Сентябрьские разглядываю дни,
А мимо ходят девы Ариадны,
И кажется — лишь нитку потяни...

Но не ищу я нитку русским взглядом,
Душа моя мне это не велит.
Вздыхает море. Греки ходят рядом.
И я вздыхаю. И смотрю на Крит.

* * *

Неприбранный город. И не знаменит.
Ни храмовых комплексов. Ни пирамид.
Дома типовые. Хозяина нет.
Но жил здесь недавно — и умер поэт.
Обычный потерянный русский поэт,
Ему сорок шесть не исполнилось лет.
Не вышло подольше — обиды и быт.
Ни храмовых комплексов. Ни пирамид.
О нём справедливая власть промолчит,
Поэтому как-то ещё не забыт.
А город неприбранный тем и стоит,
Что жил здесь и умер российский пиит.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ НА СМОЛЕНСКОМ КЛАДБИЩЕ

Слову сбыться не просто —
Время чувствует дрожь...
На Васильевский остров
Умирать не придёшь.

На неделе Емеле
От стоустой молвы
Не дожить до апреля,
Не доплыть до Невы.

Может, ради контраста
Сны несбывшихся строк
Отпевать будет пастор,
А не русский снежок.

Впрочем, это не ново,
И привыкла Нева,
Что трагичное слово —
Только чьи-то слова.

На латинских погостах
Выбирать им покой,
Где Васильевский остров
Не прижмётся щекой.

ХРАМ НА КАМНЕ

...иное упало на места каменистые...

Мф. 13, 5

Вышел сеятель сеять... Упало зерно
В каменистых местах — на гранитное дно.

Не в зыбучий песок — с ним фундамент не тот,
В каменистых местах и трава не растёт.

Дом построишь зато из гранитовых гор,
Если вовремя камни собрать — то собор.

Но пробился сквозь скалы пшеничный росток
И не ведал, что время уходит в песок.

А зерно-то возшло! По небесным словам
В каменистых местах возвели Божий храм.

Только солнце возшло — и росточек увял,
Не имел он корней среди каменных скал...

И разрушенный храм не глядит на Восток,
Бывший храм, словно время, уходит в песок.

И куда упадёт русской веры зерно?
Время камни собрать, если время дано.

* * *

Как Бог разбирает слова миллионов молящих,
Каждый оттенок молитвы, каждый душевный штрих?
Язык сердца может обходиться без подлежащих.
Без сказуемых. Без многоточий и запятых.

Хочу молиться на языке веры, судьбы, ибо
Скучную исповедь не о том, чем сердце живёт,
Бог не слышит — лишь видит, что открывает рот рыба,
Бессмысленно, беззвучно она открывает рот.

Зачем это надо — придумывать небу мороку?
И жалеет Бог говорящих пустые слова,
Что Он создавал человека, а перед Ним окунь.
Или плотва...

* * *

Содрогнулся душой — и обдал меня искренний ужас.
Для чего я живу, о последнем не думая дне?
Для чего я живу? Хуже скряги. Мошенника хуже.
И губительный ветер в сердечной таю глубине.

И шагнул в глубину, отпирая запретные двери,
В ночь отчаянных мыслей и в гордых стихов суховей...
Содрогнулся душой так, что даже не сразу поверил,
Что ещё я могу содрогнуться от жизни моей.

БРАТ ФРИДРИХ

То, что нас не убивает, делает нас сильней —
Помнится эта цитата чуть ли не с юных дней.

Помнится, ненавидим ли, любим ли — всякий раз
Что-то да обязательно не убивает нас.

Может, везёт нам. Но снова в чёрные наши дни
Помнится помощь молитвы: Господи, сохрани!

Помнится, если сумеем выдержать белый свет,
Станем чуть-чуть сильнее непредсказуемых бед.

Сильными мы становимся, только какой расчёт?
То, что не убивает, однажды всё же убьёт.

Мы перед Богом предстанем, полные разных сил.
— Разве блаженны сильные? Разве так говорил?

Блаженны нищие духом — иноки простоты,
Милостивые, кроткие, те, чьи сердца чисты...

Разве блаженны сильные? — голос возвысит Спас.
В чём же сила, брат Фридрих?..
Что не убивает нас?

Поэзия

Александр Гахов

Александр Константинович Гахов родился в 1952 году в городе Обоянь Курской области. Окончил Тамбовское военное авиационно-техническое училище им. Ф.Э. Дзержинского и 25 лет прослужил в авиации. Член Союза писателей России, член Международной ассоциации писателей и публицистов. С 2012 года член-корреспондент Академии Поэзии (Москва).

Рассказы и стихи печатаются в журналах «Наша Жизнь», «Диалог», публиковался в альманахе «День русской поэзии» Санкт-Петербургского издательства, в журнале «Балтика», в международном поэтическом сборнике «Планиета поэтов», журналах «Запад России», «Берега». Его стихи и рассказы звучали в эфире «Радио России» и «Европа плюс», автор книг стихов, рассказов и повестей. Победитель конкурса «Человек года» в номинации «Духовный подвиг» (2003). Лауреат и дипломант международных, всероссийских и областных литературных конкурсов.

В подлунной жизни ничего не ново

Венок сонетов

1.

В подлунной жизни ничего не ново —
Сойдут снега и прилетят грачи,
И только будут вечные три слова
Звучать иначе каждый раз в ночи.

Всё будет повторяться неизменно:
На землю пух уронят тополя,
Светиться будут звёзды во вселенной,
Пока живёт и вертится Земля.

Искать любимых нам под небом звёздным,
Для чувств извечных никогда не поздно —
И зародится в двух сердцах любовь.

Наверно, так заведено от века —
Судьбою стать другого человека.
О Боге в суете не многословь.

2.

О Боге в суете не многословь —
«Пути Господни неисповедимы».
Ведь если силу потеряет соль,
То будет ли она необходима?

И не понять всесильному уму,
Читая строки ветхих фолиантов,
Зачем нас по подобию своему
Бог сотворил без всяких вариантов.

Из праха и до праха жизни путь,
Земного нам не взять и не вернуть,
Так в чём же мира этого основа?

О том помыслить надо не спеша, —
Даны не зря и разум и душа.
При сотворенье первым было Слово.

3.

При сотворенье первым было Слово.
Написано: «И Слово было Бог».
Все краски бытия принять готова
Моя душа, переступив порог.

Дано познать ей радость и сомненья,
Испить любви и боли глубину,
И отразиться, вспыхнув вдохновеньем,
Пред красотой в божественном плену.

Придерживаться заповедей строго —
Прокруста ложе на земных дорогах,
Но мудрость к нам приходит через боль.

Есть тайный смысл в законах сокровенных,
Канон гранит алмаз души нетленной,
С ним изначально в мир пришла любовь.

4.

С ним изначально в мир пришла любовь
И растворилась в музыке созвездий,
В огне костра и чудодействе слов,
В ночи звучащей колыбельной песни.

Любовь незримо царствует вокруг,
Как нежность ветра в лёгком дуновенье,
И творчества вращает вечный круг
От вдохновенья и до отреченья.

Непостижимость — от любви страдать,
Прозрение — умение прощать,
Путь истины сокрыт всегда туманом.

Вдыхая мифов ароматный дым,
Для вечности оставивших следы,
Любовь... Она безумие вулканов.

5.

Любовь... Она безумие вулканов.
Застыл резец у мастера в руке,
И Галатея женщиной желанной
К нему идёт по вечности реке.

Любви подвластны все метаморфозы!
Стать может явью звёздной ночи сон,
Но чтоб ожили мраморные розы,
Любить их надо, как Пигмалион.

Нам светят звёзды, даже угасая,
И в нашей жизни точно так бывает
У тех, кто сердце чувством окрылил.

Любовь — ночей волнующая песня,
Звенящий колокольчик поднебесья
И тихое мерцание светил.

6.

И тихое мерцание светил
Сокрыто тайной в линиях ладоней,
Чтоб сердцу помнить всех, кого любил,
До края, до могилы, до бездонья.

Темнеет бронза, тяжелеет кровь,
И никого не минет чаша смерти.
Но вечной остаётся лишь любовь
Блаженным мигом на вселенской тверди.

Меж временным и вечным есть пролог.
Мой бесконечный с небом монолог
Звучит порою исповедью странной.

Я мотыльком в ночи лечу на свет,
Пространство со словами «да» и «нет»
Окутывая чувственным туманом.

7.

Окутывая чувственным туманом,
Что мирно дремлет до поры в сердцах,
Среди земных житейских ураганов,
Любовь не вызывает в мыслях страх.

Она и речка, и бездонный омут,
И знойное дыхание пустынь,
Тропа, что в жизни нас ведёт по склону,
До седины изломанных вершин.

Любовь прекрасна, как закат над морем,
Он грозный вал девятым переспорил
И красный плащ на воду опустил.

Любовь земная, полная азарта,
Как прикупа неведомая карта,
И вдохновляет и лишает сил.

8.

И вдохновляет и лишает сил
Таинственная воля Провиденья.
К Джульетте в склеп Ромео дверь открыл,
Не избежав судьбы предназначенья...

Неотвратимость рока — зов трубы —
Несёт в себе извечные вопросы,
Они встают конями на дыбы
И сбрасывают нас в хмельные росы.

На алтаре любви зажечь сердца,
Чтоб стал огонь величием творца,
Но не людской слепой и злобной карой.

Открыты тайны естества двоим —
Не оттого ли мы в любви горим?
Любовь — огонь божественного дара.

9.

Любовь — огонь божественного дара —
Не оскверню я ревностью слепой.
Сюжет о Мавре, словно мир наш старый,
Шекспиром подан фабулой простой.

Вильям в платок упрятал все причины,
Оставив Дездемоне аналой.
И точат ветры камень по песчинке,
Любовь уносят мелочи с собой.

Молю! Любовь, мне повода не дай,
Чтоб ревность захлестнула через край,
Затмив мой разум пеленой угара!

Пусть искра мне на сердце упадёт,
Лелея пламя, чувство прорастёт
В нём отблеском вселенского пожара.

10

В нём отблеском вселенского пожара
От Возрожденья стыннут витражи,
И кисть-пчела на холст летит с нектаром
С цветочных нив загадочной души.

Богиня или женщина земная,
Приносит в мир любовь — своё дитя;
Из вечности, по облакам ступая,
Она идёт, в величии скорбя.

О, Незнакомки, Альбы, Дульсинеи!
Чем дальше, тем величие виднее, —
Глядят мадонны из тумана лет.

Пусть что угодно говорят о моде,
Но льётся с леонардовых полотен
Души незримой изначальный свет.

11.

Души незримой изначальный свет
В мозаике небесной — звёздной смальтой,
И в судьбах наших оставляет след
Печалью звуков музыки Вивальди.

Под вздохи пианино, скрипок плач,
Спешит куда-то суета земная,
Я в ней приговорённый и палач,
И только лишь одна любовь спасает.

Любви подвластны струны и смычок,
И время вспять внезапно потечёт —
Одно рождая чувство из другого.

Звучащая мелодия любви,
В поющие просторы позови!
Открыто сердце и пылать готово.

12.

Открыто сердце и пылать готово
Фатальностью «египетских ночей»,
Чтоб жизнь отдать, любви подавшись зову,
За миг сладчайший пребывания с ней.

К барьеру встать и року бросить вызов
Перчаткой: боль обиды не стерпеть!
И за любовь, сквозь дым свинцово-сизый,
Шагнуть и, как награду, встретить смерть.

Неразделимы в нас любовь и страсть,
И, чувствуя незримо эту власть,
Лечу в объятья вешней ночи снова.

Ты ждёшь меня, желанием дрожа,
И с тишиной сливается душа,
И губы шепчут вечные три слова.

13.

И губы шепчут вечные три слова
Так, словно задыхаемся в бреду,
Короткий миг желания земного
Меня на упавшую звезду.

Поставлю парус сердца нараспашку —
Листву тревожат вешние ветра,
И средь берёзок на краю овражка
Я заблужусь с любимой до утра...

О, ночь любви, не торопи события!
Дай насладиться, чтоб не смог забыть я
Озноб той жажды через дымку лет.

Пусть клятвою окажутся суровой
Три сказанные мною вечных слова
Для той, которой в мире лучше нет.

14.

Для той, которой в мире лучше нет,
Всю ночь пел соловей в притихшей чаше.
В цветах с росой я принёс рассвет
И утонул в бездонье глаз блестящих.

И новый день над нами восходил,
И на земле всё было первоизданно,
И мир земной детей своих любил,
И мы в нём были Евой и Адамом.

...Мы открываем двери пред собой
И входим в мир, приветствуя любовь,
Наш первый крик — ведь это тоже Слово!

Жизнь коротка, как метеора след,
Сгорит закат и вновь придёт рассвет —
В подлунной жизни ничего не ново.

15.

В подлунной жизни ничего не ново,
О Боге в суете не многословь,
При сотворенье первым было Слово,
С ним изначально в мир пришла любовь.

Любовь... Она — безумие вулканов
И тихое мерцание светил,
Окутывая чувственным туманом,
И вдохновляет, и лишает сил.

Любовь — огонь божественного дара,
В нём отблеском вселенского пожара
Души незримой изначальный свет.

Открыто сердце и пылать готово,
И губы шепчут вечные три слова
Для той, которой в мире лучше нет.

Александр Красов

Писатель, поэт, творческий руководитель «Союза свободных писателей», лауреат и неоднократный дипломант литературных конкурсов в номинации «Поэзия». Публиковался в коллективных сборниках и периодических изданиях. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России.

Возвращение

Вот и ещё один день игры в прятки со своей судьбой отшумел. Всё удачно. Карьера, успех — словно вознаграждение за добровольную жертву, оставленную за одним перелётом ревущего лайнера. Тихо шурша по остывшим камням и выхватывая светом фар потемневшие стены то слева, то справа, такси поднимается в гору. Блестящая лента брусчатки змеёй извивается вдоль старой улицы. Окна домов как глаза из-под шляп черепичных выглядывают с любопытством и прячутся

снова за ветви развесистых лип. Тёмно-красные отблески позднего вечера над чёрной тенью деревьев, домов вперемешку с мерцанием бледным неоновых ламп, веют сумрачной мистикой средневековья. И, кажется, ещё немного — и за поворотом покажется всадник, закованный в латы. Конь вздыбится от необычной кареты, везущей меня, захрипит, и над самым стеклом ветровым заблестит наконечник копья...

Как тревожно!..

Прижавшись к сиденью, я жду встречи с невероятным. Мистическая тишина прикасается через окно приоткрытое к моей щеке, и пугая, и радуя ночной прохладой.

Тень сумерек гуще. Вдруг стал вырисовываться силуэт стройной женщины. Ближе, светлее. Лицо!..

— Стой!

Водитель ударил испуганно по тормозам, разбудив тишину полупризрачной улицы визгом схватившихся шин.

«Что я делаю?», — дверь нараспашку, — «И кто она, моя таинственная незнакомка с волнующими волосами и тающим в юности бледным, до боли знакомым лицом?..»

Лучше быть сумасшедшим, чем кающимся, упустив этот шанс!

Подбегаю, боясь и надеясь, горячим дыханием бледность согнав с улыбнувшихся щёк... Эти невыносимо родные глаза, губы, волосы!..

— Как же я долго тебя ждал!

Четыре руки, не стесняясь, сплелись в один узел, ломая отчаянно непроницаемую скорлупу многолетней разлуки.

* * *

Луна сквозь туман
Мягко тени рисует
Обнявшиеся.
Я твои слёзы счастья
Целую блестящие.

Зацветающий папоротник

*В эту ночь
надо остерегаться проказ нежити.*

КАЛЕНДАРЬ ПРАЗДНИКОВ

Вечереет.

По-прежнему жарко. Пропели давно петухи. Пахнет дымом, парным молоком. Я спешу на последний автобус домой. Позади из низин поднимается зеленоватая дымка (русалки, наверное, плещутся в озере сонном!). Луна поднимается полная, чуть колыхаясь. Волнами — кузнечиков звон неотступный. Дыхание чаще — боюсь опоздать, торопясь по разбитой и пыльной дороге. Цветущие липы дурманят: «Останься!..» Всё стихло. Лишь шелест летучих мышей, да сова гулко ухнула, веткой качнув, улетая. Я вздрогнул невольно и тут же взглянул на часы: «Может, всё же успею?»

А вот и автобус! Надеюсь, он в город.

Водитель, увидев меня, улыбнулся, и мне показалось... блеснули... Чудак! Это вспыхнули в гаснущем зареве белые локоны девушки над рулевым колесом!

А в салоне автобуса шумно играют, смеются, поют молодые ровесницы. Может, подружки искали экзотики или сокурницы из музыкальной — так проникновенно звучат голоса, что мурашки по коже!

Открытая дверь. Поднимаюсь. Места почти все уже заняты, но вместо кресел — диваны. Не знаю, где сесть. Замолчав, они переглянулись и смотрят с пристрастием. Каждая ждёт: где я сяду. От спешки устав и смутившись от взглядов — вконец растерялся. И мне показалось, что гаснущие угольки чуть заметно мерцали в глазах ожидавших.

Дыхание ночи всё громче. Автобус ни с места.

Вдруг самая смелая рядом со мной:

— Не хотите присесть?

Вместе с юбочкой ногу на ногу закинула, рыжее пламя распущенных кос колыхнув, чуть подвинулась и улыбнулась.

Боясь быть несмелым, я сел.

Девушки зашущукались.

Я покраснел. (Хорошо, что уже незаметно!)

— Спасибо!

— Да не за что. Что Вы так смотрите?

— Мне показалось...

— Что?

— Мы не встречались? Как Вас ... ?

— А Вы разве не помните? Точно такой же томительный вечер. Сестра открывала Вам дверь, потянувшись. Вы с ней говорили, увидев, как я, разомлевшая вся, накрывалась упавшею простынью. Помните?

— ...

— В лунные ночи она о Вас столько рассказывала!.. Она так Вас просила остаться!.. А я так смотрела!.. До самой зимы мы с ней верили, что Вы вернётесь... О, как было страшно решиться!.. Но — всё позади. И цветы на груди, и не таявшие хлопья снега на сложенных девичьих пальцах, и ладана сон над бледнеющим платьем, застывший как матери стон, Ваша бледность...

— Не надо, прошу...

— Вам хотелось бы снова с ней встретиться?

— Да.

— А со мной?

Ничего не ответив, я взял её руку (уже в темноте зыбкой).

— Думаю, нам лучше выйти на воздух, — услышал я, или... дыхание рядом... совсем...

Дверь автобуса так и открыта — мы вышли.

Луна, не стесняясь, смотрела на нас и стекала дурманящим светом с деревьев, автобуса, душных волос её, путавших мысли мои...

...

Кто-то к нам подошёл из автобуса в платье, знакомо бледневшем, и рядом прилёг на примятую траву, вздохнув:

— Наконец-то мы вместе!

«Но как?!..» — я хотел удивиться, но губы мои с такой ласковой страстью луна целовала, двоясь!..

Заглушая стук сердца, по шёлковой коже, качаясь, текли сладковатые волны пьянящей размеренной музыки самой короткой в году ночи. Громче... Быстрее. Жарче! Не останавливаясь. Не кончаясь...

...

Вдруг слух мой прорезал петух встрепенувшийся.

Тело разбито всё, как после драки. Один. Нет автобуса.

Едва заметно трава, распрямляясь, росой зацветает.

Светает.

* * *

Цветения ночь.
В тишине одинокой
Глубокий твой вздох
Наконец-то прошепчет,
О чём ты молчала мне.

Crepusculum

Будущее не определено.

С. Лукьяненко

* * *

Над утомлённой землёй распростёрла объятия ночь.

Те же звёзды глядят свысока. То же древнее небо. И страх безотчётный под самое сердце вползает от взгляда мерцающего бесконечного вечного неба, рисующего светом звёзд наши судьбы. Твою и мою.

В этом призрачном свете стою и держу на руках тебя спящую. Как лепестки складки алого платья свисают беззвучно.

Густой аромат сонных флоксов, как напоминание ночи о чём-то таком дорогом...

Тишина.

А над нами беззвучно проносятся невероятных конструкций, пугающие взглядом прожекторов, корабли, словно сон искажённого разума! Только не это заставило вздрогнуть от мысли, что я ещё жив: эти не торопящиеся существа понимают, нет, хуже — читают мои воспалённые мысли, проходят сквозь них, исчезая в чернеющей бездне. И с каждой секундой растёт ожидание непоправимого.

Давящая тишина. Неизвестность отсчитывает нам мгновения. Нам не дано уже распорядиться любовью, мечтами — они лишь придаток чудовищного механизма. И нет больше правды и лжи. Лишь глобальная сеть информации. И ничего нельзя скрыть от зловещей системы с рождения в чреве у матери. Каждая мысль, шевельнувшись, уже под контролем невидимого пастуха. Если плеть не коснётся тебя, значит, ты живёшь правильно.

А как же счастье?! Ах, эта легенда о недостижимом, которую люди, зачем-то, целуясь, дарили друг другу когда-то...

И хочется просто зажмуриться, чтобы исчез этот ад.

* * *

— Я люблю тебя!

Ты улыбаешься и закрываешь мне губы своими губами. И, не расплетая объятий, мы чувствуем, как стук сердец нас сливает в одно целое и счастливое в призрачном непредсказуемом мире.

Сгущаются сумерки.

— Может, пойдём? — Что-то *зябко*, — ты тихо шепнула.

— Боишься?
 — Немного.
 — Представь, наши деды когда-то осмеливались в одиночку ходить в полночь в дремучую чащу.
 — Я знаю. Раз в год. Но сейчас не Ивана Купала, а наша тревожная ночь.
 — Очень жаль. А то я подарил бы тебе зацветающий папоротник.
 — Я и так с тобой счастлива.
 — Только боишься немного, цветочек мой аленький!
 — Знаешь, мне кажется, кто-то за нами следит.
 — Вурдалак?!
 — Не смешно.
 — Извини.
 — Может, всё же пойдём?
 — Да, конечно.
 Я обнял тебя и... увидел какую-то тень. Всё отчётливее и всё ближе. Весь в чёрном — мужчина.
 «В таком жутком месте?!» Я сжался.
 — Простите, вы не на машине? А то я совсем заплутал.
 «Голос, — как с диктофона мой собственный. Та же фигура, манеры... Двойник что ли? — Да-а-а!.. Дошутился!.. И как мне его уничтожить?»
 Ты меня толкаешь:
 — Чего ты молчишь?
 — Вам куда?
 — Если не затруднит, я бы с вами проехал, а то что-то *зябко*.
 Луны ещё нет. Но я чувствую, он улыбается, словно играет на нервах или предвкушает... и руку в кармане плаща держит.
 Я незаметно снял с предохранителя свой «талисман».
 — Вы мне не доверяете? — он достал руку, показывая ненавязчиво, что безоружен.
 — Так Вам мой «цветок» нужен или машина?
 — А Вы разве что-то хотите оставить?
 — Я — нет! Что ж, идёте.
 Он — «даму вперёд» и закрыл за ней.
 Тут же я щёлкнул замками.
 — Да что с тобой?! — ты возмутилась. — Чем он насолил тебе? Ты что — ревнуешь?!
 — Прошу, не оглядывайся.
 Завожу.
 Незнакомец стал перед машиной, гася собой свет ярких фар — только светятся руки с лицом улыбающимся.
 — Перестань! Что за бред?! Я сейчас тоже выйду!
 И ты потянулась к замку.
 — Хорошо! Будь по-твоему.
 Я разблокировал.
 Хлопнула задняя дверь.
 — ... Пошутили и хватит! — он больно прижал пистолет мне к затылку. — Давай свой! Но — медленно! ... Ну всё. Поехали! Я научу вас любить!
 Он свободной рукой прикоснулся к твоей нежной шее. И ты, побледнев, потеряла сознание.
 Я сбросил газ.
 — Так, без глупостей! Едем!
 И я уже знал, куда, без его слов.
 Затрещала упруго брусчатка. А за поворотом дымились горящие факелы над чернотой всадников и коней, бьющих по мостовой то и дело копытами от нетерпения.
 И неожиданно — прямо на нас, как летящие молнии, — белые всадники с копьями наперевес!
 Наш попутчик занервничал.
 — Быстро сворачивай! — крикнул он хрипло.
 Я, не тормозя, резко вывернул вправо.

Машина пронзительно заверещала по выщербленной мостовой и ударилась боком в ствол дерева. В то же мгновение в зеркале заднего вида сверкнуло копьё над зловещим лицом незнакомца, и всё заискрилось в застывшей машине.

Не помня себя, я отбросил ремни и, взяв на руки, крепко прижал тебя к своей груди.

Впереди — остов замка, за ним — лестница прямо к морю и лодка.

Успеем?

Не чувствуя ноши, спешу, что есть сил сквозь уснувшее время, когда каждый шаг дольше вечности...

* * *

С невозмутимостью стража могил *он* — за нами.

Ему нужен страх или шаг неуверенный, слово, потерянное невзначай.

Миновали руины. И вот уже лестница, круто ведущая вниз. За ступенью ступень вода ближе, светлее сквозь кроны деревьев.

А сзади уже скрежетали доспехи, и ржали неистово кони под стонущими седоками. И красное знамя, стекая с мечей, колыхалось в траве под моими ногами. И камни кровавые в шлемах катились со склона с обеих сторон, обгоняя и падая в море.

Скорей! Только не оглянуться! Не вскрикнуть! Иначе изменится всё.

— Ах! — послышался твой тихий вздох...

* * *

После этой поездки у нас всё наладилось.

Мы поженились, сыграв «королевскую» свадьбу, нас приняли «новые» и мы не знали, куда тратить деньги.

Вот только с «телячьими нежностями» мы расстались. И ты меня часто журила:

— И кем бы мы были сейчас без *него*?!
Дом стал полная чаша.

Вот только...

Увидев закат, каждый раз я пытаюсь мучительно вспомнить о чём-то таком дорогом...

* * *

Как давно это было!

Всходило сиявшее солнце, пьянили сады под цветущею радугой и оживали страницы зачитанной книги про нашу любовь сокровенную...

Мы были счастливы и...

Эпилог

...И был солнечный день. И была непроглядная ночь. Проносились недели и годы как призраки таяли, но ничего не меняется там, где стучали два любящих сердца...

* * *

Увидев закат,
Я пытаюсь припомнить
О самом родном,
Как сливались два сердца,
И мы были счастливы.

* * *

Как по карнизу —
По судьбе,
Не сожалея.
И дай мне Бог
Не оглянуться,
Не устать.

* * *

Я от жизни так мало хотел:
Видеть мир через цвет твоих глаз.
Сколько лиц! Сколько суетных дел!
Лишь во сне счастье смотрит на нас...

Словно шёпот твой, ласковый дождь
Размывает чужие следы.
Ты в косыночке в школу идёшь,
И сапожки блестят от воды.

Вот уже у знакомой доски
Отвечаешь, волнуясь, урок.
Почему же болят так виски,
Словно кто-то нажал на курок?!

Скоро поезд тебя унесёт,
Не дождавшись мгновение меня,
И никто наш апрель не спасёт,
По сирени слезами звеня.

* * *

Ну при чём тут слова?! Просто я умирал
От восторга и страха, когда снегопад
Нас счастливых с тобой ото всех укрывал,
Засыпая дорогу назад.

Шаг по шпалам не скор: надо столько сказать,
Пока снег над тобой продолжает кружить!
Только вдруг почему-то двух слов не связать,
Без которых нам просто не жить.

Тихо Белые Ангелы шли по пятам,
Почти не различимые из-за плеча.
«Я тебя никому никогда не отдам...» –
В сотый раз мне подсказку шепча.

А ты, словно во сне, продолжала летать
Над цветами желаний под нашей судьбой.
И твой бархатный голос был хлопьям под стать,
Целовавшим нас в губы с тобой.

Что-то всё говорю, к нетерпению прильнув
Видеть снова и снова желаннейший клад,
Когда крылья ресниц, на секунду вспорхнув,
Обнажат твой застенчивый взгляд.

А дорога звала бледно-снежной фатой,
И казался манящим сияньем венца
Привокзальных огней ореол золотой,
Обещая любовь без конца.

Надо только успеть прикоснуться к руке
И губами поймать твой испуганный вздох
Пока сердце спешит в этой снежной реке
Успокоиться у твоих ног...

Поезд неумолим. Ты присела к окну,
Непослушную чёлку поправив, глядишь...
Словно выплакать хочешь у снега весну
И меня ни за что не винишь...

В тишине растворился последний вагон,
Как спасенье оставив стези на снегу.
И осколки упавшего сердца сквозь сон
До сих пор я собрать не могу.

* * *

На скамейке сидишь, улыбаешься — ждёшь,
Молча глядя, когда я тебя попрошу,
Пересилив стеснение, сплетни и ложь,
И от счастья не свой, наконец, откушу

Из ладоней твоих от оставленной мне
Половинки заветного яблока... Но
Как мгновение тянется! Словно во сне
Или в остановившемся старом кино.

Фотографии глянец по-прежнему чист:
Вожделенную тенью влечёт летний сад
И упруго блестит каждый замерший лист,
Устремляясь к тебе, справа, слева и над...

Кто же нашей судьбы краски выкрасть посмел,
Обесцветив твой нежный застенчивый взгляд,
Яркий мёд на коленях сквозь солнца расстрел
И твой жёлто-зелёный короткий халат?!

* * *

Так пронзительно пахнут ночные цветы!..
И до полной луны дотянуться рукой.
Надо только решиться. Пока ещё ты
Не ушла. А за зыбкой рекой

Уплывающих дней, сновидений и грёз
Ещё не разглядеть, как в такую же ночь
Задрожит лунный свет от нахлынувших слёз
Обманувшей судьбы. И сдержаться нам будет
невмочь.

А пока. Я хочу тебя нежно обнять
И не смею коснуться заветной мечты.
Лишь молчания нашего крик не унять.
Так пронзительно пахнут ночные цветы!..

Моей Джульетте

Коней не счесть, упавших подо мною, –
Как бесконечны Мантуи пути!
Только б успеть назвать тебя женою
И взгляд от красоты не отвести,
Когда губами, выпившими склянку,
Твои уста заставлю вновь цвести
И позову бессменную служанку
Уже ненужный факел унести...
Галопом сердце рвётся из груди –
И зажигает высохший ковыль
В пронзительном закате впереди
Моей Вероны золотая пыль.

* * *

Кто-то с неба горстями бросал
Мне в лицо ледяное стекло.
Как давно я тебе не писал!
Не просил, чтоб тебе повезло.

Ветер воеет внезапной вдовой
И в отчаянии волосы рвёт.
Ты прижалась к окну головой:
«Может, всё же успеет, придёт?»

Чуть качнулся притихший вагон,
Отрываясь от нашей судьбы;
Всё быстрее исчезает перрон,
Чьи-то лица, скамейки, столбы...

Слёзы катятся с неба сильней,
Засыпая случайную ложь.
Дни короче, слова холодной.
Я спешу: знаю — ты меня ждёшь.

* * *

Боже мой, как смелы мы потом,
Не услышав заветный ответ
И, как сердце, бросая билет
Уходящему поезду вслед!

Исчезает за гулким мостом
Левый берег с улыбкой твоей.
И уже не угнаться за ней.
Только сердце стучит всё сильней.

Тень на рельсы упала крестом,
Распиная на стыках меня,
С каждым разом всё тише звеня
В бесконечность ненужного дня...

Та же радуга, лужа с листом
И сирень шелестит под дождём,
Как, смеясь, мы идём под зонтом
И не знаем, что будет потом.

* * *

Я шёл к тебе сквозь снег и грязь,
Сквозь сердца страх и страсти голод,
А ты меня не дождалась —
Ушла из лета в вечный холод.

Зубами стиснув волчий вой —
Судьбой подстрелен на излёте —
Иду по следу за тобой
По зыбким кочкам на болоте.

И с каждым шагом алый след
Сливается с закатной кровью.
И всё заметней лунный свет
Соединяет смерть с любовью.

* * *

Что же ты, жизнь отшумевшая?!
Обещавшая не обмануть.
И не смеявшая даже взглянуть мне в глаза,
Когда уползал мой последний вокзал,
И я на асфальте следы целовал
Роковых её ног...

Заструится песок на затихший висок...
Побледнеют цветы...
Что же ты?!

* * *

Какая грустная звезда повисла над моей судьбой!
И никакие поезда не разлучат меня с тобой,
Пока в урочный час ночами
Меня зовёт через года
Твоими грустными очами неугасимая звезда.

Диптих «Дыхание»

Вдох

Летний дождь утомительно лил, когда я, наконец, позвонил
И, словами играя, молил, чтобы ты поняла, как тогда.
И, казалось, что сотни дождей и поблёкшие маски людей
Между нами, как тени детей, не оставили даже следа.
И счастливые капли дождя барабанили, чтобы беда
Не услышала нас никогда.

Выдох

Ручку стиснув ладонью по кровь, дверь, внезапно закрытую вновь, —
Вырву вместе с цементом веков — верных стражей безмерных утрат, —
Время, словно лавиной вода, хлынет вспять из глубин «никогда»,
Обручив, наконец, наши «да»... И, дороже всех бранных наград, —
Ты прижмёшь нашу кроху к груди... Словно ангел, вернувшийся в Сад,
Он всегда будет с нами и над.

Орловские берега

Татьяна Грибанова

Татьяна Ивановна Грибанова родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор поэтических книг «Апрель», «Прощёный день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль»; книг деревенских рассказов «Лесковка», «От Рождества до Покрова»; книги лирических очерков «Колыбель моя посреди земли». Произведения публиковались в журналах «Наши современники», «Родная Ладога», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Подъём», «Простор», «Берега», «Великороссъ», «Наследник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Огни Кузбасса», «Лик», «Славянин», «Странник», «Эхо России», «Дон новый», «Волга XXI век» и др. Лауреат Всероссийских поэтических конкурсов «Звезда полей» им. Н.М. Рубцова (2012), им. С.А. Есенина (2015), Международного конкурса «Умное сердце» им. А.П. Платонова (2014), Всероссийской литературной премии «Весенние воды» (2015), дипломант премии «Прохоровское поле» (2013), премии Губернатора Курской области им. Е.И. Носова (2014). Награждена медалью Святителя Кукуши (за подвижничество в служении Родине и вере, 2014). Член Союза писателей России, живёт в Орле.

Духов день

Верю я и верить буду,
Что от сих до оных мест
Божество разлито всюду –
От былинки вплоть до звезд...

Владимир Бенедиктов

1.

Илья и не заметил, как, прожив в Альшанках всего лишь неделю, крепко-накрепко привязался к единственному многочисленному народу на хуторе — сизарям, к постоянному общению с ними, к беседам на особом — получеловечьем, полуптичьем наречии.

Словно без начинавшихся с самой ранней заутрени разговоров этих, неторопких, настраивавших его душу на размеренный, житейский лад, он и вовсе никогда не жил. Казалось даже, не поздоровайся Илья с голубями, в лозняках Алёхинского луга не вызреет, не воспарит над торфяниками, над струившимися белесыми туманцами алая малинка солнышка.

А марь после третьих петухов в Альшанках знатная! Как ей не быть-то, если Наталья Светлова в вечерних сумерках каждый раз — подойник оземь — спотыкается за амбаром на новую кротовую кочку — будь эти слепцы неладны! — и вечерошник заполоняет доверху все хуторские ложбины.

— Живу, как у Христа за пазухой, чего ещё нашему пишущему брату желать? Ан не спится же! Небось, и шести не натикало, лелеять бы ещё да лелеять непробудные сны, — бормочет каждый раз спросонку в чуть забрезживший свет Илья.

— Угу! — наклонившись с поскрипывающей ставенки, заглядывает, словно стыдливый цветок, сквозь ажурь дырчатых тюлей в крохотную горенку знакомая, с белым ожерельем на переливчатой грудке, Голубица. Из-за украшения этого писатель и окрестил голубку Ожерелкой. С каждым рас-

светом объявляется она у окошка его хатёнки и принимается разговаривать разговоры: то поддакивать, то перечить, то вести рядком обыденные беседы.

Заслышав их, пренебреженно подключаются гулькины разномастные соплеменники, и не проходит и получаса, как собирается всё пернатое семейство. Облепив крышу хаты, ничуть не смущаясь, разгуливая туда-сюда крохотными лапками по подоконнику, они, кажется, в своих разговорах-кугуканьях, напрочь забывают об Илье. Но это только кажется. Илья уже знает наверняка, что на самом-то деле голуби, облюбовавшие, видно, это вдовье подворье, не нагурковавшись досыта, не подхарчевавшись, ни за что не спровадятся по своим хлопотным делам. Илья нарочно не встаёт с постели, тянет время, наслаждается их ласковым, складным воркованьем.

Провисшая сетка никелированной, с блескучими шарами, кровати скулила при малейшем движении, пугала сизарей. Илья покумекал, оторвал от телятника доски, сколотил из них под свой рост щиток, водрузил его на кровать, раскидал по тесинам завалившиеся в амбаре хоботья гречишной соломы. А поверх водрузил необъятное облако хозяйской перины.

В придворном амбаришке сыскалось с четверть пуда конопляных зёрен, мешок был предусмотрено (от шныркающих без всякого пардону грызунов) подвешен к перемёту.

И теперь каждое утро, будто заправский хозяин, новый жилец спешит прежде всего «управить животину» — зачерпнув из пристроенного на коник мешка, Илья откидывает занавеску, раздвигает пошире ставенки и рассеивает, плещет из алюминиевой кружки на завалинку, на вытоптаный прикрылечный пятачок звонкие золотистые конопелины. Птицы смолкают, заботливо, домовито, стараясь не пропустить ни единого, выбирают зёрнышки из подорожника и мелкой дворовой муравьины.

Задичавшая, было, усадьба оживала: скрипели воротины, поминутно то там, то тут пищали дверцы чуланов и сараюшек, хлопала калитка, дзынькали вёдра, так-такал молоток. Илья спускался к роднику за свежей водой, раскочегаривал допотопный примус, благо запасов керосина в прикопанной на задворках бочке хватило бы ему до конца жизни, приезжай он в Альшанки каждый год хоть на целое лето.

— Угу! Угу! — подлётывала на краешек застрехи Голубица.

А Илье чудилось, будто она растолковывала ему, городскому: мол, ещё как хватило бы! Ведь в крестьянском хозяйстве без припасов никак не обойтись. Как же без припасов-то?

Ключей-запоров в деревне этой, кроме палки в ручке двери, видать, испокон веку не держали, а сейчас и вовсе — оторви тесины с крыльца и окон, входи и живи.

Погостить пригласил его без лишних уговоров давнишний приятель, геолог Володька Смородин: мол, поезжай-ка, отдохни на мою прародину, на Орловщину, глядишь, когда-нибудь и вспомнишь о ней в своих книжках.

Сам-то он всё в экспедициях. Как прибрал прабабку Варвару на Поповку, с тех пор в Альшанки и не заглядывал. Прошлой осенью, под Загвены, отошла она в мир иной. Ну, так потянула, дай Бог каждому, аж девяносто четыре годочка! Двух дочерей, сына пережила. Да-а-а... Теперь вот с ними, своими, рядышком. Наконец-то дождалась.

Пригласил, значит, писателя Володька, а он тут же и согласился. А что было размышлять-то? Пяток часов пассажирским — и в Орле, потом, правда, — вёрст семьдесят по отжившей свой век ещё лет тридцать назад шоссейке, да, перемахнув тройку холмов (версты четыре), — пёхом. Так по перволетице, под Пятидесятницу — только в радость.

Хотя и тут Илье повезло. Только-только вырвался он из костотряски, межпоселкового «пазика», ступил на альшанский, закурдявистый и солнечный от вылупившихся одуванчиков просёлок, глядь, догоняет притпрукивает лошаде́нку местный мужик Виктор Светлов. Как потом оказалось, вся Альшанка теперь — его «фазенда». И семейство Виктора — единственное, проживающее сегодня на хуторе. Каждое утро возит хозяин вечерошник и утрешник от своих пяти коровёнок в райцентр на молокозавод.

Даже из короткого, немногословного разговора Илья разгадал, да Виктор и не скрывал, что семейству его приходится несладко. А тут и дураку ясно! Почитай, всё в одни руки! Наталья, конечно, бабонька поворотная, с ней Виктору повезло. Но на жене — и двое ребятишек, и дом, и бакша, и стряпня, и засолка-закрутка, и постирушка, а сейчас она и вовсе — на восьмом месяце, к Петровкам, Бог даст, девочкой разродится. А то всё плачется: «Тебя помощниками наградила, а сама — без подспорья!»

Ухайдакается Виктор к полуночи. Рук-ног не чует. Когда-когда мальва его подрастёт, чтоб косу в руках держали, чтоб топор, вилы из рук не выпадали! Хряпнет Виктор с устатку стакан, похлебаёт борщца. Затуманится голова у мужика, подкатят мысли, одна черней другой: «А не бросить ли всё к ядрене фене! Распродать технику, снять последние кой-какие подсобренные деньжата да закопаться к чёрту на рога, в эту ихнюю Калифорнию или, на худой конец, куда поближе, — в Европу. Да всё равно куда, лишь бы — за бугор!»

Ну, это всё с ночи, а зарёю Мурка, Лыска, Зинка, Марта да Веселушка замымыкают, овцы в загороди заблеют, кочет Ухарь на шестке заголосит... И Виктор с ним заголосит. Смахнёт поскорей рукавом, пока баба да ребятишки не догляделись, свои горемычные слёзы, только и молвит: «Ну, нетушки, хрен возьмёшь Виктора Светлова! Пока живой, никуда я со своего корня не подамся!» И, с ходу ясно, покатит чередой: на пахоту, на сев, на косовицу, на уборочную.

Посчастливилось Илье, пристроившемуся на свежескошенном клевере на задке телеги, в беседе о житье-бытье крестьянском прокатится под погромыхивание пустых бидонов через вошедшие в цвет луговые и лесные поскотины, через поросшие густой берёзовой порослью да вездесущим бурьяном пожни. Мимо свежесметанных копёшек на приречном долу, издалека схожих с шеломами древнерусских витязей, мимо парочки стрекотуний-сорок на длиннющих срединных вешках, обочь недавно раскуроченных колхозных ферм, по свежим заплаткам (видать, Виктор постарался, кому ж ещё?) убитого вусмерть альшанского мостка. Мимо почти вековых развалин шатровой церкви. Уже и нет её почти вовсе, а стена с иконой Казанской Богородицы из последних сил крепится, держится.

Взирает с неё Божья Мати на свой удел во все глаза, и смотреть на поруху нет мочушки, и не отвернёшься от горюшка людского, не зажмуришься — не на кого покинуть ей мужика русского. На кого ж ему ещё положиться-то? Правда, травища, чертополохи да бурьяны вокруг храма обкошены, и у развалин по-хозяйски, аккуратными горюшками, сложено дерево — брёвнышко к брёвнышку — прикрыто рубероидом. А рядом с порушенным храмом — свежесработанный высоченный дубовый крест. «Хоть какую, хоть малую церквушечку, а всё одно поставлю», — снимает картуз и в душевном порыве трижды крестится на Казанскую Виктор, — обрёкся я... по своему почину... назад повороту — ни-ни! Без веры в нашей жисти никак нельзя! Без неё, считай, душа для Света распотерянная, лишена Небесной защиты... Потихоньку, помаленьку сдуюжим! Крест вот уже, как и положено, на Воздвиженье, установил».

...Не прошло и часа, как показались хуторские крыши. А потом выступила на простор обнесённой берёзовыми пряслами околицы и Светловская изба, первая с краю. Ничего приметного в ней Илье не усмотрел, изба как изба. Правда, с виду крепкая, ладная. Не то чтобы красивая, скорее, как показалось приезжему, добротная, удобная для жилья. Ну и, как положено, конечно, с бальзаминами, гераньками в растворённых на весь белый свет лупастых окошках, обрамлённых замысловатыми, с голубками, со всякими разными завитушками, расписными наличниками.

Всё на Викторовом подворье налажено, под рукой: рядышком, за жильём, идут сараюшки и амбары для животины, для корма. Под навесом — немудрёная пахотная-уборочная техника. У воды, на подгорье, догляделся Илье, и банька имеется. Под боком у неё — берёзовая поленица, под самую крышу подвалилась, сквозь высоченную лебеду поблёскивает, на солнышке золотится. «Как же русскому мужику без баньки-то?» — даже подивился Виктор.

Хоть и настаивал хозяин хутора зайти, умыться, перекусить с дороги (ну, кто дожидается приезжего писателя в задичавшей Варвариной избе, а Наталья, небось, щец из молодой крапивки настряпала, да и свойская найдётся, как не найтись?), однако Илье заотнекивался и, постеснявшись нахлебничать, взяв в провожатые Викторова старшенького, двинулся уже по бледно-фиалковым сумеркам вдоль хутора разыскивать сквозь кружева лопухов и крапивы Смородинскую хату.

И вот теперь, обживаясь в засиротевшей избе, Илье пытался представить себе хозяйку этого неказистого жилища. Естество хатёнки — простенькое! Ясное дело, с чего, с каких барышей у вдовицы достаток-то? Правда, как вступишь в горницу, так и ахнешь: на Божнице — икона, сам Господь Бог вряд ли точно знает, какого она веку — ни сроку, ни цены ей нет. Пресвятая Троица. Отец, Сын и Святой Дух. Из-под неё свисают пересохшие берёзовые веточки, пучки вербицы. И так эта Варварина икона лучится из потемневшего за века оклада, так притягивает к себе взгляд, что пальцы сами по себе складываются в троеперстие и поднимаются ко лбу.

Со стены, что двумя оконцами глядится в мальвовый палисад, с принакрытой рушником, словно

омофором, выжелтившейся карточки, улыбается совсем юная женщина. Глаза — сама доброта и любовь! Ясные, устремлённые своей распахнутостью, открытостью, расплёскивают они несказанный свет даже сейчас с потускневшей от безвременья карточки всему миру навстречу...

Кофточка в оборочку... Ожерелки светлые — неспелые крыжовины... На руках — мальчонка, видно, будущий Володькин дед, рядом — две девочки — годков трёх-пяти, а перед ними на табуретке — сажень косая в плечах, нога на ногу — молодой крестьянин, прадед Лука Кузьмич.

Даже могилы от него не осталось... Исчез в годы пороховые в небытие... Рассказывал как-то Володька, знают только Смородины, что где-то под Минском в первый же месяц войны, обвязав себя гранатами, кинулся их геройский прадед под фашистский танк... И не было у Варвары горше минуты чем та, когда брала она дрожащими руками у Зинаиды-почтарки чёрную вест-похоронку... Только и молвила, прочтя её побелевшими, каменными губами: «Видать, Ангел-Хранитель куда по делу отлучился, не устерёг Лукашу». День тот помнила Варвара не только всю, до последнего вздоха, жизнь, но, скорее всего, не запаматовала и в могиле.

Обхаживали солдатку мужики: и просто к греху подстрекали, и по-людски сватались... Как же? Было! Только, видать, не сыскалось ни одного среди них такого же орла, как её Лука Кузьмич. С той самой поры и у неё обескрылились плечи, угасло лицо, омужичилось изрубленное тело.

Да! Бусины-то те, лучистые, с карточки?.. А что ж бусины? Целы-целёхоньки. Стекло! Что с ним поделается-то? Лежат себе в шкатулке липовой (приоткрыл её Илья, смущаясь, будто в чужую жизнь заглянул). Правда, не снизкой ягодки. Видать, нитка перетёрлась, а глаза у Варвары всё-таки, что ни говори, не вечные, поистратились, не собрать уж ожерелку-то. Вот и спрятала она дорогой Лукашин подарок в шкатулицу, и молчок.

Скорее всего, и по жизни старушка была не щедра на слово. В крестьянстве-то всегда полагалось: мол, праздные словеса — от праздной жизни. А какие уж, знамо дело, у вдовицы гулянки?

— Угу! — раздумчиво итожит Голубица, — почитала Варвара Апостола Павла, пуще других иных, как не почитать? Всё, бывало, ему вторила: «Слово ваше да будет всегда с благодатию».

А стена эта, заглавная, что на самом виду, — прям-таки иконостас! Весь род Смородинский на ней. Карточек — уйма. Приглядеться — так, будто бы и все на одно лицо. А как же! Ведь так на Руси и ведётся: высмотрит парень девушку, глядь, а она с ним и обличем схожа. А коли нет, за жистюшку долгую, хочешь не хочешь, всё одно притрутся (одни радости, одни заботы), станут схожи, друг с дружкой, словно бубенчики ландышевые. Дядьёв, тётушек, племяшей, кумовьёв да сватовьёв у Володьки — несчётно. Бога-а-атый!

— Кугу! Кугу! Все — нашенские! Кабы собрались, так и в горницу не поместить! Как Вовкина отца женили, столы-то — нате ж вам — на всё подворье развернули. Дак и тогда за два присеста, по очереди усаживались! Угу! — доносится откуда-то Ожерелкина подсказка (или Илье чудится?).

— Угу! Угу! — вторят рассевишиеся вдоль сенных перемётов белогрудые и сизоватые красавцы. Они то впархивают, то выпархивают в небольшое оконце под самой крышей. Голоса у них спокойные, мягкие. Толкуют себе о своём, житейском, покажется (если не особо прислушиваться): снова собрались многочисленные Варварины родичи и судят-рядят, когда покос начинать, какие нынче хлеба уродят, не поднять ли всей оравой (уж полхутора в Смородиных ходят) под озимые на суходоле поросший почечуй-травую клин?

Стёклышко то в сенцах выпало ещё в прошлом году, через день после Зимнего Николы. Ну, так и правду сказать, все Филипповки задували лютующие ветра, оно возьми, да и не удержишься, с маху — прямо в сугроб. Уцелело! (Кто-то по-хозяйски по весне, как вытаяло, подобрал его, да аккуратненько приставил к крылечной стенке. Наверное, Виктор, кому ж ещё-то? Приглядывает за избами, как не приглядывать? А чтоб какие залётные хутор не зорили, даже ружьишко прикупил).

По холодам голуби, разведав лазейку, проникли в старушкины сенцы да так в них и прижились. Видать, всё ещё не могут позабыть свою благодетельницу. Уж так гульки облюбовали эти сенцы, уж так они, разузоренные берёзовыми венниками, пучками пижмы и иван-чая, аниса и укропа, прищлись птицам по душе, что взгляни кто — не жильё это вовсе людское, а как есть, голубятня. Кажется, не будь притворена дверь в горницу, голуби, со всем своим многочисленным выводком, обосновались бы и в Варвариной комнатушке.

А уж как они обрадовались появлению в заброшенном обиталище нового жильца! Как же! Снова из дверей и окон горенки дохнуло людским, каким-никаким, а всё-таки уютом, снова по вечерам

ласковым светом млели оконца Варвариной избёнки, а по утрам приманивало их знакомое: «Гуля-гуля-гуля!» И из всё той же их любимой погнутой кружки золотыми дождинами брызгали на прикрыльечный пятачок лакомые конопелины.

Избёнка Варварина примостилась на одном из трёх алёхинских взгорий. Её накренившееся, было, крылечко Илья, как мог, подлатал, подстучал, заменил пару-тройку прогнивших на самом ходу половиц и теперь, кинув на лавку вязаный лет сорок назад рукастой хозяйкой «кружок», частенько обустроивался здесь.

Прямо за Варвариными мальвами, за задичалыми шарами лимонно-жёлтых гортензий открывался такой вид! Со всеми хуторскими горами и долами, длинноногими перелесками, с россыпью хрустких груздочков и туговатых боровиков, с рясными, кишачими краснопёркой прудками, с обрызганными перепёкшейся земляникой шалфейными откосами, с сосённиками, подпирающими своими кронами аж вторые небеса, с лесами-калинниками, с лесами-лещинниками, с лосиными чащобинами, с кабаньими дубравами, с валерьянниковыми торфяниками, и полями, полями, полями (уж чего-чего, а их-то здесь — непочатый край, куда ни кинь!) Оранжево, синё, лилово — у замороженного Ильи аж дух перехватывало!

— Вот отказался бы от Володькиного предложения, и уже никогда бы не посчастливилось увидеть этих промытых дождями, прожжённых солнцем серебристых изб на краю розоватой в предзакатном солнце берёзовой рощицы; этого просёлка, обсыпанного звёздочками небесного цикория, вдоль которого, того гляди, замукает, запылит, спустится на водопой к ближнему тинному прудку рябое хуторское стадо, пробегут ребятишки с кузовками первых сладких и нежных боровых сыроежек-попловушек, с низками розовощёкой, полуспелой земляники, пройдут тяжёлой поступью из полей обветренные, загорелые ещё с начала сева мужики и бабы — в который раз вспомнил Илья добрым словом своего друга.

— Кугу! Кугу! Да уж, конечно, куда вашим столицам до нашего-то хутора! — напыженно гулькнула Ожерелка.

— Но! Но! Ты не очень-то! — тут же нашёлся Илья, — не такие уж мы и столичные. Знаем и как лошадёнку запрячь, и как навильни подать. Помнится, в детстве, на Рязанщине, всё за батюшкой по луговинам мотался, Зорюхе на прокорм неудобья сшибали.

— Угу! Коровку содержать — на боку не лежать! — согласилась Голубица.

— Как же могло случиться, где ж мы дали маху-то? За какие великие грехи такое возмездие? Ошмыгнувшись, подрубили себя под корень, — и так, и эдак раскидывал умом писатель, — в местах исконно русских, благостных, Божьих, засохло древо жизни, вот он, Небесный Суд: не зыбают люльки в хороминах, не смотрят с печных лежанок мудрые глаза стариков, вечерами на завалинках не обкумекиваются завтрашние хлопоты, на подворьях в амбарах не жуют овсы уставшие коняги, не циркует о подойник дышащее Троицким цветастым разнотравьем парное, не звенят на обросившихся задворках литовки.

Даже не верится, что на такой край обрушилась нелепая погибель. Непостижимо ни умом, ни сердцем. Куда подевалось (и с Варвариного крылечка не видать, хоть взберись на высоченный серебристый тополь посреди хутора, всё одно — не видать) из опустевшего тырла когда-то несметное стадо альшанских бурёнок? В каком лесу заблудились, не вышли на просёлок с корзинками куманики знающие округу, как свои пять пальцев, пронырливые хуторские мальцы? В чьих краях, на чьих полях сеют и косят (и крестьянствуют ли вообще?) потомки мужиков, крестьян-богатырей, что распахивали, засеивали житом орловские пожни вдоль и поперёк, тех, что бугая валили наземь одним ударом, не с бухты-барахты прозванные за свою силушку орловскими дубинниками?.. Господи ты, Боже мой! Четыре души на такой хутор!

— Раз уж зашла речь, доложу по порядку: на восемьдесят семь домочков! Страм кому сказать! Ажни сердечушко зальдилось! Угу! — вздохнула многомудрая Ожерелка, — а поди, в Хлебосольное, загляни в Зареченки, да хотя бы и в ту же Степановку — вовсе никого, уж и избы порушились, угу! Будто бы и вовеки на их месте ничегошеньки не было: не жили, не любили, свадеб не играли, бабы детей не рожали, стариков в последний путь не провожали, к Престолу холодец не стряпали, на Пасху для куличей печки вишнёвым хмызником не протапливали, яйца луковой шелухой не красили.

У кого таперя защиты просить? Разбазарили хозяйства. Изо всех реестров деревушки постёрли, из всех бумаг повымарали. А там вскорости и просёлки — жилы крестьянские трудовые обрезались:

позарастали бурьяном да крапивою; поля, огороды, бахчи, что испокон веку у нас родили, как дай Бог каждой землице, сорным клёном, сосняком да борщевиком заполонились. Угу! Угу! Угу! — закусила, заворчала, не унять, старая Голубица.

2.

Спустя две недели, когда подьелись прихваченные городские запасы, писатель вспомнил о «подножном корме». Лесов-прудов в округе полно, а он ещё ни грибочка, ни пескарিকা не попробовал, всё крупа да консервы, консервы да крупа.

Правда, несколько раз заглядывали Светловы: сразу же, на второй день, как объявился он в Альшанках, по пути на косовицу, Виктор скинул с телеги у калитки мешок прошлогодней картошки, заходила и Наталья, поставила на крылечный порожек аляповатую кошёлку с гостинцами: яйцами да ещё горячей свойской ржаной ковригой. А в основном забегали по очереди мальчонки — процедит Наталья вечерошник и спровадит с бидоном своих русоволосых сынков, Кольку с Васяткой, к писателю Илье Фёдорычу в смородинскую избу, на другой конец хутора.

В Варваринном амбаре, да и вообще — на всём подворье, хоть уже полгода, как не касалась его хозяйская рука, порядок, оставленный заботной старушкой, так и не порушился. А потому грибную корзинку отыскать не составило никакого труда. Плетушки у Варвары висели рядком, по ранжиру: и ведёрная — побродить налегке по лесу, и промытая, сто раз прополосканная омутком, с резным пральником на донце — для белья, водилась и поболее — для картох, для антоновки. А самая громадная, хоботная — для сена-соломы, прямо кружевная, лё-огонькая-а! Из тончайшего приречного лозинника.

— Кугу-кугу! — прогуливаясь по крыше амбара, вставляет Ожарелка, — всё как надоть, что в чуланах, что в закутках, ведь хозяйство порядок любит! А уж он, родимай, и закрома бережёт! Так-то, милоч!

Илья ещё с вечера сговорился со Светловым Колькой: мол, зайдёт за ним с утра. Колян — пацанёнок презабавный. Возросший при взрослых делах, по-крестьянски рассудителен, эдакий мужичок с ноготок.

— И правда твоя, родненькай, к тому ж, не ведая грибных местечек, по здешним лесам бродить — зазря лапти бить, — дала добро Голубица.

Ещё издали писатель расслышал когот и гвалт у светловских ворот. Мальчишки спроваживали на пастьбу табун, десятков семь уже подросших, но ещё не оперившихся гусей. Гусыням явно не по нраву была необычная в их неусыпной заботе о малышне ребячья спешка. Гусенята-увальни, шарахаясь от лозинки, кувыркались, напирали, стараясь разом пробиться сквозь растопыренные ворота, забрались в палисад, истоптали Натальины левкой. Мамаши оборонялись, как могли, шипели, пытались дотянуться до босых мальчишских пяток, серчали, бранили гусака: мол, что ж ты за отец-то, коли не вступишься за мальву? Эх! Одно название!

— Сичас! Дядя Илья! Сичас! — засуетился Колька, — вот подмогну Васятке спровадить этих шешутных в Кривую балку, тут рядышком.

От крыльца навстречу писателю заторопился хозяин.

— Просим к столу! Не откажись, гость заезжий, от нашего хлеба-соли. Правда, у нас всё попросту, всё свойское.

Илья, было, заотнекивался, но, вспомнив, что всё равно минут пятнадцать-двадцать придётся дожидаться своего юного проводника, кивнул и, минуя крыльцо и сени, вступил в светловскую кухню.

— Нет-нет! — засуетился Виктор, — на верхи, на верхи пожалуйста, мы гостей, как водится, в горнице встречаем.

Поднялись по вздыхающей, ещё помнящей Колькино бесштанное детство, потемневшей, но начисто выскобленной лестнице в чистую половину избы, в широкую горницу. Она и впрямь была просторная, на крепкое семейство, с четырьмя лупастыми окнами.

На восточную сторону под хрусткими рушниками, как заведено праотцами, — образа. Куда же без них нашенскому мужику?.. Алым пятнышком — лампадка. От неё — радужный венчик. Из всех икон обращала на себя внимание, привораживала своими лучистыми глазами Казанская. Наталья не преминула заметить: «Ещё прабабушку ею благословляли... Когда-нибудь и дочь благословим», — и, скрестив руки на подпиравшем нос животе, ушла в кружевную шаль.

Кровать с вышитым подзором, подушки — под потолок, горка с посудой, платяной шкаф, у окна, на свету, столик с Натальиным рукоделием, на нём пальцы с вышивкой, короб с пёстрым мулине. Обеденный стол с длиннющей столешней, вдоль стен — лавки с резными ножками.

На столе — стопка дырчатых блинов, мёд, сметана, кубан утомлённого в печи, с толстущей золотистой пенкой, молока. «Что Бог послал!» — снова засмушалась, заугошала Наталья.

В летнюю пору, когда комната эта превращалась в светлицу, изразцовая печь её, слаженная, как и многое другое в этой, на века поставленной избе, году в пятнадцатом, ещё Викторовым дедом, отправлялась до Покрова на покой. А и то пора! Немудрено за долгие топкие месяцы и смориться. Эвон какие поленницы перетри, переработай! Хоть и пообносился, а не мог не привлечь внимание писателя и рисунок на её изразцах. Тут тебе и сказочные птицы, и диковинные животные, и кони с наездниками, а то и вовсе — жанровые сцены. Оказывается, изразцы эти дед-умелец сработал сам.

— И как у него только на всё хватало смётки? — то ли гордился, то ли хвастал прашуром Виктор. — Кафелины — точно самопальные, из местной, с Ванюшиной горки, глины. Я целое дознание провёл, удостоверился... Как-то, извековавшись, отпала одна плашечка. Я повертел-покрутил, пригляделся — обратная сторона-то у неё имела вид коробочки и крепилась по поверхности печи с помощью вделанных в кладку штырей. Я вообще-то, наверно, в деда Мартына, дотошный. Загорелся-а! Полистал какие надо книжки, обследовал старый образец (а чем моя смекалка хуже дедовской?) и попробовал, для начала, повторить.

Сквозь раскрытые окна, обвитые душистой каприфолью, из глиняных, фиолетово-бархатных от времени гнёзд, прилепившихся, словно виноградные гроздья, под полочками крыши, доносились возня и попискивание молодых ласточат. На подворье кудахтали и били крыльями курицы, драли глотки молодые петушки, время от времени степенно горланил старый, с красно-зелёным отливом в увесистой огненной короне, племенной петух.

Илья слушал и не слышал разговоры приветных хозяев. Как магнитом притягивал его Красный угол, из которого, чудилось ему, исходило благоухание. Словно облил его Горний свет. Казалось ему: где бы он ни стоял, ни сидел, за столом ли, у окошка ли, у изразцовой печи, приметя ли рассматривать Натальины вышивки, глаза Богородицы устремлены в его сторону, немного ввысь. Лицо повернуто к нему... Лицо как лицо, как у многих женщин. Но глаза!.. Познавшие великую вселенскую скорбь, но от того не ставшие безучастными, окутывающие каждого, без исключения, своим мягким, тёплым светом. О, этот взгляд! Всевидящий, всепонимающий, всезнающий и всепрощающий! Казалось, что смотрит Пречистая глазами своей души в самую твою душу.

Уста едва прикрыты, будто вот-вот они снова разомкнутся и со словами, слетевшими с уст Божьей Матери, снизойдёт благодать, утолятся мирские печали, а в душу прольётся покой...

Легчайшей ткани омофор... Подобные шёлковые платы накидывают у нас на голову или на плечи и простые, смертные женщины в Престол день, на Пасху, на Троицу. И платье на ней вроде бы обычное! Обычное, да не обычное!..

— О чём это ты, Илья Фёдорович, задумался? Или книгу новую обкумекиваешь? Всё помалкиваешь, — поинтересовался Виктор у гостя.

— Так дело наше писательское таковское — побольше думать, слушать, поменьше болтать, а то просыпятся мысли попусту, не собрать. Вот ты, Виктор, наверно, подумал: мол, я перед ним распинаюсь, а он где-то, в своих облаках витает. Напрасно, напрасно, дружище. Всё я слышу, всё улавливаю. Дело, конечно, ты задумал стоящее. Но и не из лёгких. Ну-ка наладь изразцовое производство!

А что ребята, товарищи твои, тебя поддержали, рискнули в заброшенной деревне обосноваться, семьи с насиженных мест не забоялись снять — тоже молодцы! Миром и батьку, как говорится, легче бить. Впятером — это не в одиночку! Целая артель у вас получится.

Призадумался же я оттого, что вспомнилось: как-то однажды посчастливилось мне побывать в Ростовском монастыре на Яблочный Спас, на Фестивале колокольной музыки. Прямо у ворот, обычное дело, лоточки, мастера торгуют своими сувенирами-изделиями и из дерева, и из соломки, да много всякого-разного. И прикупил я там несколько керамических изразцов с древнерусской символикой. Красотища — глаз не отвести! По сей день берегу. Сирин-птица, лев с открытой пастью, папороть-трава.

— А ты, Фёдорыч, после лесу, к вечеру зайди. Покажу тебе свой мини-заводец. Ребята только к Покрову обещались. А у меня-то руки чешутся, дай, думаю, до них спробую. Кое-что методом тыка освоил.

— Любопытно! Как не заглянуть? Обязательно буду, — пообещался Илья.

И в избе, даже отвернувшись от Божницы, и выйдя на подворье, да и потом нет-нет и вспомнит, нет-нет — и опять почудятся писателю пресветлые очи, ласковый, пронизательный взгляд Казанской Божьей Матери из светловской горницы.

Отмотали несчётно вёрст. По старым срокам оно вроде бы и пора, но хорошие грибы куда-то запропастились, нет, как не бывало. По совету Кольки, пришлось не побрезговать «мышинными». Этих — косой коси!

— Самое то, — уверял пацан Илью, опасливо рассматривающего очередную «поганку», — хоть в похлёбочку, хоть на жарёху. Сладкие-е!

А с берёзки, откуда ни возьмись, Ожерелка заподдакивала: мол, не фордыбачься, писатель, мальчонка — местной, все, как есть, грибы-ягоды перепробовал, чего зря не присоветует, малец-то — правильный! Ты слухай, слухай его! Умочком в отца-мать удался. Ангельская душечка!

— Без тебя есть не стану, так и знай! Приглашаю завтра на праздничный «мышинный» обед, — сомневаясь в съедобности широкошляпистых, подшучивал над мальчишкой Илья.

На обратном пути, когда Колька исподволь уже и охапку купальниц «для мамки» надрал, проголодавшись, завернули на отцовское гороховое поле. Поле, не поле, но клинушек знатный. При Викторových задумках трудновато ему будет вести хозяйство с эдаким размахом. Что-то, а всё-таки придётся подсократить, где-то подужаться.

Хоть, откуда ни возьмись, и припустил сквозь солнце дождик, надрали хрустких стручков, набили ими карманы. Колька припас и за пазухой.

— Своим. Васятка любит — прямо со стручками трескает... И мамке с Алёнкой надо... Витамины!

— А почему ты думаешь, что у вас с Васяткой появится непременно сестрёнка?

— Так маме ж доктор пообещал наиточнее. А то кого ж она станет учить шить-вышивать? Мы-то с Васей — мужики, папкины помощники... Над сестричкиным именем уже полгода кумекаем. Пока остановились на Алёнке.

— И будет у Алёнушки два братца — Николка и Васятка, — повернул на сказочный лад Илья.

3.

Уж как обрадовался Виктор прилежному, терпеливому слушателю — и не передать. Илья и впрямь помалкивал, встревал лишь изредка, и то только для того, чтобы его не сочли окончательным молчуном. Хотя... Виктор рассказывал взахлёб, и поневоле Фёдорычу пришлось познать азы его замудрёнистого дела.

Вот, к примеру, Илья ведь особо не приглядывался, а оказывается, кафелины-то бывают разные. Аж пять разновидностей. Плоские — для установки на ровных поверхностях, карнизные — для оформления порталов над карнизами, цокольные — те, что размещаются между полом и последним рядом плоских плиток. Имеются и угловые — для укладки на угол. И наконец, фасонные — с их помощью декорируются углы.

— Первые-то изразцы появились на Руси ещё в XI веке. Но во время монгольского нашествия, сам знаешь, Фёдорыч, — сел на своего конька Виктор, — русская культура и ремёсла пришли в упадок, в том числе исчезло искусство изразца и возобновилось лишь в XV—XVI веках.

— Хоть я и не великий знаток в эдаком деле, но и я понимаю, что без печи, к тому же специальной, тебе никак не обойтись, — писатель попытался вставить словцо, показать, что и он не лыком шит.

— Вот ждал я твой вопрос, Фёдорыч, — лукаво улыбнулся Виктор, засмаковал, — и не надо глубоко вникать в суть — каждый, более-менее кумекающий мужик, понимает: о керамике без печи мощностью в тысячу градусов и толковать не след.

— Ну, и где ж ты печурку такую откопал? — не без интереса полюбопытствовал Илья.

— Дорогой ты мой! — со знанием дела заявил мастер, — при желании можно и гончарный круг из стиральной машинки забавать.

— Эко ты, брат, махнул! — засомневался, подзадоривая Виктора собеседник.

— Без брехни! Стану я тебе лапшу на уши вешать!

И писатель выслушал увлекательную лекцию-рекомендацию на тему: «Как из ничего сделать конфетку».

— Первым делом нужно подобрать корпус для будущей печи. Оглянись по сторонам, и если где-нибудь на свалке, и, правда, обнаружишь старую стиральную машинку, а точнее то, что от неё осталось, тащи домой. Кстати, жена утверждает, что бельё, выстиранное руками, да отбитое пральником на камушке, куда как больше ей по душе.

Но продолжим! Размер корпуса, приблизительно полметра ширина и длина, высота — немного меньше метра. Ну вот. Металлическая коробка есть. Нужны огнеупорные плиты. Эти штуконины дорожные. Я опять пораскинул умом: а почему бы не заменить их шамотным огнеупорным кирпичом? Ведь из него обычно кладут каминь. Кирпичи, заметь, подгонять надо плотнёхонько! Даже печная дверца, и та должна быть из кирпича.

— А электрика? — опять показал свою осведомлённость Илья.

— А что электрика? Чуток поколдовал, пристроил нагревательные спирали.

— И ты скажешь, что в эдакой печурке можно обжигать изразцы?

— А ты, Фёдорыч, поперёк батыки в пекло не лезь. Готовую печь ещё месяца два надобно сушить. И потом с острасткой включать.

— Да ты ни дать ни взять — Левша! — похвалил мастера писатель.

— Есть маленько, — не без гордости подытожил рассказ о печке Виктор.

Илье так захотелось попробовать своими руками сработать, ну хоть одну кафелинку, и он уломал Виктора через пару дней, когда тот скопнит за Кривой балкой сено (писатель вызвался даже помочь). Так уж и быть, покусесничают, благо глина у мастера всегда рядом, до Ванюшина бугра — рукой подать.

Оказалось, что изготовление изразцовой плитки не такой швидкое дело, как предполагал Илья.

Перво-наперво куски глины размешивают на деревянном настиле и высушивают. А для того нужна ясная и тёплая погода. Как назло три дня свирепствовал проливенный ливень. Правда, как только поуспокоилось, взыграло такое солнце, ну не загнать его восвояси до самых первых звёзд. Уж и спать приспичит, а оно не сходит с неба и не сходит, и ничего с ним не поделаешь.

А мужикам то и на руку! Подгрести они сухие комья и — в толстостенный ящик. Да давай разбивать трамбовкой.

— Баста! — объявил Виктор, пощупав глиняную пыль, — порошок что надо! Но всё-таки, чтоб совесть не мучила, надо по всем правилам — просеем через мелкое сито — чтоб ни камушков, ни щепок.

Самая же увлекательная работа началась дальше. Конечно, плитка могла бы быть с гладкой поверхностью. Но хотелось с рельефным рисунком, хоть с какой-никакой закорючкой, а на такое изделие и усилий и старания уходит куда больше.

Илья, как прилежный ученик, повторял шаг в шаг за мастером: глиняный комок расплющили в лепёшку, придали форму — края обрезали ножом, выровняли поверхность металлической линейкой.

У Виктора под рукой оказался альбом с рисунками для изразцов. Полистали, выбрали покренделястей и острыми стеками нанесли на подготовленную поверхность.

А потом, вспомнив, как когда-то в детстве из пластилина будущий писатель катал «колбаски», Илья заготовил тонкие глиняные валики и, выложив их вдоль линий рисунка, принялся заполнять внутреннее пространство.

— Ну, Фёдорыч, ну, молодчага! Будто всю жизнь только этим и занимался! — подбадривал Илью Виктор, помогая ему выгладить рельеф влажной тряпичей.

Когда дело дошло до гипсовой формы, оказалось, что и её Виктор изготовил сам. Аккуратно, слой за слоем заполнили форму, выровняли её правильцем, ножом нанесли насечки в форме квадрата.

— А по этому квадрату выкладываются глиняные бруски в форме ящичка-румпы, — Илья, увлечшись, казалось, позабыл о времени, внимательно слушал наставления Виктора, — осталось самое малое — высверлить отверстия для проволоки. И дожидаться, когда изразец подсохнет. Вот тогда и вынимать из формы.

Только через пять суток приступили подружившиеся за работой Виктор и Фёдорыч за обжиг. За это время чего они только не успели натворить в Светловском обширном хозяйстве! Илья для семьи этой стал совсем своим. Но на ночь обязательно уходил в Смородинскую избу, посыпать конопелек голубям, обмыться-обстираться.

— А и правильно! Нечего порог свой забывать. Изба-то теперь на твоём попечении аль нет? Угу? Вот тот-то! — долбила дятлом, прилетала за ним, манила до дому Ожерелка.

Обжигали плитку в самодельной Викторовой печи часа четыре, и, чтобы не заморачиваться, не стали вынимать, пока печь не остынет совсем. Изразцы пропитали (аж три раза!) олифой и высушили вновь.

А потом собрались все Светловы. Расписывали масляными красками. Все хором. Наталья — великая затейница, глаз на рукоделье отточен, помогла мужикам такую красоту навести! Куда там! А в заключение покрыли изразцы ещё и масляным лаком. Любуйся народ честной — получилось не хуже купленных, ярославских.

4.

Илье давным-давно пора было возвращаться, а он всё оттягивал отъезд и оттягивал, до последнего. Мужики когда ещё приедут! Хотелось хоть чуть-чуть помочь Виктору на стройке.

— Подсоби, милай, ему, подсоби! Итак ведь по свойству своей души Витька-то тянуть kota за хвост не любит, живёт взахлёб. Уж поусердствуй. Когда-нибудь, попомни, Господь позаботится, зачтётся тебе, — осаждала и Голубица, — видать, тоже с Ильей сроднилась, не хотела его отпустить.

Храм — обетный. Стены задумал Виктор возвести к рождению дочери. Да и приедут люди, а тут всё имеется — и жильё — пустых дворов несчётно — заходи и живи, и, что немаловажно — хоть крошечная, но церковка. Укрепят мост со Спасителем, а уж с Божьей помощью чего не сдюжат?!

Каждое утро по росной хрупке (как-то раз засучил рукава, да так и остался у Виктора в подмастерьях), управившись с пернатым хозяйством, Илья спускался в ложбинку и, пробравшись поречьем, чуть приметной стёжкой, сквозь вымахавшие в человеческий рост валерианники, высоченные цветы береговой медуницы, сквозь цеплючие одолени и ярко-жёлтые куриные слепотушки выбирался на просёлок, наглухо заросший подорожником.

Когда-то, веками, здесь цокала, громыхала телегами, пылила, гужевала грузовиками и тракторами, топталась, месилась кирзачами и босыми пятками ладная, позарез необходимая крестьянину дорога, выводящая на большак. Ходить по ней некому почитай лет уже с десятков.

В такую глушь редко кто заглядывает. Полно тут мест и вовсе непроходимых. В округе не то что торных путей, даже мало-мальских тропинок почти не осталось. А посему и на звание «просёлок» дорога эта уже не тянула, так: тропа — не тропа, стёжка — не стёжка...

Стояло красное вёдро. Заря обняла полнеба, когда Илья поспешал на стройку. По обочине малинику дикого — пропасть! В переспелых покосах неумоимо звенели кузнечики. Обдавало медовыми травами, разными цветами, воздух от того был свежий, душистый, хоть пей! Хрустально трепеща крылышками корогодились лимонницы, осаждая лиловые венчики каких-то, неведомых Илье диковинных бутонов. Изумрудными шарами-глазищами тарацились, замирая в воздухе, тёмно-синие стрекозы. На все лады, то хором, то вразнобой вызванивали свои акафисты Создателю малые птахи.

И Горлинка, конечно, тоже тут, только глаза Ильи к макушкам деревьев поднимет, а она: «Аюшки! Вот она я». Наладилась с Ильёй беседы беседовать, разговоры разговаривать, будто без них уж и житья ей нет, так и не смолкала, красоты местные перебирала.

— Э-эх! Благодать-то, благодать, — осматривался Илья. — А что? — уже не понарошку подумывал он, — съезжу за своей Петровной, чем чёрт не шутит? А вдруг сговорю? На кой нам ихние Турции да Египты? Взять и навовсе осесть бы тут. Подберу избу покрепче... да и Варварина — в самый раз... А коли жене простору захочется, можно подтянуть на подворье любую другую избу. Живи себе всласть! — размечтался Илья, пути-дороги всегда на размышления подталкивают.

Деревянное зодчество — наука не из простецких, секреты, приёмы её накапливались столетиями. В первую очередь, как повелось у нас исстари, мастера благодарили Господа и Святую Богородицу за великую радость отстраивать храм.

Виктор взялся за это, может, самое наиважнейшее дело своей жизни, с необычайным трепетом. Ведь мечта об изразцовом заводе — забота о хлебе насущном, о своём потомстве, о родной плоти и крови. А здесь — забота о душе, а значит, о Вечном. Потому и строить церковь, не сомневался он, должен человек истинно православный, с душой, полной веры.

— Возведение храма, — мыслил Виктор, — подобно написанию иконы, которое есть деятельная молитва Богу. А молитва, как известно, не терпит суеты и торопливости, а тем более — рассеянности и лицемерия.

Одним словом, Виктор, как и к любому делу, а уж к этому подавно, подошёл серьёзно. Даже побывал в Кижях. Заразился-а! Подготовился, потолковал с маститыми плотниками (он и сам работал когда-то не один год в плотницкой бригаде, топор из рук не выпадет). Обложившись книжками по старинному церковному зодчеству, выяснил, что деревянные храмы, в отличие от каменных, дают осадку на метры! Могут прогнуться балки или что иное приключится. Дерево есть дерево. Такие превращения для него естественны.

— Задача мастера в том и состоит, — растолковывал Виктор писателю, — всё учесть, предвидеть и искусно выполнить свою работу так, чтобы душа радовалась красоте церкви сотни лет. Пишут же, мол, в Норвегии существует самый древний христианский храм. А возведён он ещё в 920 году от Рождества Христова!

— В какой же срок обычно ставятся такие вот небольшие церкви? — не преминул поинтересоваться Илья.

— Это как дело заспорится. Если всё заладится, то на строительство деревянной части классического храма «клетьского» типа с деревянной же кровлей, как этот, при хороших работниках, уходит месяцев девять. Правда, года два-три, уже когда и здание будет готово, в нём ещё придётся проводить всяческие важные работы.

— И как у тебя всё это в голове укладывается, мил человек? Да-а-а, ума тебе не занимать! — подивился Илья.

— А чему тут укладываться-то? Всё проще пареной репы, — улыбнулся альшанский Левша. — Прошло полгода — надо кровлю вскрыть и стены пропитать восковым взваром, ещё полгода — «перетянуть» полы, проконопатить стены. Да мало ли ещё какой работы по мелочи найдётся. Вообще-то, процесс осадки будет идти лет пять. Надо быть готовым изначально к тому, что церковь невозможно построить за один раз и мастеру больше делать нечего.

— Не раз видел я: храм не достроен, холодно в нём, а для прихожан вход уже открыт.

— И правильно. Службы могут, да и должны уже проводиться. А что первые пару лет прохладно, так это оттого, что сразу его не конопатят, года эдак через два.

Так за разговорами, помаленьку поднимались церковные стены. Уже и с дальнего края Альшанки можно было разглядеть на Красной горе взмывший над березняком солнечно-медовый сруб.

И была у плотников самая важная задумка — «раскрыть» дерево так, чтобы церквушка красотой своей, словно магнитом, притягивала к себе и верующих, и неверующих. А для этого, да ещё, чтобы получилось всё ладно и благолепно, она и построена должна быть с соблюдением всех «Божьих» мер, по всем Небесным канонам.

— С батюшкой из райцентра я договорился, — прояснил Виктор, — пока не пришлют для нас священника, пообещал приехать. Вот для него-то задача посложней нашей будет — помочь человеку раскрыть свою душу Богу и воцерквиться.

— А как же с внутренним убранством?

— Не всё сразу. Не всё сразу. Руки-то одни... Да и денег бы... С хозяйства все на храм идут. А скоро ребятишкам в школу... Обуть, одеть... учебники, то да сё... Но иконы знакомый художник написать пообещал. Приезжал тут как-то, гостевал. Дело своё знает! Осень нашу золотую писал. Обещался... А с такими обещаниями не шутят. Жду... Недели через три, звонил, подъедет.

5.

С верхотуры видать далеко! Ещё Колька с Васяткой и полпути не осилили, а Виктор их заприметил. Воткнул с маху топор в бревно, заполошился, начал спускаться.

— Мои бегут! Видать, что-то дома неладно! Что ж там стряслось-то? Ай, с Натальей что?!

— А срок-то когда? — смекнул Илья.

— Дожидались дней через десять, не раньше... Говорил же ей: не подымай ведёрки с удоем! Разве ж она послушает? Ну, ни граммочки не внемлет! Вот что теперь делать, скажи ты мне на милость? — не сдержался Виктор и кинулся навстречу ребятишкам.

— Папка! Папка! Мама Алёнушку родила! — неслось над округой.

— Роди-ила-а! — радостно вторило Николке и Васятке переливчатое эхо.

— Как родила? Когда родила? — горячась, задохнулся от счастья, прямо не в своей тарелке, Вик-

тор. — Что ж вы её одну-то оставили, неслухи? Я ж вам как наказывал: глаз с матери не спускать, со двора ни шагу! Может, ей чего понадобится?

— Да поспешайте уже, поспешайте! — Илья поднял глаза, купола в храме ещё не было. На голубом небесном омофоре белым опереньем блеснула Ожерелка.

— Мы и так весь день дома, огурцы собирали, изнылись от скукотищи, — обиделись, было, мальчишки. Но тут же наперебой стали рассказывать, какие крошечные у сестрёнки глазки, носик, ручки-ножки. — А мама вовсе и не одна, заметил, между прочим, Николка, — с ней тётенька осталась.

— Какая такая тётенька? Откуда она взялась? Нагородили семь вёрст до небес и всё — лесом, — снова разволновался, поднял тарарам Виктор.

— Не знаем! — попали впросак, опешили мальцы. — Объявилась, как мама заохала.

— Так, быстро! По коням! — скомандовал Виктор, спешно выводя из кустов «Урал».

Не катили, а летели по распотевшей от солнца луговине! А всё равно казалось, что время тянется, тянется, ну резиновое, да и только. Но вот, наконец, вырулили на околицу. А от неё до Светловых рукой подать.

Из калитки вышла женщина. Поджидая хозяина, приостановилась под вступающей в спелость рябиной. На вид женщине этой лет пятьдесят, не более. Опрятная, на голове светлый ситцевый платочек, в повязку, как обычно носят у нас в летнюю страду. Женщина как женщина, ничего особенного. Таковую встретишь на любом нашем подворье. Вроде и знакомая Виктору, вроде и нет.

— Где-то... Где-то я её уже видел, — подумалось Илье.

— Ну, я пошла! Ох, загостилась я у вас. Недосуг мне! А ты, папаша, за фельшаром-то поезжай. Хоть и всё обошлось благополучно, всё ж таки поезжай, не мешкай!

И снова эти глаза, излучающие вселенскую нежность! «Где же я их видел, — перебирал в памяти Илья. — Ах, да! Что это я совсем? Так на карточке же в Варвариной хате!.. Быть этого не может!» С потускневшей карточки в избе Смородиных лучились глаза женщины, принявшей Викторову дочурку! «Где же ещё-то видел я эти глаза... полные сочувствия, света, доброты и ласки, которые, незримо прикасаясь к душе любого, источают благодать?.. Да здесь же! — задохнулся он от догадки, — в горнице у Светловых... Глаза Божьей Матери!» Выплакавшие безграничное материнское горе, выстрадавшие великую общечеловеческую утрату и, несмотря на все страдания, глаза эти — само утешение, всепрощение.

— Угу! Угу!

Виктор влетел по крылечным порожкам в избу, кинулся, разгорячённый, балда балдой, к жене и младенчику. Но, спохватившись, радостный и счастливый, уже мчал на всех газах. Не петляя, взял ложиной вдоль светло-русого орешника, напрямки, через разлив молочаев и калужниц, в сторону райцентра.

Через неделю Илья Фёдорович возвращался в Москву. За женой. Сами собой в его походный блокнот потекли строчки. Кажется, он их даже намурлыкивал, напевал:

Где-то за Окою
Палисад с рябинами.
Где-то за Окою
Пыльный след в степи.
Бор глухой на взгорье,
Сосенки былинные.
Яхонтами рдеют
У дорог репы.

Следом за Окою
Ветрено-кленовая
Рысью мчится осень,
Ускоряя шаг.

Над рекой Окою
Сброшенной подковою
Месяц покатился
На небесный шлях.

Слышишь: за Окою
С колокольной звонницы
Благовест растаял
В предрассветный час.
За рекой Окою
Матерь Богородица
В церкви у просёлка
Молится о нас.

Орловские берега

Андрей Фролов

Андрей Владимирович Фролов родился 22 февраля 1965 года в Орле. Автор четырёх книг стихотворений и сборника рассказов. Стихи и рассказы публиковались в альманахах «Поэзия», «Невский альманах», журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Форум», «Простор», «Родная Ладога», «Молодая гвардия», «Литературный Омск», «Огни Кузбасса», «Подъём», «Волга. XXI век», «Бийский вестник» и др. Произведения включены в антологию современной литературы «Наше время» (Москва — Нижний Новгород, 2009, 2010) и антологию «Русская поэзия. XXI век» (Москва, 2010). Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды» (2009), «Белуха» им. Г.Д. Гребенникова (2014), международных и всероссийских поэтических конкурсов. Председатель правления Орловской областной организации Союза писателей России.

Пироги

В доме пахнет пирогами.
В доме чисто вымыт пол.
Я давно хожу кругами,
Глядя искоса на стол.

Там укутан в покрывало
Хлопотливый мамин труд.
Уходя, она сказала:
— Не таскайте,
пусть дойдут...

Но какой же запах вкусный!
И с самим собой в борьбе,
Я тащу: сестре — с капустой,
С мясом — папе и себе...

Мама громко нас ругает,
Отводя смешливый взгляд.
Если пахнет пирогами,
Значит в доме мир и лад!

Ворожея

Ходили слухи: бабка — ведьма,
Мол, ей и сглазить — плюнуть раз.
Давно пора ей помереть бы,
Да ведьмам слухи — не указ.

Вот и жила неторопливо,
Мирясь со злобой языков,

И взглядом жгучее крапивы
Стегала души земляков.

Скупа на ласковое слово,
Копной волос белым бела
И подозрительно здорова...
До той поры, как померла.

С кончиной каверзной старухи
Утихомирлась молва...
А на девятый день округе
Хватать не стало волшебства.

* * *

Линялый август...
Встать до солнца,
Когда ещё в ознобе сад,
И пересуды у колодца
Вчерашние ещё висят;
Набросив — так, на всякий случай, —
На плечи дедовский бушлат,
Хрустя антоновкой пахучей,
Пробраться мимо спящих хат
За край села, где по-над лугом
Туман раскинулся ковром;
Брести в нём, влажном и упругом,
На колокольчики коров;
Ступить в дымящуюся реку
И плыть заре наперерез...
Каких же нужно человеку,
Помимо этого, чудес?

Хозяйка яблоневого сада

Много яблок по деревне.
Только знают пацаны,
Что у бабушки Андревны —
Просто диво, как вкусны!

И поэтому, наверно,
Успевает только треть
Урожая у Андревны
Окончательно созреть.

Шибко сердится Андревна —
Мол, коту под хвост труды, —
Собирая на варенье
Уцелевшие плоды.

И который год, не знаю,
Всё страшит пацанву:
— Вот уж, кого споймаю —
Ухи-т начисто сорву!..

А потом вздыхает глухо
И, беседуя со мной,
Говорит:
— Дурна старуха —
Нешто слопать всё одной?

Сторож

Десять лет колхоза нету,
Сад давно уже ничей.
Сторож ходит до рассвета,
Он привык не спать ночей.

В ширину — шагов сто двадцать,
Двести семьдесят — в длину.
Он не может отвлекаться
На бездельницу луну.

Перекурит за избушкой,
Пристегнув себя к ружью,
И пугает колотушкой
Тень горбатую свою.

* * *

В период коротких закатов
Кусается злее недуг.
Туман под деревьями матов,
А воздух холодный — упруг.

Ночная тревожная птица
Клянёт ледяную росу...
И очень легко заблудиться
В себе, как в дремучем лесу.

* * *

Всю-то жизнь мой отец слесарил,
Почитая свой труд за честь.
Под руками его плясали
Все металлы, что в мире есть.
Размечал заготовки, резал
И паял, и клепал — за грош.
И шутил:
— Я тебе из железа
Чёрта сделаю, если хошь...

А теперь, как его не стало,
Прихожу я с вопросом:
— Бать,
Из какого, скажи, металла
Мне для сердца броню склепать?
Слишком много на нём отметин —
Так болит, что уж мочи нет...

Прошуршал над погостом ветер
И принёс мне отцов ответ:
— Ты, сынок, только с виду умный,
А на деле — совсем дурак.
Тех, кто ходит с плитой чугуновой
Вместо сердца, полно и так.
Ты подумай-ка головою:
С железякой в груди ты б смог?
А болит... Знать, оно живое,
И ты этим гордись, сынок...

Репей

Под небом пыльным и сухим,
Меж двух сквозных степей,
Живет адептом строгих схим,
Отшельником репей.

От зноя жилист он и чёрн,
Тревожен, как беда.
Корнями в выветренный дёрн
Вцепился навсегда.

Когда тебе у той черты
Случится проходить,
Не пожалей глотка воды
И дай ему попить.

Посох

В зоревых, тяжёлых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.
Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
— Бродит в поисках опоры,
Твёрдой, праведной руки...

Храм

Храм родился тяжело,
Туже истины.
Собиралось всё село
Возле пристани.

И стучали молотки
Лето целое.
Поднималось у реки
Чудо белое.

В небеса взметнулся крест
Ярким всполохом.
Долгожданный Благовест
Грянул колокол!

Воскресенье

Висели дома на высоких дымах —
Отчаянно печи чадили в домах,
И в каждой четвёртой по счёту печи
Румянили к Пасхе бока куличи.
Клубился ванильный над крышами дух,
Творились молитвы устами старух,
И вздох колокольный летел до небес,
И верили люди:
— Спаситель воскрес!..

Набат

Даже глухие его услышали.
Даже немые вскричали в ответ...
Он разрастался, уже не стихая,
Мощной волною врывался в рассвет!

В небе клубился и падал отвесно,
Людам до крови сжимал кулаки.
Волей своей заострял повсеместно
Вилы и косы, и просто штыки.

Гулкий,
тревожный,
надрывный,
натужный,
Как предвещение близкой беды...
Даже безрукие взяли оружие.
Даже безногие стали в ряды.

Видение

В котомке квас да мятный пряник,
Большою думой светел лик —
В моей отчизне каждый странник
В своём убожестве велик.

Пряма, как лезвие, дорога.
Бела, как помыслы, луна.
Спокойно спит моя страна,
В своём величии убога.

Со старины привычна к боли,
К обилью жертвенных кровей...
Обрывки снов пасутся в поле,
Их караулит соловей.

* * *

Родина любимей не становится
С добавленьем прожитых годов.
По моей судьбе промчалась конница —
Глубоки отметины подков.
Выбоины тотчас же наполнила
Светлая небесная слеза.
Сердце от рождения запомнило
Родины усталые глаза,
Спрятанную в сумерках околицу
И дымки лохматые над ней...
Родина любимей не становится,
Родина становится нужней.

* * *

Кажется, я не умру никогда...
Речка дымится над вспаханным полем.
Вслед отступающим страхам и болям
Смотрит насмешливо с неба звезда.
Ей говорю: «Не меня сохрани,
Но береги без конца, год за годом
Тех, кто с моим невесёлым уходом
Могут пред миром остаться одни...»
Сорванный лист устремлён в никуда —
То ли падение, то ли паренье.
Дочка вишнёвое варит варенье...
Кажется, я не умру никогда.

Орловские берега

Алексей Кондратенко

Алексей Иванович Кондратенко родился в 1964 году в Воронеже. Работал журналистом в областной газете, на радио, в пресс-службе администрации Орловской области, кандидат политических наук.

В 1995—2005 гг. был главным редактором историко-просветительского журнала «Истории русской провинции». Произведения публиковались в «Литературной газете», в журналах «Наши современники», «Роман-журнал XXI век», «Форум», «Родная Ладога», «Бежин луг», «Сельская новь», «Подъём», «Час России», «Десна» и др. Автор книг «Земное поле» (1994), «Время странствий: эпохи и судьбы» (1997), «Жизнь Ростопчина» (2002), «Н.Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа»» (2005), «Два века как один день. Страницы истории орловской журналистики XIX—XX вв.» (2008), «Свет далёких звёзд» (2011) и др. Лауреат всероссийских литературных премий «Вешние воды» (2009), имени Н.М. Карамзина «За Отечествоведение» (2012), лауреат премии имени А.Г. Кузьмина журнала «Наши современники» в но-

минации «Молодые историки и публицисты» (2010). В настоящее время — заместитель директора Орловского Дома литераторов. Член правления областной организации Союза писателей России, главный редактор альманаха «Орёл литературный».

Русское сердце

Николай Александрович Мельгунов принадлежал к интеллектуальной элите России середины XIX века, был дружен с Александром Сергеевичем Пушкиным и Дмитрием Веневитиновым, Михаилом Глинкой и Тимофеем Грановским. объехал всю Европу, но никогда не забывал о малой родине — даже имя себе в литературе взял Николай Ливенский. Мельгунов был уроженцем того самого уездного предстепья, откуда родом философы Николай Данилевский и Сергей Булгаков, градоначальник Москвы 1812 года Фёдор Ростопчин, многие другие выдающиеся люди России...

Мельгунов родился в 1804 году в селе Петровское Орловской губернии (ныне это Измалковский район Липецкой области). Его предки всегда подчёркивали, что их род стародворянский и происходит от польского благородного выходца Яна Мингалова (Минигалова), который выехал в Москву при Василии Тёмном или в начале княжения Ивана III. Скорее всего, это была просто красивая легенда. Если заглянуть в словарь В. Даля, то легко найти значение слова «мельгун»: так южнее Москвы в народе издавна называли... повесу, охотника за женской симпатией. Видимо, далёкий предок будущего литератора славился похождениями ничуть не меньше, чем иной средневековый кавалер.

С конца XVI века Мельгуновы были уже на службе и «в пожаловании». При Екатерине II они получили герб с медведем. Отец Николая, отставной майор, владел в Орловской губернии большим имением в 300 душ.

С семилетнего возраста Николай имел гувернёра-швейцарца и русского учителя. Когда семья переехала в Харьков, воспитанием юного отпрыска руководили известный поклонник идей Ж.-Ж. Руссо швейцарец И.-Ф. Вернет и издатель журнала «Украинский вестник» Р.Т. Гонорский. Мельгунов рос в университетской атмосфере, причём любопытно то, что университет в Харькове был создан стараниями масонов. К харьковской ложе «Умирающий сфинкс» принадлежал и попечитель Харьковского университета и учебного округа З.Я. Карнеев — близкий друг семьи Мельгуновых. Не отсюда ли интерес будущего литератора к фантастическим сюжетам, к мистике?

В ранние годы начался путь в литературу. В январской книжке «Украинского вестника» за 1818 год был напечатан перевод с французского прозы Сен-Шера «Приближение весны» с указанием имени переводчика — Николай Мельгунов. Но ему не суждено было стать студентом Харьковского университета. В тот же год он, по совету Карнеева, поступил в только что открывшийся пансион при Педагогическом институте в Петербурге. Здесь его учителями были К.И. Арсеньев (в скором будущем стал преподавать историю наследнику престола великому князю Александру Николаевичу), А.П. Куницын (один из педагогов пушкинского лицея), В.К. Кюхельбекер. В числе ближайших товарищей Мельгунова по пансиону — М.И. Глинка, а также Л.С. Пушкин, С.А. Соболевский... Тонкий наблюдатель и зоркий мемуарист Б.Н. Чичерин вспоминал с сожалением: «Даже лучшие его приятели говорили о нём всегда с некоторой иронией. Во всём его существе была некоторая медленность, неуклюжесть и тяжеловатость, которые для посторонних заслоняли его прекрасные качества и делали его малопривлекательным в обществе».

Огромное впечатление в юные годы на Мельгунова произвело большое путешествие по Европе. Вернувшись в Россию, в 1825 году он поступает на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел. В разряд «архивных юношей» одновременно с Мельгуновым попали Иван Киреевский, Дмитрий Веневитинов, Сергей Мальцов, двое князей Мещерских и ещё несколько человек. Им поручили разбор и опись старомосковских рукописных столбцов — занятие, что и говорить, унылое.

Кто хоть однажды гулял по старинным московским улочкам в окрестностях Китай-города, тот обязательно обращал внимание на довольно унылое длинное, растянувшееся едва ли не на полквартала, двухэтажное здание на Ивановской горке Белого города. То ли казарма, то ли арсенал, то ли древний терем с окнами-бойницами... Именно здесь, в старинных палатах, некогда принадлежавших дипломату времён Петра Великого думному дьяку Емельяну Украинцеву, с 1770 года располагался архив Коллегии иностранных дел — чиновников тех времён привлекло в первую очередь то, что соседние дома располагались отсюда вдалеке, а это уберегало кипы документов от угрозы пожаров. Один остроумец съязвил: «Ничего нельзя было приискать безопаснее и приличнее сего старинного шкапа с железными дверьми, ставнями и кровлей». И такому каземату суждено было стать колыбелью русской философии XIX века. Что за странные символы встречаешь порой в отечественной истории!

Архивное начальство вошло в положение новичков и требовало являться на службу только по понедельникам и четвергам. Но и этого времени для жизнерадостной молодёжи было достаточно, чтобы среди залежей манускриптов бурно обсуждать темы современные и исторические, а когда разговоры приелись, «любомудры» взялись за сочинение сказок. К тому же писали их сообща — каждый не более двух страниц, а в складчину получалось презабавно!

Так постепенно образовались два общества (или, как их называли проще, два кружка): одно во главе с педагогом и переводчиком Семёном Раичем, другое, тайное, — во главе с Дмитрием Веневитиновым (впоследствии «Общество любомудрия», а затем круг авторов журнала «Московский вестник»).

По словам участника тех событий А.И. Кошелева, Мельгунов был «главным деятельным участником» веневитиновского кружка, существовавшего до 1828 года. Был вхож Мельгунов и в кружок Герцена. Огромное воздействие на его взгляды оказал Чаадаев, с которым начинающий литератор дружил с юности на протяжении всей жизни.

Дом Мельгуновых становится одним из центров культурной жизни Москвы: здесь временами жил М. Глинка, бывал А. Алябьев, нелегально приезжавший в Первопрестольную из сибирской ссылки. С годами завязывается дружба с Жуковским, Белинским, Гоголем, многими другими известными людьми.

А знакомство Александра Сергеевича Пушкина с Мельгуновым началось, по-видимому, ещё во время посещения поэтом брата в петербургском пансионе. 16 сентября 1826 года Пушкин, Мельгунов, Соболевский и Погодин приехали на Девичье поле в Москве, где участвовали в большом народном гулянье. 29 апреля 1830 года Пушкин был с Мельгуновым и другими приятелями на новоселье у М.П. Погодина, где они написали коллективное письмо С.П. Шевырёву в Италию. Вместе с тем же Шевыревым, а также с В.П. Титовым Мельгунов переводит книгу В.Г. Вакенродера «Об искусстве и художниках. Размышления отшельника, любителя изящного», послужившую эстетическим манифестом нового направления.

Парадоксально, но к творчеству своего доброго знакомого Александра Пушкина Мельгунов относился весьма требовательно и даже критически. Так, историк литературы А.И. Кирпичников обнаружил, что в письмах к Шевырёву (1831—1832 гг.) Мельгунов выражал свою неудовлетворённость поэзией Пушкина, критикуя драму «Борис Годунов» в целом и политические стихи («Клеветникам России», «Бородинская годовщина»). Эти оценки в значительной мере отражали идейное и эстетическое размежевание между Пушкиным и кружком «Московского вестника». Мельгунов увидел в «любомудрах» новую школу поэзии, идущую на смену пушкинской («Пора Пушкина прошла»; «На него не только проходит мода, но он явно упадает талантом»). Впрочем, это было, скорее, лишь настроение той поры. В последующие годы Мельгунов неизменно отзывался о Пушкине как о самом выдающемся поэте России, писал музыку на его стихи...

Между тем, служба Мельгунова в архиве продолжалась. В один день с А. Веневитиновым он был произведён из актуариусов в переводчики. Работая с документами, ливенский уроженец стал одним из первых в России библиографов, более того, одним из лучших знатоков новейшей библиографии. И карьеру свою закончил в должности помощника библиотекаря (по нынешней иерархии: заместитель директора библиотеки).

Какие пути лежали тогда перед тридцатилетним гуманитарием, полным сил и замыслов? К примеру, с молодых лет в Мельгунове крепло стремление стать издателем журнала. Ещё в январе 1831 года он получил от министерства народного просвещения разрешение на издание в Москве журнала «Журналист». В конце 1832 года, намереваясь приступить к изданию, он подал прошение в московский цензурный комитет «о перемене названия и программы не в сущности, а в форме, по плану, приложенному к поданному им прошению». Тогда московский цензурный комитет (отношение от 14 декабря 1832 года за подписью члена комитета Ивана Снегирёва) запросил архив министерства иностранных дел о личности Мельгунова и «о способности издателя выполнять принимаемую им на себя обязанность, также и о нравственной его благонадёжности». Хотя архив и был исстари одним из центров московской образованности, всё же категорический запрос цензурного комитета поставил его в затруднительное положение, и он поспешил списаться с Петербургом. 19 декабря 1832 года идёт из него бумага в департамент хозяйственных и счётных дел, сущность которой в следующих словах: «Архив хотя и аттестует г. Мельгунова как чиновника весьма способного в службе и поведения отлично-хорошего, но, не находя себя ни в праве, ни в возможности принять ответственность ручательства в издании журнала, покорнейше просит департамент хозяйственных и счётных дел, по новости сего случая, довести сие обстоятельство до сведения высшего начальства». Письмом от 30 декабря 1832 года департамент хозяйственных и счётных дел министерства народного просвещения рекомендовал архиву ответить московскому цензурному комитету, что «начальство не может принять на себя ручательство за издаваемые подчинёнными его журналы и тем подвергает себя ответственности в деле, для него совершенно постороннем», и советовал препроводить в комитет формулярный список.

Пробовал свои силы Мельгунов и в изящной словесности. Как беллетрист, он был известен главным образом повестями и путевыми очерками. Был он и автором исторического романа «Тьма и свет», героями которого стали просветитель Николай Новиков, молодой Карамзин, митрополит Платон. Мельгунов умел легко и приятно высказывать серьёзные мысли, разнообразить наблюдения и описания довольно интересными набросками повестей, «по духу времени и вкусу» умеренно романтических.

Повесть «Кто же он?», одно из его первых художественных произведений, впервые появилась в 1831 году на страницах журнала Н.И. Надеждина «Телескоп». В 1834 году это сочинение, подвергнутое незначительной стилистической правке, было включено в двухтомник Мельгунова «Рассказы о былом и небывалом», изданный в Москве.

В первой части сборника, наряду с «Кто же он?», были помещены фантастические по завязке и реальные по развязке повести «Зимний вечер» и «Пророческий сон», а также психологическая — «Любовь-воспитатель». Вторую часть целиком составила большая повесть (или маленький роман) «Да или нет?». В научной литературе отмечена близость повести Мельгунова и романа англичанина Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» (по предположению М.П. Алексева, именно Мельгунов был автором первого перевода романа на русский язык). Нередко эту повесть сравнивают также с «Вампиром» Дж. Полидори, с гофмановской новеллой «Магнетизёр». Влияние поэтики Гофмана

чувствуется и в столь любимом Мельгуновым приёме совмещения фантастического и обыденного планов.

Выход «Рассказов о былом и небывалом» был благосклонно встречен критиками различной ориентации, отмечавшими мастерство Мельгунова-повествователя, занимательность его сюжетов. Так, О.И. Сенковский писал о вошедших в двухтомник сочинениях как о «милых рассказах, каких давно не читал по-русски, исключая удивительной «Пиковой дамы» А.С. Пушкина, которая <...> есть верх прелестного русского рассказа». Те же достоинства были отмечены в сборнике «Северной пчелой», упрекнувшей, однако, автора в недостатке «содержания». Близкой к её отзыву оказалась и рецензия «Московского телеграфа».

Удостоилась похвальных рецензий и повесть «Да или нет?» (Белинский отметил: написана «ловко, умно, живо, со знанием дела»). В итоге автор, что называется, «вознёсся»: в середине 1830-х годов, благодаря именно ей, Мельгунов приобрёл себе литературное имя и стал полноправным членом московского передового кружка, к которому принадлежали Киреевские, Хомяков, Кошелев, Баратынский, Чаадаев. В одном из писем января 1833 года, сообщая о разыгравшейся в Москве эпидемии гриппа, Мельгунов писал: «Это не мешает нам собираться по пятницам у Свербеевых, по воскресеньям у Киреевских, иногда по четвергам у Кошелевых и время от времени у Баратынских. Два-три раза в неделю мы все в сборе; дамы — непременные участницы наших бесед, и мы проводим время как нельзя веселее: Хомяков спорит, Киреевский поучает, Кошелев рассказывает, Баратынский поэтизирует, Чаадаев проповедует или возводит очи к небу».

В 1834 году, после запрещения журнала «Московский телеграф», здешняя публика широко обсуждала новый издательский проект прежних любомудров Шевырёва и Погодина, задуманный как идейное противодействие официозным журналам Булгарина, Греча и Сенковского. Либералы увидели в новом издании возможность выйти за рамки салонного бытования на широкое поле общественной деятельности. В результате было решено издавать «Московский наблюдатель» на акционерно-паевых началах.

В числе организаторов-пайщиков журнала был и Мельгунов, в декабре 1834 года писавший в Петербург М. Веневитинову: «С будущего года в Москве будет издаваться журнал под названием «Московский наблюдатель». Этот журнал предпринят несколькими литераторами, из числа которых: Баратынский, Киреевский, Павлов, Погодин, Шевырёв, Хомяков, Языков и пр. Предложено также Одоевскому и Гоголю. Редактором журнала избран Андросов. Мы все — постоянные сотрудники, надсмотрщики и участники... Капиталу на основание журнала положено собрать двадцать тысяч. Тысяча подписчиков окупает издержки. Что сверх того, делится между денежными соучастниками. До сих пор собрано более десяти тысяч. Мы все вносим по тысяче».

Общественно-литературная позиция журнала определилась с первого же номера, вышедшего в марте 1835 года. Открывавшая издание статья Шевырёва «Словесность и торговля» указывала на пагубность «торговых», коммерческих оснований для подлинной, высокой литературы, в патетических тонах протестовала против превращения Сенковским, Булгариным и Гречем литературных ценностей в ценности рыночные. В конце мая 1835 года Мельгунов сообщал Шевырёву из Петербурга о встречах с Пушкиным у П.А. Вяземского и В.А. Жуковского и разговоре об условиях участия Пушкина в «Московском наблюдателе». Обещали ему участвовать Одоевский и Соллогуб.

Его перу принадлежат музыковедческие труды о творчестве Бетховена, Берлиоза, Вагнера. Свои музыкальные произведения он посылал И.С. Тургеневу для Полины Виардо. В начале 1830-х годов Николай Мельгунов сотрудничал с газетой «Молва» как музыкальный критик: писал о концертах, музыкальных собраниях, о композиторах, да и сам не был чужд этого увлечения. «Молва», к примеру, сообщала читателям: «В музыкальном магазине К. Ленгольда и во французской книжной лавке Урбеня и Комп. продаются вышедшие на днях: Песни и романсы, положенные на музыку Н. Мельгуновым; а именно: 1-3) три песни из трагедии «Ермак» Хомякова, 4) Русская песня «Ах, ты ночь ли ноченька» Б. Дельвига, 5) романс «Я помню чудное мгновенье» А. Пушкина, 6) «Ливония», стихотворение Языкова и 7) «Водопад», стихотворение Баратынского. Цена тетради с приложением слов 3 руб. асс[игнациями], с пересылкою 6 руб. асс.»

Известны песни и романсы Мельгунова на слова А.С. Пушкина (прежде всего романс «Я помню чудное мгновенье», 1832), Е.А. Баратынского, А.С. Хомякова, Н.М. Языкова, А.А. Дельвига, Ф.И. Тютчева. Проявился интерес к музыке в юные годы, когда познакомился в пансионате с Ми-

хаилом Глинкой. Мельгунов вспоминал позднее о своём друге: «В длинные зимние ночи, в летние петербургские сумерки он предавался полёту свободной импровизации, отдыхал за нею от головолomных занятий, от забот ученических. В этих звуках, дрожащих восторгом, высказывал он свои детские мечты, и свою томную грусть, и свои живые радости».

В 1836 году Мельгунов уехал в Германию и Францию, где ему предстояло провести значительную часть жизни. Впрочем, и Россию не забывал. Мельгунов регулярно участвовал в знаменитых московских обедах в память Дмитрия Веневитинова, осенью 1837 года в Петровском работал над путевыми заметками о заграничных поездках, а летом 1842 года Шевырёв писал А.В. Веневитинову: «Мельгунов поехал по деревням своим. Он стал молодцом хоть куда. В сентябре вы увидите его проездом». Отзвуки «чернозёмных событий» внимательный читатель найдёт во многих произведениях Мельгунова. Так, действие повести «Свидетель» происходит в воронежском селе Дмитриевское: барыня взяла в любовники дворового и с ним задушила больного мужа. Свидетелем убийства оказался трёхлетний сын, который впоследствии и уличил мать и её сообщника...

За границей Мельгунов изучал немецких мистиков, философию и историю церкви, славянские древности. Следил за жизнью Московского университета. Вместе с Генрихом Кёнигом перевёл на немецкий язык «Записки сумасшедшего». Будучи связан с Н. Ленау, Ф. Грильпарцером, К.А. Фарнгагеном фон Энзе, Мельгунов способствовал развитию литературных связей России и Западной Европы. Дружил со знаменитым профессором Якобом Гриммом (тот знал многие славянские языки и читал по-русски), передавал для него новые книги из России. Мельгунов первым дал Германии, а через неё и остальной Европе, «здоровое и независимое, честное представление о нашей литературе, а русских писателей вводил в круг идей Запада». Однако один из творческих замыслов на этом благородном пути в итоге стоил ему очень и очень дорого...

В 1837 году в Германии вышла книга Г. Кёнига «Literarische Bilder aus Russland» («Очерки русской литературы»), написанная им на основе бесед в Ганау с Мельгуновым (частью под его диктовку). Книга эта впервые в широкодоступной форме познакомила европейского читателя с главными представителями новой русской литературы и сыграла значительную роль в её популяризации за рубежом. «Очерки...» были первым полным обзором русской литературы на немецком языке, в котором вместе с историческим очерком содержалось и подробное описание её современного состояния.

В тот год, ещё до выхода книги Кёнига, в Германии появилась «Учебная книга о русской литературе» Ф. Отто, которая представляла собой фактически перевод «Опыта краткой истории русской литературы» Н.И. Греча. Петербургский литератор Николай Иванович Греч принимал участие в разработке цензурного устава 1828 года, служил при министре внутренних дел, а затем в министерстве финансов. О его взглядах можно судить всего по одной фразе: «Только цензура даёт русской литературе характер благородства, приличия, скромности».

В отличие от переложения официозных трудов Греча, где большая часть информации о литераторах представляла собой перечисление чинов и наград, книга Кёнига не только рассказывала о творчестве 42 русских писателей (начиная с Дмитрия Ростовского), но и показывала черты характера писателей, знакомила с подробностями их биографий.

Получив известия о смерти Пушкина, — писал Кёниг, — западный читатель с удивлением обнаружил, что Россия может «в своём холодном климате производить людей с душою, способною к высокой поэзии». По Кёнигу, благодаря тому, что немецкая литература «сменила в России французскую и пустила крепкие корни», наступил новый виток в развитии юной русской литературы. Литераторы начали изучать немецких эстетиков и «критиков шеллинговой школы», молодое поколение «ищет философского основания этих направлений немецкого духа». Немецкое влияние привело к появлению «поэзии содержания»: Веневитинова, Хомякова и Бенедиктова. О стихотворениях Дмитрия Веневитинова Кёниг отзывался высоко: «соединили в себе глубокую мысль Гёте с юношеским одушевлением Шиллера». Веневитинов был, по мнению автора, «проницательный» и «глубокий» мыслитель: «прекрасный, стройный юноша. Его высокий лоб, прекрасные, выразительные черты лица <...> имели нечто внушающее и привлекательное».

По мнению автора, немецкую философскую и литературную традицию привносят в русскую культуру писатели-аристократы. Аристократизм определяется «не случайным рождением, а образованием и талантами», «тонкостью вкуса» и «приличием в тоне», которые писатели переносят «из своего общественного положения на свои сочинения».

В полемике с этим направлением сформировалось «плебейское» направление русской литературы, возглавляемое Н.А. Полевым, которое породило журнальный триумvirат Греча-Булгарина-Сенковского. Эти литераторы работают за деньги, и литература превращается в фабрику. «Происходит перевес литературной промышленности над истинными литераторами». Промышленники пишут по 90 листов в месяц, а истинные — 90 строк в год.

Примечательно, что на фоне в целом благожелательного отношения Кёнига к русской литературе отзыв о журнальном триумvirате резко выделялся по тону. Творчество этих трёх названных авторов было попросту выведено за рамки настоящей литературы: «Таких людей должно почитать за нечто меньшее, чем писатель, и большее, чем просто журналист». Эти литераторы «приобрели благосклонность публики единственно своим счастьем или ловким шарлатанством». Их монополия на литературном рынке привела к тому, что русские журналы стали кладбищем русской литературы. По мнению автора, Греч, Сенковский и Булгарин одобряют всё, «касающееся низших сил природы человеческой», и насмеваются над тем, что относится к «духовным, высшим её потребностям».

Подобный отзыв о журнальном триумvirате и, в частности, о печально известном Булгарине входил в резкое противоречие с тем, что до сих пор писалось об этом литераторе на немецком языке. Кёниг подчёркивал: «сочинения Булгарина пользуются незаслуженным счастьем быть известными через переводы» и иронично пояснял, откуда они берутся: «известно, что Греч и Булгарин <...> не прочь были и сами отличиться некоторым патрицийским покровительством и держали у себя на службе некоторых бедных французов и немцев, которые с охотой переводили мастерские произведения своих меценатов».

«Очерки...» имели успех в Европе: книгу переиздали в Германии, перевели на чешский и голландский языки, во французских и английских журналах были помещены подробные рецензии (имелись также сведения о переводе книги на французский и датский языки). Именно благодаря этой книге за пределами России начал распространяться критический взгляд на булгаринское творчество. Если в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза (1832) о нём писали как о «величайшем русском писателе», в то время как Пушкина называли «многообещающим поэтом», то в «Лексиконе» Отто Виганда (1839) сведения о Булгарине приводились уже по книге Кёнига. А в 1843 году в новой книге о русской литературе Г.-В. Вольфсона Булгарин характеризовался уже как автор плохих романов, который «понимает только низшую сторону жизни».

В России недоброжелатели обвиняли Мельгунова в антипатриотизме. Греч и Булгарин подали записку в III Отделение: «Мельгунов, московский учитель <...>, отправился за границу и там, при помощи одного писателя либеральной шайки, которая мутит и тревожит Германию (Генриха Кёнига), сочинил и напечатал пасквиль <...> Особенно всю месть и злобу свою г. Мельгунов излил на Булгарина. <...> он назван подлецом, изменником, шпионом, приговорённым к смертной казни (это преувеличение, Мельгунов такого не говорил. — А. К.) <...> Просим всепокорнейше подвергнуть сие дело исследованию: спросить у Мельгунова, действительно ли он, обойдя цензуру своего Отечества, которою ограждается личная честь граждан, продиктовал этот пасквиль Кёнигу. Если он отречётся от сего, то заставить его напечатать о том объявление, с подписанием своего имени, во всех германских газетах, и тем возложить ответственность на Кёнига <...>; если признает себя соучастником, то подвергнуть его законной ответственности и суду как лжеца и клеветника».

Хотя ареста не последовало, нападки сильно подействовали на Мельгунова, у него появилось стойкое отвращение к «журналистике». С горечью он говаривал порой: «Матушка Россия и сиротка литература русская». И всегда вспоминал о том, как самоотверженно боролся Пушкин с пресловутым триумvirатом. Мельгунов даже подобрал образное сравнение, чтобы собеседнику был сразу понятен образ поэта и воина: он, подобно трудолюбивым колонистам Северной Америки, «одной рукой возделывал поле, а другой защищал его от набега диких».

Конечно же, судьба и деяния Пушкина вдохновили Мельгунова на полное гражданственности и оптимизма определение сути русского писателя: «Он должен быть, конечно, человек с талантом, но при том и ещё более — человек с твёрдым убеждением, с крепкой волей, с душою чистою. Он больше, чем писатель... От него требуют не одного дарования, но и благородства; надобно, чтобы слово его, которое имеет всю важность поступка, могло, как поступок, быть подвергаемо суду мнения и смело выдерживать его критику».

После изнурительной борьбы с Гречем и Булгариным Мельгунов стал куда реже приезжать в Россию, да и с тех пор практически никогда не подписывал публикации своим именем, а обычно псевдонимом «Н. Ливенский» и производными от него (Н. Л-ский и Л.). Как точно подметил А.И. Кирпичников, «его объявили умершим как раз на середине его литературной карьеры, за 27 лет до его действительной смерти, и, сколько знаю, такие преждевременных похороны не вызывали ни с чьей стороны возражения». «Очерки русской литературы» в русском переводе появились лишь четверть век спустя, в 1862 году...

Когда к 1842 году произошло окончательное размежевание западников и славянофилов, Мельгунов в накалённой идеологической обстановке пытался выступить примирителем противоборствующих мнений. Он поддерживал дружеские отношения как с «западниками» (П.Я. Чаадаев, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский), так и со «славянофилами» (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков). Более того, Грановского называл в числе чистых и благородных людей, даровитых, много сделавших и «ещё более обещающих». Мельгунов сотрудничал как в «Москвитянине», так и в «Отечественных записках» и обновлённом «Современнике». Себя он считал изгнанником, не принадлежащим ни к одной из партий, и говаривал славянофилам: «Вы для меня алхимики, ищущие золота в русской истории. Золота вы не найдёте, но набредёте на много хорошего и дельного, и, главное, пробудите в русских *жажду самопознания*».

Мельгунову был не по душе вечный спор в стане русских литераторов, он писал по этому поводу: «Мне тяжело видеть какой-то разлад между литераторами и дух исключительности, вследствие усиливающейся склонности к кружкам. Рад я, что сам не принадлежу ни к одному приходу и держал себя независимо от партий. Плохо отказываться от независимости своих убеждений ради такого или такого общественного лозунга; вдесятеро хуже играть ими и своей свободой из-за приходских интересов. Роль благочинных, попов и причта, право, не к лицу писателям».

Наверное, кто-то видел в этой примирительной позиции Мельгунова не что иное, как всё ту же старорусскую маниловщину. А один из исследователей его биографии сказал очень тонко, для понимающего читателя: «Мельгунов в личной жизни представляется мне типичным русским интеллигентным дворянином 40-х годов, ближайшее знакомство с которым может послужить прекрасным комментарием к романам и повестям Тургенева».

Петербург Мельгунов именовал Северным Вавилоном. Он горячо поддержал первый роман Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (1846) — «одно из украшений современной литературы нашей». Мельгунов был сторонником не уничтожения, а уравнивания собственности, сторонником в первую очередь религиозной благотворительности. Примечательно, что и в политику он шёл через... литературу: мечтал написать большой роман, а себя вести старался так, как подобало бы герою этого романа, — отсюда не ослабевавшая дружба с Герценом, который обосновался на чужбине. Роман этот должен был поведать русскому читателю не только об отношениях западников и славянофилов, но о том, что в России должна появиться третья, высшая партия, которая примирит и тех и других. Это и была его главная цель Мельгунова — примирить непримиримых. Он писал: «Не Запад гниёт, а Восток процветает, но и на Западе и на Востоке одна часть народа, и самая значительная, носит в себе возможность возрождения и великого будущего, а другая, меньшая часть, действительно, гниёт и идёт к своей гибели <...> Чем больше я знакомлюсь с крестьянами, с *народом* разных стран, тем более общего нахожу между ними <...> Сколько здесь (среди крестьян Нормандии. — А.К.) простоты, чистоты нравов и сердечности».

Крымская война, поражение в ней России были потрясением для Мельгунова. Он видел в этих трагических событиях вселенский вызов русскому обществу. А потому выступил на стороне реформаторов. Б.Н. Чичерин вспоминал о том, как Мельгунов скрытно для всех сотрудничал с Герценом. Когда «подпольщик» по секрету сообщил об этом Чичерину, тот был крайне удивлён: «Признаюсь, я тут получил более высокое понятие о Мельгунове, чем имел».

В 1-й книжке «Голосов из России» (Лондон, 1856) Мельгунов анонимно напечатал знаменитые «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», где изложил взгляды либеральной оппозиции. Статья «Приятельский разговор» была напечатана во 2-й книжке «Голосов из России» (Лондон, 1856). Построена она в форме диалога между двумя старыми приятелями, бывшими студентами Московского университета. Содержание беседы — оценка положения дел в стране и первых мер нового царствования. Продолжение этих публикаций — статья «Россия в войне и в мире» была на-

печатана в 4-й книжке «Голосов из России» (Лондон, 1857). Автор развивал здесь тезис о порочности николаевской системы, о губительности войны и необходимости скорейшего заключения мира даже на невыгодных для страны условиях, необходимости проведения назревших реформ.

В газете «Молва» в 1861 году появился обширный цикл Мельгунова «Письма с дороги». Горячий сторонник отмены крепостного права, он видел в этом решении начало великой эры для России и надеялся, что царь мужественно и умело проведёт страну через все потрясения — как большой корабль по бурному морю...

Мельгунов, судя по «Письмам с дороги», считал русского мужика практичным и ловким, неискренним (с помещиком), осторожным и насмешливым до крайности. Публицист был убеждён в том, что с крестьянами нетрудно сладить и сговориться и «без посторонних внушений», но не надо торопиться. «Только, ради Бога, поменьше принудительных мер и побольше знания человеческого сердца, да в особенности русского сердца, ума, привычек, приёмов». Критиковал помещиков за их некультурность, отсутствие инициативы, поголовную «обломовщину».

Народу же, по Мельгунову, нужно просвещение, а не простая грамотность. Он негодовал по поводу запрещения «Современника» и «Русского слова», мечтал о журнале для народа, о дешёвых народных изданиях. Летом 1861 года Мельгунов вместе с С.Т. Славутинским составил брошюру для крестьян (не была издана, видимо, из-за цензурных препон).

Автор был убеждён в том, что в России общинное начало из-за истощения земель неминуемо будет ослабевать и уступит место частной собственности. Но «крестьянский мир» не исчезнет вместе с общинным владением — по мысли Мельгунова, на его место придёт артель.

Спад общественной активности в России после 1861 года стал закатным временем и для Мельгунова, который «принялся писать романы, ожидая от них большой прибыли». К тому времени свои имения он уже продал — не хотел быть крепостником. Жил на гонорары, письма к редакторам униженно подписывал «Ваш батрак». Нищета одолевала в последние годы жизни. Добавим и то, что, несмотря на обилие друзей, на женитьбу (это был поздний брак с иностранкой), Мельгунов, в сущности, всегда оставался очень одиноким человеком...

Умер Николай Александрович Мельгунов в Москве 4 (16) февраля 1867 года. Газета «Голос» писала вскоре после его смерти: «Мельгунов был именно литератором, он жил всегда в кругу литераторов, был ими любим и уважаем, его мнения узнавали писатели всякий раз, когда хотели своё произведение в свет, и мнение это всегда было верно и основано на художественном чувстве, которым Николай Александрович обладал вполне... Мельгунов до конца своей жизни был идеалист и поэтизировал самые простые явления жизни».

О Мельгунове мало кто вспоминал на протяжении трёх десятилетий. Однако его позиция примирителя показалась достаточно значимой для предреволюционной русской интеллигенции, которая «отзывалась на умственные запросы времени». Уже упомянутый здесь уроженец Орловской губернии, историк и филолог, член-корреспондент Академии наук Александр Кирпичников, отложив в сторону все иные заботы, занялся разбором давнего архива Мельгунова. В итоге сложилась небольшая монография о творчестве и судьбе забытого земляка — её опубликовали в «толстом» журнале, а затем, в 1903 году, и в книге об истории русской литературы. Так всего за два года до первой революции «неуклюжий и медлительный» Мельгунов вновь испытующе обратился к читателю с вопросом: «Куда спешишь, новое поколение? Что ждёт нашу Россию-матушку завтра?»

Орловские берега

Ирина Семёнова

Ирина Семёновна Семёнова родилась в 1949 году в Волоколамске Московской области, в Орле живёт с 1961 года. Автор 8 книг стихотворений: «Звёзды в буране» (1984), «Полей неброские цветы» (1984), «Смех бесстрашной музыки» (1994), «Свирель» (1998), «Шум реки» (2004), «Русская камена» (2011), «Икона» (2015), исторической поэмы «Ксения Петербургская» (2008). Стихи и отзывы на творчество поэтессы публиковались в журналах «Новый мир», «Бежин луг», «Воин России», «Наши современник», «Роман-газета», «Роман-журнал XXI век», «Новая книга России», «Десна», в газетах «Московский литератор», «Литературная Россия», «Российский писатель» и др. Стихотворения включены

в антологии «Русская поэзия. XX век» и «Русская поэзия. XXI век», в хрестоматию для школ и ВУЗов «Писатели Орловского края. XX век», переведены на ряд языков народов СССР. Лауреат Всероссийских литературных премий им. А.А. Фета (1995), им. А.Т. Твардовского (2002), «Вешние воды» (2005), им. П.Н. Васильева (2012), международной премии им. Э. Володина «Имперская культура» (2008), дипломант Всероссийской литературной премии «Александр Невский» (2006). Член-корреспондент Академии поэзии. Член правления Орловской областной организации Союза писателей России и Высшего Творческого Совета Союза писателей России.

* * *

Тяжелы морозы и снега —
В сельский дом никак не доберусь...
Помню лето, помню берега,
Где крещалась Киевская Русь,
Где победу праздновал Богдан,
Ус казачий люлькой тербя.
Днепр, отец наш, русский Иордан,
Я в Смоленске встретила тебя.
Там прозрачен ты и неглубок,
Но вдвойне преображая вид,
Под собором, застязим Восток,
Отраженье рябь твоя дробит.
В том соборе кованы полы —
Швед, француз топтал их и поляк,
В нём пожары видели орлы,
Что слетались к битвам на полях.
Не с того ль кричат колокола,
Что огнём сверкая на лету,
До сих пор летит сюда стрела,
Чтоб его низринуть высоту?
Но душа под бременем веков
Не забыла древнего врага,
Десяти столетий вес таков,
Что легки морозы и снега.

* * *

Не с истиной ли богоданной,
С древнейшим именем Иисус,
Андрей, апостол Первозванный
Пришёл на Киевскую Русь?
Пленённый видом панорамы,
Над ней заметив горный луч,
Он предсказал, что будут храмы
Сиять поверх днепровских круч.
И всё же вновь клянёт фанатик
Из недр языческой грязи
Священный Днепр, соборный аттик
И ослепительный Крещатик,
Как путь крещения Руси.
Но дух предания не вымер,
Сияет Лаврой круч гряда —
Здесь в небо крест вознёс Владимир
И не опустит никогда.

* * *

Солнце летит, обжигая глаза мне,
Мчатся строенья, мелькают ограды,
Словно изваяны в мраморном камне
Снежные крепости вдоль автострады.
Злитесь водитель, ему не до шуток —

Просто ль на скорости мелочью звякать?
У обгоняющих быстрых маршруток
Влажно шуршит под колёсами слякоть...

Помню, как форт, в озарённой долине
Замок австрийский, а может быть, польский,
Дымку, возвышенность, дуб на вершине —
Каменец, как мне сказали, Подольский.
Долго тянулась вдоль пыльной дороги
Панская западная Украина —
Вешних Карпат золотые отроги,
Львов, Черновицы, окрестность Хотина.
Как доходили сюда агаряне,
Церкви сжигая, как свечи из воска?
Штурмом взяло, наступая, при Анне
Крепость Хотинскую русское войско.
Так же ли нынче стенания ветра
Слышат предгорья, леса Буковины?
Русскою кровью пропитана щедро,
Кровной сестрой ты была, Украина!

* * *

Пирамидальных тополей
Ночные свечи — дух Украины.
Полёт луны поверх аллея,
Необозримый и бескрайний.

Татарский хан, турецкий шах,
Ксендзы с кварцянными войсками —
То век семнадцатый в ушах
Гремит казацкими клинками.

Штурмуют крепость, жгут мосты...
Украина, воли цвет багряный
Ты помнишь?

Иль стыдишься ты
Побед Зиновия Богдана?

Иль время грозное долит,
А ты, пригретая элитой,
Всего лишь немощный банит¹
Под новой Речью Посполитой.

С того ль с небес летит ко мне
Покров Оранты византийский,
И гетман мчится на коне,
Сорвавшись с площади Софийской.

* * *

Почтив святыню, чуда не проси,
Перед чужим забудь поклон холопа,
Начало вспомни Киевской Руси,
Когда была единой вся Европа.

Когда был замкнут галльский феодал,
И не дружны князья под Ярославом,
Что мудро в горсть уделы собирал
И был родней трём западным державам.

Когда он Лавру вздумал созидать,
Горы лесистой изукрасив темя,
Чтоб над Законом встала Благодать
И освятила будущее время.

Он поднял к небу просвещения перст,
Легко латынь и греков разумея,
Когда король в Париже ставил крест,
Свое означить имя не умея.

Здесь, расцветая, царствовал глагол,
Здесь подвигались летописей глыбы.
И не пройди по Киеву монгол,
Пути Руси иными быть могли бы.

Но, чтобы веру в истине сберечь,
Предотвратить латинские подкопы,
Бог опустил на Русь монгольский меч,
Чтоб нас отсечь от Западной Европы.

И, начертав нам знаки на челе,
Повёл путём смиряющим и узким,
И время дал последнее земле,
Быть может, с тем, чтоб время стало русским.

* * *

Ночью рокочет заснеженный сад,
Скрипы древесные грозны,
Липы вздыхают, и долго шуршат
Иглами древние сосны.

Поезд по насыпи едет, темно.
Льётся огней вереница.
Кто-то, наверное, смотрит в окно —
Мрак пересилить стремится.

Помню и я, как ночная вода
В речках сверкала безмолвных,
Как проплывали вдали города
Главами храмов церковных.

¹ Банит — человек, лишённый прав (польск.-укр.)

В людном соборе иль церкви пустой
Я алтари созерцала,
Словно о местности главное той
Именно здесь узнавала.

Можно припомнить моря и хребты,
Степи и запах пустыни,
В дикой природе полно красоты,
Но мирозданию, как Божьи черты,
Необходимы святыни.

* * *

А. Загороднему

Когда я в речное смотрю отраженье,
Иное в душе открывается зренье,
Как будто осенней воды созерцанье
Иное в тебе проясняет сознание.
Мельканьем насыщенные смыв ощущения,
Ночные в рассудок плывут сновиденья,
А в тонущих тучах видны сквозь просветы
Времени дорогих берега и приметы.
Там всё перевернуто, зыбко, размыто,
Но так бытие ускользает от быта,
Так жителям дикой озёрной природы
Дарят ясновиденье чистые воды.
Вглядишься же в черты отражённых явлений,
Стихии доверь побеждающий гений.
Пока ещё тихо, и воды проточны,
Пока ещё льдины забвенья непрочны.

* * *

Бывает час: над городом холмистым
Небесный свод слегка полуоткрыт,
Мираж земли в тумане сине-мглистом
Вот-вот сейчас куда-то улетит.
Заходит солнце смутно и нескоро,
Но у Творца незримого в руках,
Смотри: виденье лёгкое собора
Уже парит в лиловых облаках!
И мнится мне в усталости стихии,

Когда прозрачен времени покров,
Что в небеса возносится Россия,
Как тайна тайн и высший из миров.

* * *

Г. Попову

Сколько радостных звёзд по вселенным
Сотворил и развесил Господь!
Я приду к тебе с сердцем нетленным
Облечённой в бессмертную плоть.
И, невольно воскликнув: — Помилуй!
Чудесам я не верил, прости!.. —
Потрясённый божественной силой,
Ты ослепнешь, как Савл, на пути.
Ты услышишь звучание слога
И, в приливе дарованных сил,
Ты пойдёшь проповедовать Бога,
От которого прочь уходил.

* * *

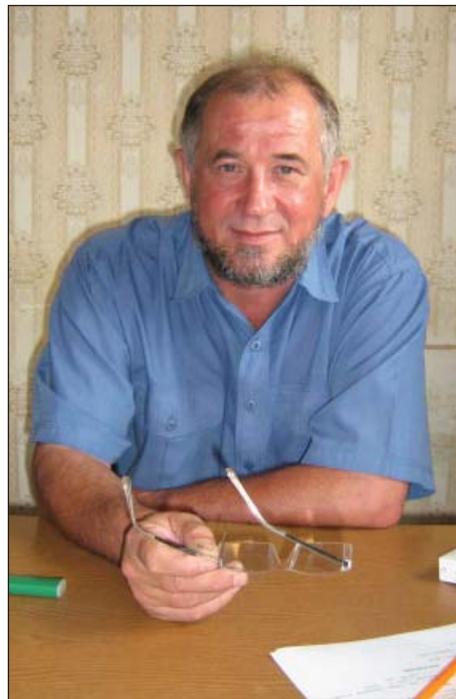
Он молился, уже одинокий,
Разбудить не успев никого,
В час, когда человечьи пороки
Опустились на плечи Его.
Ясный лик искажая безбожно,
Тёплых уст искривились края,
И воззвал Он почти безнадежно:
«Да минует мя чаша сия!»
Но, представив погибели реку,
Что веками течёт по земле,
Сострадая, как Бог человеку,
С потом кровь Он растёр на челе.
И вселенской судьбе покоряясь,
Он с холма одиноко сошёл
И повлёк на Голгофу, сгибаясь,
Груз людских преступлений и зол.
И, толпы убажывая капризы,
Как злодея, распяли живьём,
Чтоб делить Его светлые ризы
И пронзать Его тело копьём!

Орловские берега

Юрий Оноприенко

Юрий Алексеевич Оноприенко родился 10 мая 1954 года в селе Стригуны Борисовского района Белгородской области. Автор 11 книг рассказов, повестей и романов. Произведения публиковались в региональных, столичных и международных изданиях («Бежин луг», «Осколки», «Сельская новь», «Форум», «Воин России», «Ясная поляна», «Десна», «Литературная Россия», «Наши современники», «Москва», «Роман-газета», «Роман-журнал XXI век», «Российский писатель» и др.). Рассказы включены в хрестоматию для школ и вузов «Писатели Орловского края. XX век», а также переведены на китайский язык и включены в «Антологию современной русской прозы», вышедшую в Пекине. Лауреат Всероссийского литературного конкурса короткого рассказа им. В.М. Шукшина (1998), лауреат Всероссийской литературной премии им. И.А. Бунина (2004), Всероссийской премии «Вешние воды» (2010). Дважды становился лауреатом премии «За лучшее произведение года» журнала «Наши современники» (2005, 2009). Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени (2004) и медалью «Василий Шукшин» (2014). Член Союза писателей России, прозаик.

Граша

Рассказ

Алексей Шорохову

Из городских копчёных лабазов я впервые попал в лесную деревню. Было начало пятидесятых, ещё повсюду на еловниках стояли с войны подбитые ржавые танки — словно дохлые жуки.

Места же там райские, дороги песчаные и ровные, как тонкие стрелы; ни горки, ни пригорка, только витые завороты, будто и эти тележные тропы-стрелы покорёжило в военной огневой топке.

Мне шёл семнадцатый, и было чуть странно и страшно, что война так широко пылала. В детстве, пережитом в разбиваемых подвалах города, казалось, что воюющие бомбы падают лишь на наши несчастные каменные улицы; а где-то, в таких вот рощах и лугах, стоит бесконечная тишина и, как сейчас, пахнет льном и хлебом.

Злая голодуха уже отступала, народ вокруг жил открытый и приветливый. Я, будущий художник-оформитель, приехал стажироваться на всё лето, и мне указали размалевать свежую колхозную избушку-клуб какими-то бодрыми картинками и зазывными лозунгами.

Я плохо понимал, что такое колхоз; меня больше тянуло на распластавшуюся в уютной низинке ферму, где смелые девки-перестарки наливали мне гладкий глиняный кубанчик молока, мой суточный рацион, настоящее пиршество.

Доярочки встречали меня ласково, обнимали и тискали своими тёплыми руками; но это было потом, а сначала те заморённые шутницы устроили со мной таинственную смехоту, от которой я долго краснел.

— Молочка нада? — спросили они распевно. — Так сам и подои коровку-та!

И указали на дородного бычка, уставившегося в моё конопатое лицо большими спокойными мокрыми глазами.

— Ты сперва вымечко ей мягкой водичкой омой, потерёбкой, приучи; а потом за дочку, за дочку, вон она у пузца висит, ласковая...

И дали мне кружку с обогретой солнцем водицей, и стал я старательно мыть бычку его крепкие яички-яблочки, а он, лобастенький, жевал жвачку, мотал пухнатым коротким хвостом и оглядывался на меня с некоторым удивлением.

Доярки расхохотались всеми своими звонкими и надтреснутыми, тонкими и сорванными голосками — но ненадолго, потому как хотели не издёвки, а короткой потехи; оттащили меня, молча пунцовеющего, от облегчённо вздохнувшего и ничего не понявшего бычка — и каждая прижала мои горящие щёки к своим большим парным тоскующим грудям:

— Ах ты, милка необидчивый! Ничё, мы никому не скажем, а вот они какие доечки, вот, чуешь? Эх, был бы ты постарее, настоящий довоенный, всех бы нас в жёны взял; а так тебе, родненькому, одна дорожка — к Граше-Гранёше.

Кто такая Граша, визнавать мне было не по настроению, только стал я, сам того не желая, малевать на горбатой клубной стенке советскую молочницу с передовым взглядом и со значительно большим, чем подобает, бюстом.

Пришёл крижистый председатель и крупно заматерил меня:

— Этта шо тут за титьки, как фляга? Вместо титьки у неё должна быть звезда, а лучше две! Понял, диверсант? Мы тут воевали, а ты несознательной непотребностью буржуазной нас так тут пугаешь? Я тебя живо сдам, куда нада!

Председателя звали Евген Ротичев, и он был единственным, кто мне смутно не понравился.

Кругом стояли дивные перелески, гривки их на закате делались ярко-розовыми, как кремлёвские рубины, которые я однажды увидел в первом цветном киножурнале; но тут этих лесных берёзовых рубинов было много, бессчётно, и жили среди них простые сказочные люди, как раз такие, как в журналах. И лишь Евген марал чистый мирный воздух криками-разрывами:

— Трах-та-тах, твою! Я в окопе сидел и орден за это от нашего великого правительства получил, кровью истёк из всего сердца, а ты вредишь моему колхозу? Ты что силос так заунывно топчешь? Хочешь, чтоб он перегорел? Утопчи яму, как нада, чтоб нашим передовым коровам на всю зиму его было, чтоб показатель у них стал на всю область.

А область эта была то ли Брянская, то ли Гомельская, а может, даже Черниговская; там Десна до сих пор такая течёт, что пей воду из неё ладошками; сто прохладных горстей черпнёшь — не напьёшься: пресная, глотается как воздух; божий напиток.

Село звалось Боровичи. Там Боровичей, как у нас Ивановок: Верхние и Нижние, Большие и Малые, Первые и Вторые — всё Боровичи. И говорят там люди, словно песню поют, даже поругиваются нараспев и спорят с улыбкой и прибаутками.

Едва ль не половина их тогда были фронтовые калеки. Добрые бабы, которым посчастливилось стать не вдовами, а иным сделаться даже свежими жёнами, носили обрубленных мужей, словно больших дитятей, и купали их в жёлтых корытах и дворовых банях; и я сам видел такой обрубок, вся спина его была сплошной красно-сиреневый шрам.

Былой солдат просил помыть его. Я елозил полынным хозяйственным обмылком по его рытинам и боялся, что рука моя нечаянно прорвёт эту упруго-морщинную кожанку и провалится к его внутренностям, и напорется на минные осколки, что сидели под громадным шрамом и чувствовались моим трусливым юношеским пальцем.

Немало было и детей-инвалидов — детвора непрестанно шуршала по вспоротым войной логам, копая патроны и подрываясь, задаром губя свои любопытные ангельские души.

Струганные костыли, выгоревшие до безнадёжной белизны картузы, перешитые дырчатые карманы, малыши с хлипкими помочами через плечико, на одной ломаной пуговичке или даже крючочке — и ласка, льющаяся из всех глаз, ласка синяя, льняная, врождённая.

И этот председатель с неизменным своим орденом на мятом, но целом, не штопаном пиджаке, на тяжёлом трофейном велосипеде; говорили, что никакой он не окопник, а «писаришка штабной», однако слушались его безропотно, поскольку времена были крепкие и резкие — как суровая нить.

Особенно Евген допекал Заброду, парня чуть постарше меня. Правда, и было за что — Иван Заброта этот вырос неопишным шалопутом. Таким же удался и его брат-двойничок Вовка.

Они были безотцовщиной, а это дело известно какое: безотцовщина всегда первой глядит в уркаганы.

Их бы давно впихнули в колонию, однако братья считались ещё и придурками; тихими, но патологическими выдумщиками.

Ну, представьте: увидя у вернувшегося в середине войны Евгена (вот такой окопник, сумел не довоевать) блестящий орден на лацкане, Иван, ещё мальчишка, шепнул брату:

— Мы тоже сейчас медаль заработаем. Пойдём на Десну, там в затоне прорубь. Ты в неё вроде бы упадёшь, а я тебя как будто спасу. И получим на двоих медаль за спасение утопающих.

И, воодушевлённые, побежали вприскок, а свидетельницей заманили Грашу, совсем ещё тогда несмышлёныша.

Граша была побочной дочкой Евгена, жила отдельно с мамой-сиротой. Он дочь не привечал, хоть прилюдно и не пинал. Граша родилась сухорукой, а это был сталинский недуг, Евгений откуда-то знал.

Ну что, вернулись они с заснеженного затона, Вовка весь в трясушке и во льду; Граша лепетала, что он то ли поскользнулся, то ли сам жиганул в прорубь, а Ванька его из неё тащил и кричал: «Грашка, беги к отцу, пусть медаль нам выписывает, я брата спас».

Это что такое? Мать отогрела обоих на печке и высекла, а Граше навсегда запретили водиться с этими полоумными.

Но после войны оба из тщедушных опять превратились в тугих боровичков, вытянулись, окрепли и сделались безотказными работниками, навоз с фермы только они и выдирали. Сутками могли там без прорыву копать, вдвоём за десятерых это дерьмовое дело справляли.

Евгению же строили козны. Ночью в его сад заберутся и все яблоки на ветках понакусывают. Висит опозоренный белый налив, каждый плод будто луна шербатая.

И ведь поймать братцев ни разу не смогли: они и перепелами, и совами кричать умели, и даже председателю собаку заговаривать. Сидит на цепи псина, близкую перепелятину, исполняемую Иваном, в высоком воздухе вынюхивает, а на другом конце ровно покошенного колхозниками-подёнщиками сада лёгкий и прогонистый Вовка на ловких ходулях неслышно шастает, опираясь на длинную палицу, и лучшие яблоки выгрызает, ни одного не рвя в карман.

Люто возненавидел Евгений обоих Заброд. Притом, Иван повадился к Граше, пленил тем, что голоса меняет: то заикастой речью вылитого Молотова запустит, то забормочет что твой всесоюзный староста дедушка Калинин из радиотарелки.

Граша себя, конечно, блюла; но в ту пору куда сухорукой-то? Ясно, только с шалопутом. Открыто они не гуляли, однако при встречах друг дружке улыбались — застенчиво, словно две звёздочки на краешке ясного вечера.

В то лето, что я там был, Граша стала заглядывать в клуб смотреть мои малеванья; днём, когда там пусто, мушливо и гулко.

Войдёт, встанет у двери и оглядывает мою дурацкую тётку с кривыми серпастыми пятиугольниками вместо грудей.

Недаром, несмотря на увечье, доярки кликали меня к Граше: она была красавица. Глаза её смотрели, как два росистых василька из ржи, золотое пшеничное личико светилось будто изнутри. Вся фигурка её была тот же колосочек; едва созревший, тонкий, счастливый.

— Небушка, небушка побольше нарисуй, — сказала как-то она, и я впервые услышал её голос; мальчиковый, даже малышейый.

Она была мой одноклассник, доверчивость её была русалочья. Волосы облепляли влажную от дневной жары шейку, и на шейке той билась синяя, бирюзовая жилка.

Я молчал, потому что говорить с таким существом надо каким-то другим, небесным языком, а я не мог в тот миг изъясниться и на простом земном.

Она подошла и погладила меня по лицу левой рукой; правая качалась ивовым прутиком. От её прикосновений прянул аромат, я навсегда запомнил его; от ладони, от всей Граши шёл чистый девичий запах, ему нет названия.

Такой запах качает тебя в волшебных снах, греет в гробовых ледниках и возвращает к жизни из самых тяжких, самых глубинных и больных запоев.

— Научи меня, — не отрывая мягкой душистой ладошки от моих покорно зажмуренных глаз, всё тем же голосом попросила Граша. — Я смогу и одной рукой. А за это... Я за это буду ножки тебе омыывать. Каждый день... всю жизнь.

Ещё секунда — и я бросил бы грубую и неумелую свою кисть и обхватил бы Грашу, и сам омыл бы её босые игрушечные ступни умилёнными слезами и поцелуями.

Но стукнула гремучая, тяжёлая, какие были тогда во всех домах, дверная щеколда — и у порога появился Иван.

На его некрасивом, с буро-серыми рябинками лице не отразилось ничего: ни удивления, ни смятенья, ни злости. Иван переступил с ноги на ногу и понуро — такой понурости я у него ещё не видел — сказал:

— Гранёша... Пойдём вечером к Десне.

Граша наконец оторвалась от меня, опустила разом потухший васильковый взгляд и молча вышла — неслышно, словно спугнутый летучий серафим.

Он поспешно пропустил её, постоял ещё с минуту, не глядя на меня, щуплого и съёжившегося, — и тоже ушёл.

В ту же ночь Евгений прихватил Ивана у дочкиного шалашика. Граша всегда спала в этом шалаше, уютной тростниковой колыбельке поодаль от сада, на чудном деснянском склоне, куда падали первые утренние и последние вечерние — в общем, самые колдовские — солнечные лучи.

Войти в этот шалаш-курёнок было просто, но Иван всю ночь лежал в пятнадцати метрах от него и, похоже, плакал.

Когда Евгений вытащил его из задубевшей травы за чёрные пятки, глаза у Ивана были мокры от росы и тоски. Председатель бил его страшно и умеючи — под печень, не оставляя следов. Иван не кричал, но так и остался там, пока не прибежал Вовка и не уволок брата домой.

Слабо возгорелся зазывной рубиновый рассвет, от реки-шептуньи тянуло мечтой и хмелевою прохладой; и Граша сладко спала, не ведая беды.

Днём мы с нею пошли к Забродам. Иван лежал на скорбном боку и пролежал так всю неделю.

Потом он уронил нам:

— Хочу брусники. Она уж созрела.

— Мы принесём, — с поспешной готовностью откликнулись Вовка с Грашей.

— Нет, пойдём все вместе, — ответил Иван в подушку.

Мутно посмотрел на меня и добавил:

— И ты, Юрик, с нами, если хочешь. Не бойся, у меня к тебе зла нет... А ты, Гранёша, лучше останься.

— Я с вами! — голос Граши высоко зазвенел, как колоколец-подголосок на полном ударе. — Иначе вы Юру убьёте.

— Зачем, он же твой друг. А раз твой, то и наш.

— Я иду, — сказал я, но подбородок мой чуть дрогнул.

Они заметили, однако не усмехнулись.

Доярки-перестарки с сомнением глядели от фермы, как мы, на ночь глядя, гуськом спустились и по тихо хлюпающему долгому мостку перешли за реку.

До заката, правда, оставалось часа три, но скоро мы поняли, что Иван ведёт нас явно не за брусничкой.

Шли без разговора — пять, семь, десять лесных километров. Ягодные места уплыли в сторону, вокруг пепельно-сажными пятнами зачернели обрывы.

Это явились дикие края, где человек теряется и пропадает верней, чем иголка в сене.

Сердце моё трепетало: так растерянно стучит оно в жаркой простуде, в какой-нибудь крупозной пневмонии, или перед ожиданием бандитского ножа в подворотне, когда наверняка знаешь, что за тобой идут по следу.

Граша держала мою руку, я в ответ обнял её чудесную талию, холодную, как хрусталь, и мягкую, словно полуденный сон.

— Ваня, зябко и темно, — крикнула вперёд Граша.

— Сейчас, потерпи, ласка моя, — ответил он, не оборачиваясь и ускоряя шаг.

Вовка же обернулся и засмеялся, но тоже по-свойски:

— Сейчас будет трофейное кино. Согреетесь.

Вовка был послушником брата-двойняшки, так же ряб и кос в лице и наверняка посвящён в задуманное.

Тем временем Иван, как мощный циклоп, раздвинул руками весь угрюмый лес, откинул-толкнул камень — и открылся холодный зев узкой пещеры, шагов через двадцать обернувшейся широким тоннелем. Стен во тьме не было видно, но идти стало легко.

Через минуту Иван пошарил где-то, чиркнул спичкой и зажгёт фонарь, невесть откуда взявшийся.

Тоннель сделался как столбовая дорога, а ещё через минуту Иван подошёл к ящикам, это были обитые доской аккумуляторы, пощёлкал — вспыхнул тусклый электросвет.

Я вгляделся и обомлел. Граша ахнула. Мы стояли посреди просторной бетонной ямины с каменными потолками и железными шкафами в длинной сухой стене.

Вдоль другой стенки угрюмыми аккуратистыми рядами выстроились лоб в лоб мотоциклы с колясками.

— Немецкий ухорон, — сказал довольный нашим изумлением Вовка. — Они думали, что через полгода вернутся.

Мотоциклы слабо сияли краской и смазкой, баки были с бензином. В ящиках лежали автоматы; десятки, сотни автоматов, похожих на козлиные ноги; тут же многослойными стопами высились наполненные зарядами прямые рожки, а в шкафах висела вражья форма, чистая, глаженая, и впрямь как в трофейных военных хрониках.

— Вот тебе, Гранёна Евгеновна, полковничий нарядец, — засмеялся Иван, подавая мундир и обширную кожанку с витыми золотыми погонами да нашивками. — Ты будешь наш дер комендант.

Девушка не могла прийти в себя, но всё надела, и чёрно-золотую фуражку тоже.

— А мы с Вовкой обрядимся в полевую форму.

Я был в шоке, как и наша подружка.

— Неужто всё тут столько лет, и никто этого не нашёл?

— Вот я и нашёл, — ответил Иван, надел каску и сразу превратился в угрожающего вояку, каких мы тогда ненавидели столь судорожно, что даже стрёкот слабого кинодвижка за перегородкой дощатого городского кинозала казался нам ответной нашей стрельбой.

— Мы с Вовкой умеем за рулём, а вы с Грашей будете обер-персоны в колясках. На-ка и тебе, Юрик, кокарду. Ты теперь штурмбаннфюрер или вроде того.

— Чего ты задумал? Мы что, куда-то поедем?

— А как же! Прямиком к танцам.

— Да за это... Да и не выедешь отсюда.

Иван в ответ ткнул ногой пускач и передний мотоцикл ровно, сыто заурчал. Вовка взметнулся на соседний мотоциклет и тоже одним движением завёл.

— Гранёша ко мне в коляску, Юрик к Вовке. Пуговики на воротниках застегните, автоматы на затвор. Стрелять только вверх.

Это было слишком. Мы с Грашей, послевоенные, отпрянули к стене. Топорщащееся из распахнутых шкафов обмундирование целого немецкого мотополка упруго оттолкнуло нас обратно.

— Нет, я не поеду.

— Комсомолец, да? Ничё страшного, мы едем сдавать оружие. Я этот ухорон ещё год назад нашёл, но скажем, что сегодня.

— Тогда можно, — нерешительно проговорила Граша, осторожно села в коляску, подобрав под фуражку волосы и став похожей на самого молодого полковника рейха. — Только стрелять никто не будет, ладно?

Не знаю, зачем я тоже сел. Видно, побоялся остаться один здесь, в этом зловещем тайнике войны. Коляска была удобная, просторная, с ручками.

Фары вспыхнули ярче, осветили ловкий выезд. Мотоциклы рванули, и мы тут же оказались на дороге. Немчура, убегая «на время», всё продумала до наглых мелочей. В ногах у меня были пристёгнуты ящички с консервами, с гранатами, даже кобура с заряженной пистолью.

Автомат я не взял, а Граша, как и братья, перекинула «шмайсер» через плечо и стала вдруг необыкновенно весела.

В Боровичах шумел хоровод — тогда ещё водили хороводы. Девки-перестарки вперемешку с десятилетней мелюзгой, явившейся на этот свет аккурат перед войной, послевоенные пузанчики, выжившие на лебедь (некоторых вскармливали даже паутиной, бережно вынутой из углов, смятой в комочки и ошпаренной кипятком), — все топтались на околице, радуясь тёплой ночи и зрелому лету.

Мы скатили с большака и резко встали по обе стороны гульбища, осветив его ещё никем не забытыми страшными перекрёстными огнями.

— Хенде хох! — заорал Иван чужим, умело переделанным баском. — Аусвайс! Матка, яйки, курка!

А Вовка наперекор Граше долбанул вверх из автомата сухой, чудовищно знакомой очередью.

Народ разноголосо охнул и кубарем скатился от мотоциклов в жёсткие боковые травы. Только мелочь пузатая села, где бегала, и обиженно разревелась, будто при виде задиристого клювастого петуха.

— Цурюк! — крикнул брату Иван, вылетая с околицы обратно на дорогу. — А вы в колясках оба молчите, ваши голоса сразу узнают! И больше не стрелять!

— Куда мы? — крикнула ему Граша, уже снова насмерть перепуганная.

— К папочке!

— Не надо, Ваня, миленький!

— Надо!

Евген ещё сидел в правлении: тогда силились по примеру московских верховников работать допоздна. Делать было нечего, и Евген играл в карты с хитроумным счетоводом Подпертидырой. Это они называли «считать трудодни».

Фары осветили распахнутые окна и будто сделали в них пожар. Покрытый красным бархатом стол стоял прямо у подоконника и запылал, как жаровня.

Иван, в больших фашистских мотоциклетных очках, просунул дуло сквозь раму и вскричал истинным голосом Геббельса:

— Хенде! Мы вернуться! Кто есть председатель?

Евген и Подпертидыра быстро, словно привычно, вздёрнули руки и разом показали друг на друга.

Иван весело ткнул дулом Евгену на лацкан:

— Хер-рой? Ор-ден?

— Э... это не мой... — враз осипнув и кадыкасто сглотнув, выдавил Евген.

— Воевал с вермахт?

— Нет... нет! Плен, плен! Партизаны за это... чуть не расстреляли.

Евген был жалок, растерзанно требушист, будто посаженный на кол. Здоровые телеса его крупно тряслись, а физиономия, вечно блестящая и хищная, сразу вылиняла; и шевелюра, всегда любовно расчёсываемая железной гребёнкой, словно полезла с затылка, обнажая залысины, с которых катились горошины серого пота.

— Яволь, — едва сдерживая ухмылку, сказал Иван. — Список коммунистов на дер тыш, на стол, шнель.

Председатель, поддёрнув отчего-то сползающие штаны, вынул, судорожно путаясь в бумагах, разлинованную ведомость уплаты партийных взносов, протянул через окно.

Мохнатая его лапа, что всего неделю назад так зверски отбивала Ивану печень и почки, дрожала, как ножки барашка, ведомого на заклание.

Иван взял ведомость, медленно порвал на неровные куски, кинул обрывки в морду Евгену — и вдруг по-детски зашёлся в неостановимом смехе, сбросив очки и каску, указывая на председателя пальцем и притопывая в хохоте.

— Иван? — завизжал осрамлённый Евген, и грязные ручьи пота покатали с его башки ещё сильнее, теперь уже от бешеного гнева. — Решу, паскуда, на этот раз точно порешу!

Председатель брюхасто полез в окно, яро торопясь цапнуть шалопута за литую немецкую бляху.

И уже почти цапнул. Но тут трещёткой затарахтел из коляски автомат. Стреляла Граша.

Твёрдой своей левой ручонкой она жала курок до тех пор, пока боезаряд не выбил всю смолистую щепу между окнами; стреляла, плакала и смеялась от страха.

А когда автомат стих, дочь стояла над распластанным на полу отцом, закрывшим голову руками, не желавшим вставать до тех пор, пока не приехали из милиции и военчасти...

Учтя просьбу всех боровичан, Ивану, Вовке и Граше присудили по году, мне и вовсе полгода.

Евгену же вклеили полную десятку.

За то, что отдал список коммунистов.

Совсем недавно я вновь побывал в Боровичах. Боже мой, через пятьдесят с лишним лет, когда мне уж не семнадцать, а за семьдесят... Жизнь прошла — да нет, не жизнь, а пять или целых десять жизней. Каждому человеку в его единый земной срок назначено отведать много совершенно разной жизни.

Меня встретил Владимир Заброта. Он прожил с Грашей все эти полвека и повёл меня к своему дому, к ней.

По законам любовных писаний принято, что главная героиня с годами ничуть не меняется, и в финале всё так же светлы её глаза и притягателен облик. Может, и верно.

От нормально располневшей Гранёны теперь пахло молоком и пирогами — и этот запах был не менее приятен. Разве что не стучало моё сердце, и не душил сладкий обморочек, не захлёстывала счастливая волна. Всё стало спокойно, хорошо, по-родственному. То есть по-стариковски.

— Какой ты был... — с добрым сожалением сказала Гранёна, рассматривая мои обрюзгшие плечи и лицо. — Рисуешь?

— Куда уж безрукому, — пошутил я и тут же смутился от своей бестактности.

— А она и одной рукой мне четырёх вынянчила, — сказал понимающе Владимир, поджарый, ставший красивым той особой старческой красотой, которая есть награда людям честным и незлобивым. — Сходим на могилу к Ивану?

Иван умер двадцатилетним из-за отбитых почек.

Мы пошли втроём. Боровичи сделались совсем другие, хуже или лучше, не разберёшь. Избы-клуба не было, как и фермы, и тех доярок; осталась Десна-шептунья и закатно-рубиновые гривы лесов.

В пустой песчаной улочке нам попался трухлявый дед, сидящий на завалинке и встретивший нас полупоклоном и какой-то мёртвой улыбкой. Мы прошли мимо, я оглянулся: он смотрел вслед с теми же неподвижно растянутыми губами.

— Странная у него улыбка.

— Так это же Евгений. Он такой с отсидки вернулся.

Я заполошно вновь оглянулся.

— Что, посмирнел?

— Куда там... Бригадирил и долго ещё людей гонобил. Делает пакость — и тут же кланяется, и лыбится заискивающе. Головка прохудилась у вражины.

— Хватит, ладно, — мягко попросила Граша. — Значит, сполна заплатил. А сейчас он уже, считай, не живёт.

— Так и земля ему коменем.

Больше не говорили, только здоровались со встречными. Был яблочный Спас, люди шли и тихо светились.

Могилка Ивана была проста, низенька, в ровной ухоженной травке. У креста лежало белое яблоко — цельное и чистое, как душа...

Орловские берега

Елена Машукова

Елена Анатольевна Машукова родилась в 1963 году в Орле. С 1982 по 2012 год жила на Сахалине. Работала учителем, преподавателем вуза, редактором. Автор поэтических книг «На горячих крыльях» (2000), «Икебана из одуванчиков» (2003), «Лунница» (2009), «Рисунок на ладони» (2013), «Если вернуться» (2015). В 2014 году в Орле издана её сказочная повесть «Приключения Ромашики, или Тайна деревянной лошадки», написанная в соавторстве со Светланой Голубевой. Стихи и сказки для детей вошли в сборники «Вышел краб погулять» (Южно-Сахалинск) и «Весёлые превращения» (Орёл). Произведения публиковались в журналах «День и ночь», «Дальний Восток», «Подъём», «Волга XXI век», литературно-художественных сборниках «Остров», «Сахалин», «Детская литература Сахалина», в альманахе «Орёл литературный», в орловских и сахалинских периодических изданиях. Лауреат премии Сахалинского Фонда культуры, Межрегиональной премии имени А.А. Фета (Курск), Всероссийской литературной премии

«Вешние воды». Руководитель литературного объединения при Орловской областной организации Союза писателей России. Поэт, член Союза писателей России.

* * *

Наши тайны наивны.
Одинаково светит
Солнце робким и сильным.
Мы всегда Божьи дети.

И в лукавой гордыне,
И в лишениях, гонимы,
Мы, слепые, седые,
Всё же кем-то любимы.

А за что — неизвестно.
И как будто случайна
В суеде поднебесной
Эта светлая тайна.

* * *

Простота не хуже воровства.
Красота не лучше благородства.
Чистота тетрадного листа
И листа кленового сиротство
Совершенней Книги Перемен,
Завершённой круга постоянства.

На берегах небесных Ойкумен
Спят в песчинках эры и пространства.
Выплеснутся, только дайте срок,
Первый крик и скорбная молитва,
Ложь глупца и праведная битва,
И живой в лампаде мотылёк.

* * *

Белый камешек с Края Земли
Согласился стать талисманом.
Бьётся сердце его океаном,
А по венам бегут корабли.
Неприметный, у всех на виду,
Он таким переполнен светом,
Что легко морскую звезду
Превращает в звезду-планету.
Он такие дарует сны
И такие напевы помнит,
Что весенним вихрем наполнит
Вдох и выдох каждой струны.
На разломах небесных плит
Он любую беду переспорит.
Ждёт тебя на Краю Земли
Белый камешек с берега моря.

С горы

Как радостно с горы катиться,
Разбрызгивать осколки льдин,
Как сладко сердцу колотиться
И замирать на миг в груди!

Слились в потоке декораций,
Мелькают мимо, мимо, вверх
Пеньки, дубки, кусты акаций
И падающий с ёлок снег.

Морозцем обжигает щёки.
Весь из невидимых пружин,
Скользишь непостижимо лёгкий
Беспечным счастьем одержим...

Склон скоро повернёт в распадок
По снежным далям колесить,
И бесконечно жаль, что надо
Когда-нибудь затормозить.

Зимний костёр

Когда на дровах заискрится
Живая, текучая медь –
Прищуриться и сквозь ресницы
На острое пламя смотреть,
На злые, шипящие стрелки
В оправе вечернего льда:
На кобальтовой тарелке
Танцует морская звезда
Мелькающий, жадный, быстрый
Рассержен осиный рой –
Взметнутся сплясавшие искры
В туманность за «чёрной дырой»,
В седые, горбатые льдины,
Во тьму, над которой дымы
Неслышно и неотвратимо
Медведем встают на дыбы.

Комната с камином

В этой комнате с камином
на стене цветут жасмины,
и на купола собора
смотрят три окна.
На портьерах пляшут блики,
зеркала темны, безлики.
Мы ушли — и вновь возникли
в комнате из сна.

Мы не помним расставаний,
мы не знаем расстояний, —
чья-то воля роковая
нас теперь ведёт.
Спит огонь в каминной клетке,
и в его неровном свете
на полу играют дети.
Что же, что их ждёт
здесь, за гранью *пред*рассудка?..
Временного промежутка
приоткрыта дверь, но жутко
заглянуть в проём.
Катится по коридорам
в мрак заброшенного дома
серый лист фотоальбома,
скомканный огнём.

Из цикла «2014»

1. ЕЩЁ НИЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ

Выпала чаша из рук — не раскололась.
Злая стрела на лету остановилась.
Кто-то запел во тьме, да сорвался голос.
Что-то случилось сейчас. Что-то случилось.

Трижды кочет кричал, да на закате.
Воин вернулся домой, а нашёл там лихо:
Остов разбитой печи да обрывок платя
Под обгоревшей балкой во поле тихом.

А на другом полукружье бессонной планеты
Вздрогнул малыш во сне. Что ему приснилось?
Над колыбелью летит через ночь комета.
Спи, мой родной.
Ещё ничего не случилось.

2. ГАДАНИЕ НА ЗЕРКАЛАХ

Через росчерк пророчеств
На подрамник земли
Зеркала одиночеств
Коридором легли
И весь мир обманули.
В переливах реки —
Полнолуния угли:
Не плыви за буйки,
У дороги зеркальной
Не зови.
Не молчи.
Где-то в девичьей спальне
Ни окна, ни свечи,

Дождевые насечки
Тают в красном песке,
И дорогою в вечность
Лунный след на виске.

3.

Пахнет порохом осень
и кровью...
Вогнутой линзой
ночь скользит между полем и облаком,
прячет осколок стены.
Барабанят по гравии,
дзынькают брызгами
гильзы,
дождь поёт о забытом:
что ветви у яблонь
черны.

Шелестит на тропе
не сухая листва –
пепел серый.
Пахнет гарью
ночная осенняя мгла,
Пахнет серой.

4.

Переживу и ложь, и холод,
И одиночество в пути,
Войду, как тень, в знакомый город,
Но не смогу его найти...
В проулке вместо светофора
Мигает жёлтый круг луны.
Над бледным миражом собора
Плывут кресты, едва видны.
Плывут костры, сжигая звёзды,
Через вселенную мою,
Где тишиной раздавлен воздух
У той воронки
На краю.

Поезд № 603

Пустые хлопоты.
Случайный интерес.
День слякотный за окнами вагона.
Назад бежит, спешит трефовый лес,
над ним кружит пиковая ворона.
И провода,
и рельсы,
и ноябрь,
полей заплатки, станций эпизоды,
столбы, бытовки, хатки, огороды
и в воздухе сыром печная гарь...

Мой сонный край,
мой неудобный дом,
так дорог вдруг,
что жар сжимает горло.

Как просто всё.
Как быстро мчится «скорый».
Ритмичен стук колёс, да не о том
они стучат.
«Окно закрой. Сквозняк».
Сосед в купе храпит хмельно и ровно.
В промозглый сумрак,
в дальний березняк
пикирует
пиковая ворона.

Перекрёсток

Верно, спуталось время. Ты сегодня не спишь...
На каком перекрёстке в темноте ты стоишь?
И надеешься: где-то на холме золотом
Есть просторный и светлый
твой бревенчатый дом.

В нём распахнуты ставни, есть и печка, и стол,
Пахнет ветром кедровым в тёплой горнице пол,
Рушники, занавески, а в углу — образа,
Словно век утомился, оглянулся назад.
Сочно падают вишни сладким жаром в ладонь.
Станет грустно — сыграешь (есть под лавкой
гармонь).

Тени дум не тревожат и на сердце легко,
Если вдруг занеможешь — грей в печи молоко.
Осыпаются блёстки, обрамляя камыш...
На каком перекрёстке в темноте ты стоишь?
Может, спутались даты?
Может, жизнь не твоя?..
В непостроенной хате
Не раздуешь огня.

* * *

Разгорелись костры осенние,
Под осинами воздух светится,
На верёвочке шарик вертится,
Нам дарованный во спасение.
Рассыпается, брякая гранями,
Драгоценное наше прошлое,
Всё, что было у нас хорошего,
Пропадёт в листопадном пламени.
Распрощаемся да утешимся.
Но куда снуют пожарники,
Мы летим в синеву на шарике
Да сильнее за верёвочку держимся.

Молодые берега

Элина Тридевятова

Элина Тридевятова родилась в 1977 году в городе Калининграде. Окончила Балтийский федеральный государственный университет им. И. Канта в 1998 году. Живёт в Калининграде. В течение десяти лет работала преподавателем иностранных языков в школе и вузе. В настоящее время работает в сфере повышения квалификации учителей иностранных языков. Говорит на английском, немецком и испанском языках. Любимые поэты: Александр Блок, Марина Цветаева, Саша Чёрный, Алина Серёгина. С 2010 года публикует свои произведения на сайте «Стихи.ру» под ником Элина Тридевятова.

Час по слякоти и лужам

День Святого Валентина.
Мелкий дождик... Редкий снег...
И Московский скучно-длинный,
Обезличенный проспект.

Обветшалые приветы
Из ушедших вдаль эпох.
Спят творенья Кёнигсберга
В зябкой ветхости веков.

На маршрутку — не хватает.
На автобус — тоже нет!
Вот и мерю я шагами
Неприветливый проспект.

Час по слякоти и лужам.
Скоро ль встретится приют,
Там, где ждёт горячий ужин,
Где накормят и поймут.

Хозяйка Медной Горы

Мне б старый рудник заметить
И спрятаться до поры.
Авось, доведётся встретить
Хозяйку Медной Горы.

Проснулось бы вдохновенье —
Увидь я её хоть раз!
Но гложут меня сомненья:
Правдив ли о ней рассказ?

И в правду ль она красива,
Как все о ней говорят?
Таит ли былую силу
Лукавый зелёный взгляд?

И верить ли сказкам здешним
О щедрых её дарах?
А может, обманом грешен,
Кто видел её в горах?

Но верю, в укрытье жалком
Я дни проведу не зря.
И выйдет ко мне Хозяйка,
Усмешкой своей дразня.

Быть может, сперва обманет —
Затеи у ней хитры!
Но после кивком поманит
В хоромы внутри горы.

А там, пригубив Мохито,
И став добрее на вид,
Шкатулку из малахита
Неужто мне не вручит?

Очнусь потом на пригорке,
И, пыль отряхнув с колен,
Пойму, что навеки пойман
В её изумрудный плен.

О длинных её ресницах
Вздохну я ещё не раз.
И долго мне будет сниться
Холодная зелень глаз.

История приобретения маленького зеленого томика

До зарплаты три дня и пять евро.
Не судьба — в перерыве на ланч.
Положение слишком плачевно —
Хоть иди и у бюргеров кланчь!

Ждать чудес или плакать — без пользы —
Гамбург напрочь лишен волшебства,
И не верит слезам еще больше,
Чем родная когда-то Москва.

Прогуляться бы было не лишним —
От компьютера ноет в спине.
Загляну-ка в любимый свой книжный —
Почитаю часок в тишине.

На диванчик усядусь по-свойски,
Книжку — в руки и — верить иль нет?
За пять евро всего «Курт Тухольский» —
За гроши — мой любимый поэт!

Сразу — к кассе. Без всяческой мысли,
Что на жизнь-то не хватит теперь,
Покупаю и, радостно взвизгнув,
Выбегаю с пакетом за дверь.

Проездной есть — до дома доеду.
Дома хлеб есть — с ним можно пить чай.
Хлеб закончится — в гости к соседу:
«Ну, дружище, давай выручай!»

Продержусь уж три дня по-геройски,
Да, займу, наконец, у коллег...

Зато — звезды, лампа, Тухольский...
...И заботы забыты навек.

Вечерняя Рига

Полуденный зной убегает в подвалы.
С мансарды сползает задумчивый вечер.
И дворики Риги — красы небывалой,
А вид узких улиц почти безупречен.

За каждую ставней загадка таится.
И мы околдованы шармом старинным:
У двери в кафе благороднейший рыцарь,
Войти приглашая, склоняется чинно.

Увиты плющом старых башен секреты.
А ветер над ратушей флаги колышет.
И мерный скрип флюгера слышится где-то.
И спины коты выгибают на крыше.

Нас кофе волшебным пленит ароматом,
На белом фарфоре — янтарные блики...
И солнце, садясь, заливает закатом
Старинные башни таинственной Риги.

Дорога в школу

Здесь утром крадется дымка,
И куст над рекой поник.
К следам моего ботинка
Здесь каждый камень привык.

Миную мосток знакомый,
Где статуи хмурят лбы,
Под липами вдоль собора
Пятнадцать минут ходьбы.

И каждое утро, этот
Нехитрый свершая путь,
Слагаю в уме сонеты,
Грустя по кому-нибудь.

В командировку!

Страшно в полёте? — Кино смотрите!
Уши заложит — ириску в рот!
Завтра — в Москву, послезавтра — в Питер —
Вот, она — лучшая из работ!

Темпы: как спринтер на стометровке.
Сроки лишают порою сна.
Благо, спасают командировки,
Чтобы совсем не сойти с ума.

В иллюминатор глядишь при взлете,
Город из вида давно исчез...
Вроде не в отпуск... Вроде работать...
Только ты счастлив, впрямь, до небес!

И, ощущая кресло затылком,
Радуюсь счастью: вот оно! Вот!
Ты благодарность выразишь пылко
Самой чудеснейшей из работ.

Предвкушение Испании

Наполняй, мой друг, бокалы —
Быть в Испании нам вскоре!
Где вдали чернеют скалы,
И сплит лазурью море.

Где резьбою филигранной
Встретят Гауди колонны,
И волшебные фонтаны
Нам подарит Барселона.

Где нас высь лизнет ветрами —
Вновь на самый верх мы сдуру!

(Неизменный пункт в программе —
Горки «Порта Аventura»).

Где нас в дюнах Гвардамара
Вновь прибой баюкать будет,
И подаст морских омаров
Нам Испания на блюде.

И в Валенсии под зноем,
Где на пляже будем греться,
Нам Испания откроет
Апельсиновое сердце!

И напившись вин с лихвою —
До потери восприятья,
Мы Испанию с любовью
Заклучим в свои объятия!

Аленький цветочек

Старшей — брошку, мне — кокошник,
Младшей — аленький цветок.
А про чудище, похоже
Этой клуше невдомёк!

Я рядиться — мастерица,
Бусы, серьги, перстенёк...
Одолжи-ка мне, сестрица,
Твою брошку на денёк!

Брошь блестит, браслет сверкает —
Тот, кто знает в этом толк,
Ни за что не променяет
Их на аленький цветок!

Подвальчик Папаши Бэппе

Из зала на свет выползает народ,
Ещё размышляя о Джоне Дэппе...
Слегка проголодался? — Тогда, брат, вперёд!
В уютный подвальчик Папаши Бэппе!

Ступеньки, чугунная дверь — и затем
Встречает теплом полумрак подвала,
Где маски лукаво косятся со стен,
Игриво маня в сумбур карнавала.

У Бэппе в подвале всегда толкотня:
Отменная пицца — по вкусу многим.
Старинным традициям верность храня,
Орудуют пекари тут как боги!

Уютней подвальчика в городе нет —
Зайди, и легко убедишься в этом!
Тебе, улыбаясь довольно вослед,
Мигнет толстощёкий Папаша Бэппе!

Литературные юбилеи

К 80-летию Николая Рубцова

Сергей Багров

Известный вологодский прозаик Сергей Петрович Багров родился в один месяц и в один год с Николаем Рубцовым: поэт — 3 января, а прозаик — 8 января 1936 года. Более того, очевидно, по Божьему Промыслу они встретились в юности, подружились, вместе учились в техникуме в старинной Тотьме. Позже, когда Сергей Багров работал в районной газете г. Тотьмы, он часто общался с Николаем Рубцовым — как у себя дома, так и в незабвенной рубцовской Николе; обсуждали литературные темы, свои новые произведения. Сергей Петрович бережно хранит память о друге юности и молодости. Он один из немногих, кто написал искренние воспоминания о Николае Михайловиче Рубцове. Они лишены домыслов, правдиво показывают нам внутренний мир великого русского поэта. Думаю, в год 80-летия Н.М. Рубцова читателям журнала «Берега» будет интересно услышать живые свидетельства о поэте, с любовью воссозданные его другом, они стали новым дополнением к книге Багрова «Россия. Родина. Рубцов».

О Сергее Петровиче можно сказать, что ныне он — один из столпов Вологодской писательской организации, её гордость.

Геннадий САЗОНОВ

Дорога в рай. Рассказы о Николае Рубцове

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Где-то в конце 1969 года в двух вологодских районных газетах «Призыв» и «Маяк» появилось стихотворение Николая Рубцова «По мокрым скверам проходит осень...», которое по интонации, внутреннему настрою и использованию мрачноватых тонов пейзажа было схоже с «Осенней песней» французского поэта Поля Верлена. Кто-то из вьедливых стихотворцев заподозрил Рубцова чуть ли не в плагиате. Не знал того стихотворец, что сходству двух мощных творений невольно способствовала преподавательница французского языка Литературного института. Сообщил об этом учившийся вместе с Рубцовым студент-однокурсник Николай Попов.

— Любовь Васильевна, — вспоминал Попов, — на своих занятиях сначала прочитала на французском языке «Осеннюю песню» Верлена. Потом дополнила её переводом Валерия Брюсова.

Николай Рубцов, выслушав то и другое, пожалел, что не было рядом Верлена и Брюсова. И встретиться с ними не суждено. Он даже сказал грустно вслух:

— Как это всё далеко!

На что Любовь Васильевна тут же посоветовала Рубцову:

— Вот и приблизьте! Вы же поэт!

Ищу под крышей свою пещеру —
В ней тихо очень.
Горит пустынный электропламень
На прежнем месте.
Как драгоценный какой-то камень,
Сверкает перстень, —
И мысль, летая, кого-то ищет
По белу свету...
Кто там стучится в мое жилище?

Покоя нету!
Ах, это злая старуха-осень,
Лицо нахмуря,
Ко мне стучится, и в хвое сосен
Не молкнет буря!
Куда от бури, от непогоды
Себя я спрячу?
Я вспоминаю былые годы.
И я плачу...

СТИХОТВОРЕНИЕ НА ЛАДОНИ

От скуки, царившей на многих занятиях в Тотемском лесном техникуме, Рубцов уходил, углубляясь в процесс сочинительства стихотворений. Поэту было занятно. Зачем ему этот вывоз древесины? Строительство нижних складов? Ремонты дорог? Когда можно было умом и сердцем пробраться в лирическую стихию и ощутить себя в ней плодотворным творцом!

Тетрадка, которую он обычно прятал за голенище валенка или под узкий ремень на брюках, была у него постоянно в ходу. Действовал Николай как подпольщик, конспиративно, тайно и осторожно. Преподаватели ничего не знали об этой тетрадке. Считали его образцовым студентом, кто никому не мешал, сидел тихо и был внимателен и улыбочив. И на любой их вопрос мог ответить толково и чётко. Иногда даже лучше, чем объясняли они. Из-за чего его старались не беспокоить.

Какие стихи попадали в тетрадку? Знал об этом лишь он. Да тот, кто однажды взял и выкрал её. Потеря тетрадки Колю не омрачила. Обойдётся и без неё. Вместо тетрадки стал он записывать строфы свои на левой ладони. Запишет, запомнит и уничтожит, стерев строфу рукавом пиджака, а то и прямо языком. Само же стихотворение так и так оставалось в его голове. Какое оно? Любовное, хулиганское, злое или смешное? Никто не узнает. Сам же он возвратиться к нему мог всегда.

Позднее таким же способом писал он стихи на флотских политзанятиях — продолжительных, очень нудных, с которых всегда хотелось сбежать. Но никто не сбегал, все терпели. Один лишь Рубцов был задорен и свеж, и лицо его выражало главным образом то, что скрывалось от всех в потаённых стихах.

Рязанский литератор Валентин Сафонов, служивший вместе с Рубцовым на Северном флоте, утверждал, что «Видения на холме» Рубцов написал во время политзанятий.

Стоял 1958 год. Эпоха Хрущёва. Матросы слушали, одолевая тоску, о том, как надо выращивать кукурузу, как по морю плыть, взлетать в небеса, одним словом, иметь успехи в небе, море и на земле. Рубцов же, как и в Тотемском техникуме, был задумчив и бодр. Благо, он в это время творил.

...Россия, Русь, куда я ни взгляну!
 За все твои страдания и битвы
 Люблю твою, Россия, старину,
 Твои огни, погосты и молитвы,
 Твои иконы, бунты бедноты
 И твой степной бунтарский свист разбоя!
 Люблю твои священные цветы,
 Люблю навек, до вечного покоя...

Лирика и политика. Казалось бы, им противопоказано друг с другом дружить. Однако Рубцов доказал иное.

ГЛАВНОЕ БОЖЕСТВО

Человек должен быть счастлив! Всегда! Николай Рубцов, при всей его внешне сумбурной жизни, понимал это как никто. И стремился к тем вечным красотам, какие им были воспеты в его стихах, благо, тогда он только полно и жил, когда находился в горении слова. Жизнь повседневная и жизнь, рождающая шедевр. Эти две жизни стояли друг против друга, как два враждующих стана, вызывая в душе поэта предощущение катастрофы, которую он, иронически улыбаясь, решительно отвергал, хотя как игрок, заигрывающий со смертью, знал, что на этом свете оставлено место и для неё. Спасало поэта от катастрофы главное его божество — родная природа и то, что он мог нести её в сердце и радоваться, когда удавалось сказать о «грозном и прекрасном» мире всё, что требовала душа.

Успокоение... Слово это слишком большое, вмещает в себя не только вселенский покой, но и земные счастье с любовью. Обо всём об этом поэт многократно высказывался в стихах. А однажды летом (не помню какого года), когда мы, несколько человек — Рубцов, Коротаев, Романов, Белов, Сушинов и я — собрались у кого-то из нас на квартире и читали по очереди книгу «Ходю», Белов сказал:

— Отличная проза! Написано про китайца, а читаешь, как про себя.

— Именно так! — засветился Романов. — Беда за бедой колошматят этого пилигрима! А он, вопреки этим бедам, спокоен и даже весел!

— Неунывающая душа! — улыбнулся Сушинов.

— И у нас, — подхватил Коротаяев, — сколько таких неунывающих Ходей разбросано по Руси. Живучие, как муравьи. Никакая их сила не уничтожит! И вот спрашиваю у вас: чем живут эти Ходи?

— Силой своей души, — ответил Рубцов, — спокойствием духа. И ещё: неумением обижаться и обижать... — Сделав паузу, Николай чуть прищурил глаза. — Хорошо бы об этом сказать стихами.

— В чём же дело? — не выдержал Коротаяев. — Скажи!

— Непременно скажу! — согласился Рубцов. — Через книгу. Я и название ей придумал: «Успокоение». Собственно, книга почти готова. И лежит в моей голове. Остаётся её записать и издать...

Приблизительно так говорил Рубцов за этим застольем. И, надо думать, свой замысел смело осуществлял. Мне и позднее не раз приходилось слышать от Николая:

— Надо такую книгу, где бы редактор был со мной заодно и нигде бы меня не правил.

Но Рубцов не успел. Книга, в которой бы всё было так, как хотелось поэту, так и не вышла. И слова поэта, что он назовёт её «Успокоением», так и остались словами.

Ан нет! В моих руках книга «Николай Рубцов». Автор её — Тамара Данилова. Вот что она сообщает:

«В Вологодском архиве, в рубцовском фонде, среди других материалов и документов хранится листок, на котором рукой самого Рубцова написаны (и пронумерованы) названия тридцати девяти стихотворений с общим заголовком «Успокоение». По-видимому, это проект несостоявшегося сборника стихов.

Великому Поэту России книгу «Успокоение» в задуманном поэтом виде издали как в Петербурге, так и Вологде. Воистину Рубцов и после жизни остаётся для нас действующим поэтом. Вот как объясняет Тамара Валентиновна это ёмкое слово:

«Успокоение — это достижение единства и гармонии с Природой, с мирозданием, это счастливые моменты, когда человеком овладевает ощущение цельности и полноты жизни! При этом отступает и боль душевная, и тревоги сиюминутные пропадают, наполняется душа человека силой и красотой, взлетает дух человеческий вольным соколом». И ещё:

«Единство с Божественной Природой — основа поэзии Николая Рубцова, основа жизни поэта. Он жил в Природе, она — в нём. Всё во всём. Вот Божественная суть жизни наших предков. Единство с Природой — это не только проживание на природе, скажем, в сельской местности, это и следование её Законам, что предполагает их Знание (то ли утраченное в связи с принятием христианства на Руси, то ли так и не успевшее стать законом жизни наших предков). Гениальному Рубцову было дано понимание души и языка Природы, души мироздания. Если и бывал он в повседневной жизни, которая ставила перед ним сложнейшие и неразрешимые силами отдельно взятого человека проблемы, раздражительным или колючим, то на природе совершенно преображался, не просто отдыхал, весь высветлялся, сливался с окружающим миром, душе его «сходило УСПОКОЕНИЕ».

НЕЛЬЗЯ!

Москва. Октябрь 1964 года. Общежитие Литинститута. Хозяин комнаты, осетинский поэт Хазби Дзаболов перебирает подстрочники, передавая их Николаю Рубцову.

— До Нового года сможешь? — спрашивает Хазби.

— Смогу, — отвечает Рубцов.

Мы с Анатолием Передреевым только что возвратились из магазина. Ставим на стол бутылку «Московской». Подстрочники — в сторону. Садимся к столу. Передреев глядит на меня:

— За что?

— За орлов. Таких, как Рубцов, Передреев, Дзаболов! — себя специально не называю, полагая, что я до этого не дорос.

Приют, доброта, расположение к разговору.

Рука Дзаболова потянулась к бутылке. Но тут Рубцов окидывает меня с Передреевым непонимающим взглядом:

— Это же некультурно. Ничем не закусывать после водки. Об икре я не говорю. О хлебе! Почему его не купили?

Передреев срывается к двери.

— Икры я, конечно, не обещаю. Но хлеб — пожалуйста. Я — сейчас.

Поход Передреева по этажам затянулся. В комнатах, где обитали студенты из русских провинций, хлеба не оказалось. Ему показали на дверь двумя этажами выше, где жили грузины:

— Там есть.

Передреев вошёл к ним, как входят к своим. Увидев стол, а за ним четвёрку спортивного склада чернявых горцев, он улыбнулся:

— Выручайте, ребята! Хлеба забыли купить. Дайте до завтра!

Налитые кавказским здоровьем плечи не шелохнулись.

Передреев увидел тарелки с сыром и колбасой, пару бутылок вина, виноград и нарезанный хлеб. Готовились к ужину, и приход его был, пожалуй, некстати. Почувствовав это, он хотел уже уйти. Но один из горцев жестом руки попросил его задержаться. Второй взял со стола ломтик хлеба. Третий, приняв этот ломтик, проткнул в нём пальцем дыру. Четвёртый расширил дыру и, подняв ломтик к лицу, посмотрел сквозь отверстие чёрным глазом Передреев встретился с глазом, глядевшим из хлеба, как наглая мордочка из норы. Он бешено развернулся, пнул ногой в дверь и, разъяренный, спустился по лестнице к нам.

— Они меня оскорбили! — слова на губах Передреева, право, скакали, настолько он был взволнован и возмущён. — Пошли! — Он загрёб рукой воздух, забирая в гребок и нас. — Пошли бить грузин!

Жест Передреева был эффектен и мигом сорвал нас из-за стола. Я сам не заметил, как бросился к двери, где нас ждал оскорблённый поэт. Но тут почувствовал пальцы Рубцова, схватившие борт моего пиджака. И голос его:

— Нельзя!

Минуту спустя, когда мы чуть поостыли, Рубцов сказал, как мог сказать, наверное, только пророк:

— Грузины, хотя и советские люди, но нас бы русских, не пощадили. Постарались бы всех четверых запечатать в тюрьму. А туда нам нельзя. Что нас ждёт впереди?

— Свобода, — сказал Передреев.

— А что ещё?

Улыбнулся Дзаболов:

— Ненаписанные стихи...

ЛОШАДЬ В ГОРОДЕ

Сколько коней повидал на своём веку Николай Рубцов! Не нам и считать. А если нам, то мы непременно собьёмся со счёта.

Первую лошадь по кличке Сильва Коля увидел в селе Красково. На ней детдомовский возчик Василий Иванович Поливин отправлялся возить дрова, картошку и воду. И в город — на ней. И пахать огороды — на ней. Однажды Коля, осмелившись, попросил:

— А можно я её подержу за вожжи?

Поливин не отказал. Посадил шестилетнего Колю рядом с собой на перед телеги. Дал ему вожжи. И рассмеялся:

— Поехали, что ли?

У Коли улыбка от уха до уха:

— Ага!

Недалече и ехать. Какой-нибудь километр. Привезти с лесопилки десяток досок. Коля бодр, как весенний скворец. Ещё бы! Такая большая, с хвостом до земли, черногривая лошадь, не кому-нибудь там, а ему подчинялась и шла, управляемая вожжами, которые были в его руках. Да и дорога такая живая! Вон козлик сворачивает в кусты, уступая им путь. Вон кроха-цыплёнок в траве, заблудился, видать, и не знает, как возвратиться теперь к своей маме. Вон лужа, откуда торчат моргающие глаза.

— Это чего? — изумляется Коля.

— Квакухи! — растолковывает Поливин. — Ночью был дождь. Вот и налило по дорогам. Для лягух лужи — рай...

Последнюю лошадь видел Рубцов на одной из улиц Великого Устюга. Шла она по каменной мостовой. С телегой, нагруженной наполненными мешками. Шла еле-еле, с уныло опущенной головой.

— Чего это с ней? — удивился Рубцов. Спрашивал он Мартюкова Толю, друга своего по детдому, к кому он приехал, чтоб познакомиться с древним городом и провести здесь несколько летних деньков

— Не с ней. А с ним, — поправил его Мартюков. Идёт от ветеринара... Был добрым молодцом. А теперь...

Рубцов моментально притих. Стал задумчив. И шёпот пошёл от него. Стихотворный шёпот. Строка за строкой. Смекнул Мартюков: друга его настиг порыв внезапного вдохновения. Возбудил его конь. И теперь Николай весь в пылу поэтического искания.

Легкой поступью, кивая головой,
Конь в упряжке прошагал по мостовой.
Как по травке, по обломкам кирпича
Прошагал себе, телегой грохоча,
Между жарких этих каменных громад.
Как понять его?
Он рад или не рад?
Бодро шёл себе, накормленный овсом,
И катилось колесо за колесом...
В чистом поле меж товарищей своих
Он летал, бывало, как весенний вихрь,
И не раз подружке милой на плечо
Он дышал по-молодому горячо.
Но однажды в ясных далях сентября
Занялась такая грустная заря!
В чистом поле, незнакомцев веселя,
Просвистела, полонив его, петля...

Мартюкова Рубцов уважал не только как друга, но и как редкостного поэта. Спросил у него:

— Надо же столько мужества и терпенья! Был под ножом у ветеринара. Между жизнью и смертью. Ему бы сейчас отдохнуть. А он с тяжёлой телегой?

— Такова доля всех жеребцов, — философствовал Мартюков. — Не гулять в вольном поле среди сверстников и подружек. А нести на себе работу. Быть покорным. Ну, точно ярыжкам, когда они на верёвках тащили по Сухоне купеческие суда...

Снова шепчет Рубцов. И вот уже вслух:

— Под огнём... ножа. Какова ножа? Не найду чего-то зловещего, в то же время и явного. А-а-а? Не знаешь?

Мартюков сам творец. Сам прошёл сквозь муки поиска нужного слова. Подсказывает Рубцову:

— Под огнём ветеринарного ножа.

Рубцов возбуждён:

— То, что надо!

Целый день нашёптывал Николай. Наконец, закончил стихотворение. Конь его, как лихой удалец, кому жить и радоваться простору. Однако его, как разбойника, повалили на землю, связали и обесчестили, убив его будущее росчерками ножа. Для чего?! Для того, чтобы был он послушен хозяину и работал.

Получилось не просто стихотворение — нечто высшее, что пугает и беспокоит.

Тут попал он весь, пылая и дрожа,
Под огонь ветеринарного ножа,
И поднялся он, тяжёл и невесом...

Покатилось колесо за колесом.
 Долго плёлся он с понурой головой
 То по жаркой,
 То по снежной мостовой,
 Но и всё-таки, хоть путь его тяжёл,
 В чём-то он успокоение нашёл.
 Что желать ему?
 Не всё ли уж равно?
 Лишь бы счастья
 Было чуточку дано,
 Что при солнце, что при дождике косом...
 И катилось колесо за колесом.

Драма, под стать самому Шекспиру. Почувствовал я всю её глубину, когда в Биряковском Доме культуры состоялся вечер памяти Николая Рубцова. Было это в 2006 году. Пела «Судьбу» (так называется стихотворение) воспитательница Кадниковского детского дома Лариса Суворина. Пела не столько голосом, сколько сердцем. И такая щемящая грусть, такая утрата пали в заполненный зал, что я не мог удержаться и тихо заплакал.

РЯДОМ С РОДИНОЙ

Сегодняшний день и Рубцов? Иногда я вижу его, вступающего в зал, где все места заняты. Вступающего не через дверь. А прямо через каменную стену, которая при этом остаётся целой. Словно пришёл сюда решительный Гость. И улыбается во всё своё нестареющее лицо:

— Я пришёл для того, чтоб сказать всем неверующим: без поэзии, так же как без любви и милости, нет России!

Любимец Рубцова, он же его учитель и вдохновитель Александр Сергеевич Пушкин сказал:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный.
 К нему не зарастёт народная тропа.
 Вознёсся выше он главою непокорной
 Александрийского столпа...

Не знал Александр Сергеевич Пушкин, что, говоря о себе, он говорил и о Рубцове, певце, который спустился на нашу землю без малого через сто лет после него. Так же, как не знал Николай Рубцов того, что, говоря о Пушкине, он одновременно скажет и о себе:

Словно зеркало русской стихии,
 Отстояв назначенье своё,
 Отразил он всю душу России
 И погиб, отражая её.

Что тут можно ещё сказать? Одно: Рубцов и Россия неотделимы!

Не по собственной воле оказался Рубцов в Никольском, где родным его домом стал детдом № 6. Здесь, ещё в школьном возрасте писал он стихи. Стихи эти не сохранились. Были они сожжены в детдомовской печке вместе со стенгазетами, куда они время от времени помещались. Да и не жаль их, потому как они никакой поэтической ценности не представляли. Лишь отмечали опыт, с каким подрастающий мальчик год за годом приближался к духовным высотам, на которые в нужный час и взойдёт, как великий певец. Восхождение же своё начал Рубцов именно здесь, в Никольском, или в деревне Никола, как он любил называть эту весь. Только за летне-осенний сезон 1964 года он написал 39 стихотворений. И почти все — шедевры. Стихи эти стали классикой русской литературы. Почему легли они на душу нам, как выражение высочайших человеческих чувств? Да потому, что писал их поэт с любимой земли.

Но что Емецк с Никольским объединяло? Ведь между ними пятьсот, не менее, километров. Емецк — место, где появился крохотный Коля Рубцов. Никольское — географическое простран-

ство, где он ощутил себя на родительской почве. В этом ключ, открывающий дверь в хранилище, где ответ: почему Рубцова всегда тянуло в Николу? Именно потому, что интуитивно с помощью собственных чувств и предчувствий он ощущал здесь свою настоящую родину, ту самую, где были когда-то все родственники его.

А она, сокровенная родина — в каких-нибудь пятидесяти километрах от любимейшей по эту деревни Николы. На берегу речки Стрелица. Здесь у родителей будущего поэта Михаила Андрияновича и Александры Михайловны Рубцовых родились первые дети: Надежда, Таисья, Галина. В этом краю, переполненном сенокосными глориями, ягодными лесами, весёлыми ливнями, пляшущими в водах реки золотящимися лучами должен бы был родиться и Коля Рубцов. Однако зигзаги судьбы увели отсюда Рубцовых. Увели в иные края, включая Вологду, Емецк, Няндому, снова Вологду, а потом — в никуда. Произошла катастрофа, сравнимая разве с крушением поезда, мчащегося по рельсам. Крушение двух миров. И если один из них из последних сил цеплялся за почву, которая кормит, то второй — строил на этой почве социализм, ставший предтечей трагедии, которая выморила деревню.

Лесная опушка, кузнечики на лугу, речка с плывущей по ней утиной семейкой. Всё это было и есть как на Стрелице, так и на Толшме. И тут, и там красота, с какой сравнимы разве уголья роскошного рая. Вот почему маленький Коля Рубцов в окрестностях тихой Николы ощущал себя сыном здешних полей, деревень, косогоров, лесов, ручейков и речек. Здесь было ему свободно и смело, как если бы он резвился на берегах бойкой Стрелицы, где прошло обитание нескольких поколений его православной родни.

Речка Толшма. Так много о ней уже сказано. О речке Стрелице, считай, не сказано ничего. Но это пока. Хотя и сегодня мы знаем, что на её берегах жили истинные мужи. Сильные духом и благородным влиянием на людей. Один из них — приходский священник Феодосий Малевинский. Как продолжатель дела своего отца, он закончил Вологодскую духовную семинарию и в 1895 году был рукоположен в сан священника. Всю свою жизнь, вплоть до 1918 года, Малевинский истово служил прихожанам Спасо-Преображенского храма. С первых дней Советской власти он выступал за сохранение церковного монолита. Красотой и величием завораживали возвышавшиеся над селом Спасским два храма во имя Преображения Господня и во имя Рождества Богородицы. И вот не стало их, несмотря на то, что Малевинский положил все свои силы, всю свою душу, чтобы уберечь их от разрушения. Для прихожан своих был Малевинский ярким примером служения Отечеству, Богу, Царю и Русской земле. Как заступника собственного народа его ввели в разряд ярых противников Советского государства. Трижды он испытал на себе казуистику большевистского правосудия, приговорившего его в 1937 году к расстрелу. 19 января следующего года приговор был приведён в исполнение.

19 января, но уже 1971 года был убит и Николай Рубцов. Невероятное совпадение. Как если бы назначением дня смерти обоим героям занимался кто-то из высших судей, служивших, однако, Дьяволу, но не Богу.

Исламо-христианские берега

Владислав Краснов

Доктор Владислав Краснов, бывший профессор и глава Русского отдела Монтерейского Института Международных Отношений (МИО) в Калифорнии, теперь возглавляет Общество американцев за дружбу с Россией www.raga.org. Он автор книги «Новая Россия: от коммунизма к национальному возрождению».

Имам Ильяс Абд аль-Алим Ислам (доктор Морроу) осуждает ИГИЛ

Американский исламовед и арабист, доктор Джон Морроу считает руководителей ИГИЛ отступниками ислама. Он призывает всех мусульман следовать обетам пророка Мухаммеда, данным христианам. Группа мусульманских учёных обратилась к мусульманам всего мира с требованием осудить террористическую деятельность руководителей ИГИЛ и других экстремистских течений, как антиисламскую.

Глобальная война против терроризма, объявленная США после теракта 11 сентября 2001 года, привела к тому, что под влиянием западных СМИ, терроризм стал *неправомерно* ассоциироваться с религией ислама.

Недавние теракты ИГИЛ в Париже и в Сан-Бернардино (штат Калифорния) подхлестнули волну *исламофобии* в США. 7 декабря 2015 года ведущий кандидат в президенты Дональд Трамп предложил регистрировать граждан США, исповедующих ислам, и обещал *закрывать въезд в страну для мусульман, если он возглавит США*.

Хотя США дружат с некоторыми мусульманскими странами, объявленная ими *глобальная война против терроризма* воспринимается многими как инкубатор враждебности к исламу и *исламской цивилизации*.

Увы, западные СМИ подхватили самонадеянные заявления о *джихаде* фанатиков *такфириров*¹ и *вахаббитов*², как выражение якобы агрессивной сущности ислама.

Задача здравомыслящих людей — не подливать масло в огонь, а избегать любых *огульных обвинений против ислама*, как и любой другой религии, и разоблачать их провокаторскую подоплёку.

Канадский арабист, принявший ислам

Доктор Джон Эндрю Морроу (John Andrew Morrow), американский профессор, один из этих здравомыслящих. Потомок индейцев, он вырос в Канаде в смешанной католической семье, где говорили по-французски и по-английски. В молодости принял ислам. Виртуоз межкультурного общения, он освоил арабский язык. По окончании исламской семинарии, Джон получил титул шейха, потом стал имамом и принял арабское имя Ильяс Абд аль-Алим Ислам (Ilyas Abd al-Alim Islam).

В Северной Америке мусульман не так много, как в Европе и России. И всё-таки речь идёт о миллионах: в США их около 7 млн (2,11% из 316 млн), в Канаде — 1 млн (3%). После теракта 11 сентября 2001 года, насчёт истинных спонсоров которого есть серьёзные подозрения, многие мусульмане Северной Америки страдают от дискриминации, подозрений и косых взглядов.

Доктор Морроу удручён *предвзятым* отношением западных СМИ к мусульманам. Он знает, что нынешнее противостояние между мусульманами и Западом далеко *не религиозного происхождения*. Оно служит интересам наиболее агрессивных кругов США, применяющих тактику *«разделяй и властвуй»* не только в отношении мусульман.

¹ См. *Такфиристы: Верные солдаты армии дьявола*. 28 мая 2014
<http://islamreview.ru/est-mnenie/takfiristy-vernnye-soldaty-armii-davola/>

² <http://islamvera.ru/islam/rasskazhi-mne-ob-islame/manxadzh/kto-takie-vaxxabity/>

Он знает, что чаще всего жертвами террора, как и жертвами *войны США против террора*, является гражданское население стран Ближнего Востока. Большинство терактов совершаются против *других* мусульман, суннитов против шиитов и наоборот. Так, накануне теракта в Париже, теракт ИГИЛ в Бейруте против шиитской «Хезболлы» унёс жизни 43 граждан Ливана. Как мусульманин, Джон сочувствует всем невинно пострадавшим единоверцам.

Но он сочувствует и невинно пострадавшим христианам. Жертвами террора всё чаще становятся люди христианских общин Ближнего Востока и Северной Африки, где христианство предшествовало исламу и сотни лет сосуществовало с ним. Джон убеждён, что открытые казни заложников боевиками Исламского Государства (ИГИЛ) способствуют закреплению *отрицательного имиджа* ислама, созданного западными СМИ.

Исламофобия на Западе

Недавние кровавые беспорядки в Израиле и на оккупированных палестинских территориях были использованы западными СМИ для закрепления образа *«мусульманских фанатиков с ножами и камнями»*. Антимусульманская и антиарабская пропаганда распространяется вопреки тому, что масштабная колонизация палестинских земель израильскими поселенцами сама по себе является фактором террора и источником напряжённости на Ближнем Востоке. Масла в огонь подлил премьер-министр Беньямин Нетаньяху, объявив в октябре 2015 года, что идею Холокоста Гитлеру якобы подсказал главный муфтий иерусалимских мусульман Хадж Амин аль-Хусейни во время визита в Берлин в ноябре 1941 года.

Получается, что чем больше человечество «прогрессирует», тем дальше откатывается назад к варварству. Даже в эпоху Крестовых походов не было такого обострения мусульмано-христианских отношений. Карен Армстронг, бывшая монахиня, а теперь маститый автор книг о религиях мира, считает, что *исламофобия «глубоко укоренилась в культуре Запада. Она восходит к Крестовым походам... Мы гордимся, что отвергли антисемитизм, зато мы погрязли в исламофобии»*.

Книга Морроу об исламе и христианстве

Это не может не беспокоить таких эрудированных и миролюбивых людей, как доктор Морроу. В 2013 году он опубликовал книгу *The Covenants of the Prophet Muhammad with the Christians of the World* («Обеты пророка Мухаммеда христианам всего мира»). Книга вызвала сенсацию как первое систематическое исследование *целого ряда соглашений* пророка Мухаммеда с христианами.

Известно, что изначально отношение мусульман к *людям Писания*, то есть к христианам и иудеям, было толерантным и почтительным. Многие темы и герои *Ветхого* и *Нового Заветов* перекочевали в *Коран*. Мусульманский праздник Курбан Байрам зиждется на предании *Ветхого Завета* о праведности Авраама (Ибрагима). Иисус из Назарета почитается в исламе, как один из пророков по имени Иса.

Известны и предания о дружественном отношении основателя Ислама к христианам. Морроу ссылается на историю Османской империи, написанную князем Дмитрием Кантемиром (1673-1723). Кантемир описал встречу юного пастуха Мухаммеда, будущего пророка, с монахами Синайского монастыря. Встреча предопределила дружеское отношение пророка к христианам и побудила его дать монастырю *Охранную грамоту*. После завоевания Египта в 1517 году Султан Селим I, купил за четыре тысячи золотых монет *оригинал фирмана Мухаммеда* у монахов Синайского монастыря и даровал монастырю своё покровительство.

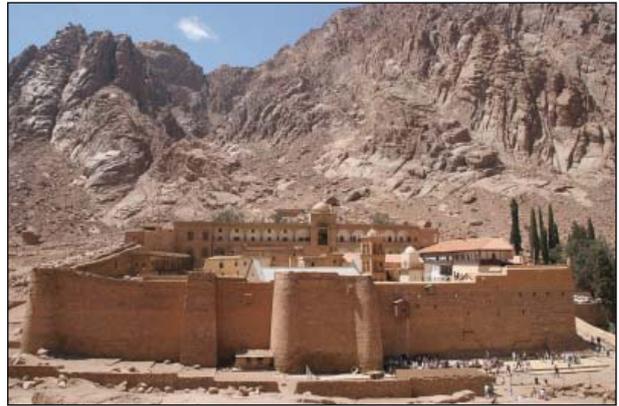
Морроу приводит убедительные доводы, что *покровительственное* отношение пророка Мухаммеда к христианам Синая не было исключением, но было *зафиксировано документально* в целой серии обетов, данных пророком христианам разных общин. *Почти все эти документы остаются неизвестными, как на Западе, так и в мусульманских странах.*

«Заветная инициатива» и «Обеты пророка Мухаммеда»

Отзывы учёных разных стран на книгу Морроу были настолько одобрительны, что возникла *«Заветная инициатива»* (*Covenants Initiative*) в поддержку аутентичности соглашений пророка Мухаммеда с христианами. Эта *«Инициатива»* уже подписана несколькими сотнями видных мусульманских деятелей.

Фирман Мухаммеда. Фото Ильи Колпакова

Монастырь Св. Екатерины на Синае

В 2015 году Морроу дополнил своё исследование 70-страничным буклетом, «*Six Covenants of the Prophet Muhammad with the Christians of his Time: The Primary Documents*». Помимо «*Обета пророка Мухаммеда монахам горы Синай*» буклет включает «*Договор с христианами Персии*»; «*Охранную грамоту христианам Наджрана*»; «*Обет христианам всего мира*» («*рукопись горы Кармель*»); «*Обет христианам всего мира*» («*рукопись из Каира*») и «*Обет ассирийским христианам*».

Все шесть обетов строго предписывают мусульманам не только не нападать на христиан, но и защищать их от нападений. Они предписывают не разрушать христианских церквей и не перестраивать их в мечети. «Ни одно из церковных зданий да не разрушится, собственность церквей да не пойдёт на строительство мечетей или домов для мусульман. Тот, кто поступает вопреки этим запретам, нарушает заветы Аллаха и противится воле Посланника Аллаха», - говорится в Обете на Синае.

Типично для всех шести обетов и такое предписание: «*Если женщина-христианка входит в мусульманскую семью, её должно принять с добротой и дать возможность молиться в её церкви... Тот же, кто нарушит этот Обет Аллаха и поступит вопреки ему, тот является бунтарём в глазах Его Посланника*».

Разумеется, Обеты были даны на основе взаимных обязательств со стороны христиан. «*Если мусульманин нуждается в христианской помощи, христианин должен дать ему постой и укрытие от врагов в течение трёх дней и ночей... Христиане должны... защищать женщин и детей мусульман, не доставлять их или обнаруживать врагам*», — гласит «Обет христианам Ассирии».

Все шесть Обетов содержат одинаковые требования. Но они не написаны «под копирку», а варьируются в зависимости от местных условий. Все «Обеты» даны от имени пророка Мухаммеда и заверены подписями десятков его подвижников и свидетелей.

Как президент Общества американцев за дружбу с Россией «Добрая Воля» (<http://www.raga.org/>), по просьбе доктора Морроу я перевёл этот буклет на русский язык, ибо считаю своим долгом способствовать гармонии межэтнических и межконфессиональных отношений *внутри* стран, являющейся залогом мирного сосуществования *между* странами. Готовится русское издание буклета.

Хотелось бы особо побудить российских исламоведов, арабистов и историков к изучению всех примеров сосуществования и сотрудничества мусульман и христиан.

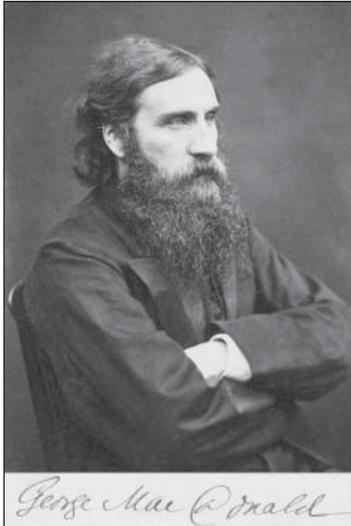
Историческая справка

Первый печатный перевод «*Обета монахам Синайской горы*» на русский появился в 1850 году в книге А. Уманца «*Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой земле*» (СПб.). Под названием «*Жалованная грамота пророка Мухаммеда*» он помещён на сайте Московской патриархии. Более современный перевод под названием «*Охранная Грамота (фирман) Пророка Мухаммада*» выставлен на сайте Центральной мечети города Алма-Ата в *Казахстане*.

Переводы

Шотландские берега

Джордж Макдональд

Джордж Макдональд (1824-1905) родился в Хантли (Шотландия). Образование получил в Абердине в Королевском колледже, который окончил в 1845 году. Он был Министром конгрегации Академического собрания (совещательный орган в английских университетах) в Арунде (Сассекс) в течение 1850—1853 годов, но позже посвятил себя литературной деятельности и чтению лекций. Его первыми публикациями были стихи (1855), прозаические произведения появились в печати в 1858-м.

Начиная с 1860-х годов, в течение всего последующего тридцатилетия автор работал с исключительной интенсивностью. Многочисленные рассказы, повести, романы принесли Макдональду заслуженный успех как мастеру слова высокого класса, тонкому стилисту, обладающему уникальной поэтической манерой письма, которая позволила ему в художественной форме решать сложнейшие этические проблемы.

КАРАЧУН¹

Сказка «для тех, кто невинен и искренен как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли, или семьдесят пять»

Окончание, начало в № 6-2015

Перевод Риммы ЛЮТОЙ

От автора перевода

«Любовь к ближнему — единственная дверь, ведущая на волю из темницы собственного «я»...». Эти простые слова истинного христианина принадлежат замечательному шотландскому писателю XIX века Джорджу Макдональду. И надо сказать, вся его биография, творческая и личностная, их подтверждает.

В декабре 2014 года исполнилось 190 лет со дня рождения этого поистине феноменального человека, в судьбе и в духовном облике которого неразрывно переплелись взаимоисключающие, кажется, черты и события. Утончённость натуры — и происхождение из хозяйственной семьи

¹ Слово «карачун» имеет несколько противоположных значений. Оно знаменует в славянской мифологии начало зимнего солнцеворота и Слово «Карачун» имеет несколько противоположных значений, оно знаменует в славянской мифологии начало зимнего солнцеворота и связанного с ним праздника. В древнерусском и словацком языках «карачун» – «рождество»; в болгарском – «рождественский день»; закарпатском – «рождественский пирог». Традиция также связывает с понятием «карачун» влияние злого духа. Так, у белорусов «карачун» – это «внезапная смерть в молодом возрасте, судороги»; «дух, сокращающий жизнь». Сходное понятие есть и у великороссов – «гибель», «смерть», «злой дух». Происхождение слова «карачун» некоторые специалисты выводят от латинского «Quartum jejuniū» – «четвёртый пост»; однако возможно и образование от сербохорватского глагола со значением «шагать» – «переходный (рубежный) день»; не исключено и заимствование из албанского – «пень», «обрубок дерева», «рождественское дерево».

белильщика... Дар увлекательного романиста — и вдохновение поэта...

Жизнь Макдональда проходила в неустанных трудах и переездах: работа домашним учителем, редактором детского журнала, чтение лекций по английской литературе и по математике... Он пребывал в постоянном поиске заработка — трудная доля живущего в счастливом браке отца семейства с одиннадцатью детьми. Это, однако, не умаляло горячей сердечности, с которой Джордж вместе с супругой Луизой устраивал благотворительные мероприятия в пользу малоимущих. Он оставлял по себе добрую память везде, где бы не приходилось жить семье.

Макдональд обладал восхищавшими многих изысканными манерами, был глубоким знатоком родного фольклора; дружил со многими выдающимися современниками: писателями Марком Твенем и Льюисом Кэрролом, поэтом Альфредом Теннисоном, с блестящим знатоком искусства Джоном Рёскиным, с художниками Артуром Хьюзом и Эдвардом Бёрн-Джонсом... Лёгкость на подъём сочеталась в нём с бесстрашным практическим человеколюбием и духовной самоотверженностью христианского проповедника, не ограниченного жёсткими догмами.

Неутомимый в творческих поисках и идеях, Джордж Макдональд оставил богатое литературное наследие. Яркое, одновременно тяготеющее к претворению традиции, с многочисленными культурными переключками — и неожиданное по мысли и образности. Обладающее языком, в котором сочетается книжность, изящная простота, точность и смелость в деталях. Благодаря своим писательским экспериментам Макдональд по праву именуется создателем литературного стиля «фэнтэзи». В его фантастических романах внимательный читатель и по сей день готов разгадывать тайные смыслы, а созданный им мир волшебных сказок содержит высокие нравственные максимы. В текстах Макдональда всегда присутствует духовный выбор: деятельному, самодовольному и нередко по-настоящему страшному злу, угрозы которого могут быть прописаны детально и жёстко, противопоставит человеческая доброта и честь, подлинная духовная красота, чистота души, верность и последовательность в дружбе и любви, проявляющиеся в каждодневном существовании. «Я пишу не для детей, — сказал он однажды, — но для тех, кто невинен и искренен как ребёнок, пять ли ему лет, пятьдесят ли или семьдесят пять».

Именно таковым является повествование, предлагаемое нашему читателю. Название его в подлиннике — «Carasoin» — буквально непереводаемо...

Глава седьмая.

Феи в изгнании

Надо признаться, феи безобразничали довольно долго. Они, бывало, дерзко и даже противостественно жестоко шутили над людьми. А что хуже всего — воровали детей, просто подчиняясь собственной прихоти, в упоении от творимого злодейства, с особым удовольствием попирая родительские права и до смерти пугая малюток даже в колыбели! Вершиной нравственного падения фей стало их упорное нежелание держать собственное слово. Они стремились добиться своего с помощью всевозможных уловок, хитростей и трюков, для достижения самых низменных, обманных целей беззастенчиво пользуясь словоблудием, опирающимся на фальшивую логику.

Таких беззаконий не случалось до тех пор, пока феи не позволили Королеве столь позорным способом раздобыть Карачун... Наверное, не нужно судить её слишком строго: ведь царственная повелительница ничем не хуже Евы, рождённой от Адамова ребра, и она тоже, возможно, была бы

счастлива, живя так, как следует... Но любопытство сжигало легкомысленную Королеву фей так же, как некогда и сестру её из рода людского. А потому, узнав о существовании чудодейственного Карачуна и о многочисленных его дивных достоинствах, она начала активные поиски напитка. Королева так надеялась, что обладание волшебным эликсиром остановит поток неудач и невзгод, обрушившихся в последние времена на неё и на подвластный ей народ... И решила не жалеть ни сил, ни средств — но завладеть Карачуном. Чего только она не предпринимала! Увы, сто лет стараний были напрасны. И вот она с помощью Колина обманным путём достигла желанной цели... Однако правительнице фей и в голову не приходило, что необыкновенные свойства чудесного вина действовали благотворно лишь на тех, кто по сути своей был добр, светел душою и чистосердечен; злых же и бесчестных настигала кара, сокрытая в грозном названии Карачун. А потому как только заветная бутылка с драгоценной влагой оказалась раскупорена, и весь королевский двор во главе с коварной своей повелительницей надышался опасными парами напитка, хитроумные феи получили по заслугам. Вместо того, чтобы приобрести давно предвкушаемое ими блаженство, они неожиданно для себя превратившись в больных и безутешных стариков и старух.

С той поры, как в ту ночь многочисленное племя одряхлевших фей удалилось нестройной толпою из домика пастуха в Шотландии, рыдая и сетуя на судьбу, Колин больше не видел их. Откуда же ему было знать, что если злые козни какой-нибудь феи достигают предела, то на весь её род по воле Провидения обрушивается страшное наказание? Именно это и произошло: всё племя было вынуждено оставить страну, где долгие сотни лет жили бесчисленные поколения их предков. Им пришлось бросить знакомые места, где родились они сами и где росли их дети, покинуть милый сердцу край и отправиться странствовать по свету, подчиняясь духу внутреннего беспокойства, жажде успеха и какой-то смутной неудовлетворённости — болезненной страсти, что гнала их с места на место. Но не могли феи преодолеть своей тоски по навек оставленной ими родной земле, как никогда не умели и остановить себя в своих желаниях, чтобы вовремя вернуться назад. Им казалось, что окончательное решение всегда можно отложить и на завтрашний день. Но приходило завтра, и ничего не менялось, и возвращение опять отодвигалось на новый срок. И так длилось до тех пор, пока феи не набредали, наконец — о нет, не на свой старый дом, — но на место своей гибели. Там беспокойство на время словно оставляло их, переставало мучить несовершенство встречных пейзажей, раздражать изменчивость чужих небес — и истомлённые странники понимали, что могут здесь остаться... Частичное, несовершенное это успокоение было основано не на осознании своей гармонии с обретенным новым домом, не на удовлетворённости климатом и местностью — оно было лишь следствием свершившейся духовной смерти, глухого безразличия ко всему на свете. Только это и мешало феям двигаться дальше. Племя оседало на новом месте лишь для оплакивания своей горькой судьбы, лишь для тоски по утраченной родине...

Вечное недовольство фей не обязательно связано с тем, что страна, в которую они прибыли, бедна природными красотами или климат её невыносимо суров. Отнюдь нет. То есть случалось, конечно, и подобное, но бывало — и наоборот. Просто это была чужая страна, и они, пришельцы, в ней тоже оставались чужими, чувствовали себя именно пришлыми, органически чуждыми новому краю... И это возмездие почти всегда настигало фей, ведь они не желали искать причин собственных несчастий в себе, а винили в них весь окружающий мир. А потому пыткой для феи простенького колокольчика, например, оказывалась необходимость жить в благоухающем гиацинте, и страдание это было подобно тому, что подвергают себя многие человеческие существа, претерпевающие свою жизнь как муку, как наказание от рождения до смерти (а некоторые и дольше)... И нет для племени фей кары страшнее, чем жить в стране, абсолютно не похожей на край, в котором и для которого оно было рождено. Ведь родина так же дорога для всего народа, как любимый цветок — для каждой феи в отдельности. И для юного поколения легконогого лунного народца именно о ней, о единственной земле обетованной правитель, стоящий во главе племени фей — Король или Королева, каждый в свой черёд — по обычаю слагает в творческом порыве мелодию новой колыбельной — чудный простой напев, который никогда не забывается...

Племени требуется долгое время, чтобы прижиться в изгнании, притерпеться к незнакомой местности. Непривычные условия существования заставляют фей поневоле приспособливаться и изменяться, чтобы привести себя, хотя бы отчасти, в гармоническое соответствие с жизненными обстоятельствами. Пусть даже эти обстоятельства — лишь новые названия одежд и растений, но

чужеземец редко преуспеет в их знании... Но такое наказание своевольным феям — это и нечто большее: подчинение себя внешним условиям неестественно, как неестественно оправдание ими своих бед, и потому характер доброго народца от резких перемен сильно портится. К тому же он и по природе своей у них достаточно беспокойный от рождения. В этом феи тоже, надо сказать, не столь уж далеки от людей...

Но тут-то что за беда? — скажут некоторые скептики. — Тяжкой такую кару не сочтёшь. Разве плох удел: из страны холмов, поросших вереском, и седых голых скал, с которых торопливой рысцой мчатся крохотные ручейки, быть изгнанным навеки? Зато есть возможность сменить туманный север, холодный и скудный, на щедрый Южный Девон — край богатых долин, огромных рек и густых лесов у побережья великого древнего океана... Похоже, феи были не такими уж зловредными, коль скоро заслужили столь мягкое возмездие, решил бы несведущий судья. Однако тем, кто с этим согласен, следует чаще наблюдать за людьми — просто так, без всякой особенной цели. Тогда ему станет ясно, что в иных случаях именно приобретение огромного богатства бывает самой страшной бедой и главным наказанием всей жизни. И если кто-то этому не верит, тем хуже для него. По крайней мере, шотландские феи, испытавшие на себе все тяготы нежеланного изобилия, придерживались иного мнения.

Среди буйной роскоши девонского изгнания они вздыхали и проливали слёзы по своей суровой Шотландии. Под пышной листвой равнин Девоншира... У бескрайнего океана, переливающегося зеленью и пурпуром и хранящего память о кораблях самых разных конструкций... На просторном берегу, утомляющем многоцветьем и изобилием видов живого и неживого — ракушек, рыбок, водорослей, рачков и прочих бесчисленных морских обитателей... Везде и всегда, ежедневно, ежечасно тосковали феи в чужом краю. Они вспоминали чистые, холодные, открытые всем ветрам склоны задумчивых родных холмов или протяжённые, с мягкими очертаниями вересковые просторы; грезили о диком, бурном сером море, что хранило память лишь о судах смелых древних скандинавов, звучных криках китов и песнях русалок... Их сердец совсем не трогали большие полноводные реки, где отдыхали на рейде исполинские старинные корабли, покрытые шрамами на шумевших сражений. Изгнанникам дороже были скромные уединённые ручьи и весёлые говорливые потоки, бегущие с холмов, и берега, поросшие рябинами и берёзами... Страна, покинутая ими поневоле, возможно, и не показалась бы столь уж прекрасной и полной благодати постороннему взгляду; но для тех, чьей родиной она была — единственной и милее нет.

И в тот день, когда феи оставляют любимый край, с ним тоже происходит что-то необъяснимо грустное. словно тень близкой смерти падает на него и окутывает всё вокруг. Жизнерадостный путешественник, как и прежде, с удовольствием подставляет разгорячённое лицо ветру — но его дуновение уже не освежает... Наивный ребёнок терпеливо бродит в палисаднике у грядки маргариток — но не может найти среди нежных цветочных головок ни одной с красными кончиками, чтобы украсить ею букет, только что любовно собранный им для матери... В первоцветах почему-то вполонину меньше нектара... Осы числом превосходят пчёл... Лошади к ночи возвращаются с поля вконец изнурённые, тяжело, чуть не до самых копыт повесив головы, словно едва добираясь до конюшни...

Юноши и девушки, правда, всё ещё счастливы во время свиданий — но дорога к месту встречи и обратно кажется им невыносимо длинной и скучной... Цвет боярышника не так бел и не так красен, как бывало, и тёмная грубая кора, проглядывающая сквозь поредевшие блёклые ветки, делает куст у перепутья похожим на придорожного оборванца... И день не так согрет солнечным теплом, и ночь не так нежна, как раньше...

Одним словом, с уходом фей исчезает нечто, чему нет названия, но без чего душе никогда не найти покоя и удовлетворения. Всё становится общим местом. Радость тает, свет меркнет. Все надежды, ещё не родившись, обречены на неминуемую гибель.

Но и та страна, где находят себе последнее пристанище гонимые феи, увы, не станет ни богаче, ни прекрасней от их присутствия. Если там уже есть свои феи, других ей не нужно...

Девоншир же с глубокой древности был богато населён феями; племена их жили в этом краю ещё со времён финикийцев, и даже задолго до них, и наличие местных уроженцев служило постоянным поводом для ссор и раздоров между старожилами и новыми поселенцами. Впрочем, даже если бы их там никогда и не существовало, всё же должны были пройти ещё века и века, прежде чем

изгнанники смогут как-то прижиться, приспособиться к чужому дому. Пока же этого не произойдёт, сколько странного, пугающего и непонятного, сколько глупого и нелепого будет твориться в несчастном краю, поневоле облюбованном странствующими феями. Ломая и переделывая себя, они без жалости и сострадания смотрят и на окружающий мир — непривычный, неприветливый к ним, словно посланный в наказание — и сами становятся для него бременем и болезнью, мучая и терзаясь от трагедии взаимной несовместимости...

Конечно, упорный натуралист может, при необходимости, попытаться вырастить в теплице вьюнок, у нежных колокольчиков которого будет могучая душа увесистого кентерберийского колокола, что созывает паству к покаянию... Но кому это в радость? Ведь всякое создание живёт по своим законам. Так феи-изгнанницы, по воле случая избравшие в качестве приюта и убежища случайно же встреченные ими на пути цветы, вдруг решали остаться там — и искренне старались сжиться, срастись с ними, и даже служили им по собственному разумению, изменяя и калеча и их, и себя...

Глава восьмая.

Мечь

К тому времени, как Колин с женою переселились в небольшой коттедж на юге страны, племя фей, изгнанных из Шотландии, уже обитало по соседству — на морском побережье в Девоншире. И не столь уж долгий срок понадобился любопытному и несчастному лунному народцу, чтобы разузнать, кто же именно прибыл на жительство в Южный Девон вслед за ними.

В тот же день, когда выяснилось это обстоятельство, был созван большой совет. Определённо что-то требовалось предпринять, чтоб наказать давнего обидчика племени, а вот как именно его покарать — это следовало тщательно обсудить. Едва ли не каждый лелеял планы мести, которую для устрашения можно было бы направить на детей... Но Королева отказалась от излишней жестокости. Быть может, тяготы и лишения сделали её добрей и сострадательней? Кто знает? Во всяком случае, она предложила племени не принимать поспешных решений и понаблюдать за домашним укладом семьи Колина, на некоторый срок отложив возмездие. И тогда феи зачастили в домик на ферме, притом порою заявлялись туда большими компаниями. Всё же долгое время отомстить обидчику никак не удавалось. Трое детей Колина — две старшие девочки и трёхлетний мальчик — воспринимали все каверзы фей как забавное развлечение, и навредить им не было никакой возможности. Когда хитрый народец, казалось, преуспев в своих уловках, выманивал детей за границы домашних владений, что-нибудь всегда нарушало изошрённые планы мстителей. То вдруг охваченные внезапной паникой малыши поворачивали назад и неслись к дому со всех ног... То огромная разноцветная бабочка или чудесная стрекоза, или ещё какое-то симпатичное крылатое создание пролетало мимо них в сторону дома — и ребятишки спешили вослед... То ласковый голос матери звал их от дверей...

Но вот час отмщенья настал. Однажды ребятишки затеяли увлекательную игру. Сёстры завязали маленькому братцу глаза ленточкой и носили его — то на руках, то усадив его к себе на шею, по всем закоулкам фермы. При этом девочки рассказывали малышу придуманные на ходу забавные и страшные истории о невиданных краях и неизведанных странах, по которым они, как уверяли его, путешествовали, бродя по окрестностям усадьбы. В их повествовании, полном феерических вымыслов, всё выглядело очень натурально, и мальчик слушал, затаив дыхание. Если вдруг приходилось подниматься вверх по ступенькам, то в фантазиях юных рассказчиц это, конечно, были неровные горные тропки, и взбираться на вершину с ношей на шее оказывалось ой как нелегко. Когда же путь снова шёл вниз, дети преисполнялись чудесной уверенностью в том, что теперь они спускаются в узкую зелёную долину... Затем, открыв кран у бочки с дождевой водой, они представляли себя путешествующими вдоль берега чистого ручья... А вот бесстрашные бродяжки проникли в самую глубину таинственного великого леса, и тут уж мычание коровы, доносящееся с ближнего луга, вполне сходило за грозный рык хищного льва или грозного тигра... Наконец они добрались до воображаемого озера, одинокого и холодного, а в него как будто бы впадал горный поток — и здесь надо было непременно разуться и снять носочки, чтобы не замочить ног при переходе стремнины вброд... И счастливый малыш, улыбаясь и грезя, скользил голыми пяточками по поверхности воды, представляя себя настоящим странником. Сёстры, шала, иногда окунали его в воду и брызгали друг на

друга то из деревянной бочки с тёплой водой для полива, то из большой каменной кадки, что стояла у самого порога — с питьевой водой, которая использовалась также для всяких домашних нужд. Девочки красочно живописали братцу картины, рождённые их юным свободным воображением, для пушей убедительности пронося его по всем самым необыкновенным, заманчивым, укромным и необычным местам внутри дома и за его дверьми, на обширной родительской усадьбе. Рассказывая мальчику, как тяжело им выбираться из глубокой пропасти, сёстры и действительно карабкались по крутой приставной лестнице, что вела на сеновал. Говоря, что бредут по пустыне, где нет ни одной дорожки и заблудиться ничего не стоит, они и в самом деле выходили на пустырь — таинственный, заросший дикими травами заброшенный участок земли в дальнем конце усадьбы. Устроенный там широкий крытый настил, который в случае необходимости использовался в качестве амбара, со стропилами, спускавшимися по обе стороны покатой крыши, был идеальным местом для воплощения в жизнь самых невероятных фантазий. Тишина и затхлость, царившие здесь, предельно усиливали ощущение одиночества и острое чувство покинутости всем миром, словно ты и вправду был затерян в бескрайней пустыне. И, наблюдая за мгновенной сменой выражений на лице брата, девочки с детской непосредственностью отдавались участию в захватывающей игре...

Вот снова встал у них на пути непроходимый тёмный лес. Роль его успешно сыграл фруктовый сад, действительно весьма обширный. И в лунном свете, надо признаться, он мог пробудить странные иллюзии не только у наивного ребёнка, но и у искушённого взрослого. Девочки носили малыша вокруг старых деревьев в саду, и колючие ветки царапали им руки, и шершавые листья касались лиц... У сестёр глаза были всё время открыты, а мальчик был полностью заворожён их сказочными речами, тихим шелестом листвы на ветру, цепкими захватами острых невидимых сучьев и прутьев — и странное возбуждение охватило его; предчувствия и непонятные ощущения ошеломили хрупкое сознание; беспокойство и необъяснимый страх потрясли детскую душу... Малыш готов был уже заплакать и запроситься домой, но огромное нервное напряжение сковало его речь, потому что неведомо как и для чего собственный его рассудок воплотил в порождаемых им фантазиях те реальные кошмарные картины, которые в близком будущем готовила ребёнку судьба...

Шалуни несли братца через фруктовый сад и шутивно пугали его, убеждая, что видят фей, скользящих повсюду меж ветвями деревьев. Вовсе не предполагая, что малыш верит каждому их слову как истине, сёстры посадили малыша под вишню, сняли с лица его лёгкую повязку — и мальчик неожиданно открыл глаза...

Сестёр не было. Он сидел на траве в полном одиночестве, и луна пристально наблюдала за ним с небес через мохнатые ветви яблонь, которые, думал он, походили на каких-то чудных старух, собравшихся вокруг него, и были такие худые, костлявые и недобрые... Когда вернулись девочки, которые лишь на минутку отбежали в сторону и спрятались за стоящими поблизости деревьями, намереваясь удивить малыша и привести его в некоторое замешательство — брат исчез.

В доме поднялся страшный переполох, стон и плач стояли до утра. Впрочем, отец и мать, вспомнив свой уже давний опыт общения с феями, быстро поняли: без них тут не обошлось. А потому лелеяли тайную надежду, что когда-нибудь, со временем, сын ещё возвратится к ним. Увы! Долгие и тщательные поиски, предпринимавшиеся неоднократно с отчаянным родительским рвением и неистощимой верой в душе, так ничего и не дали...

Глава девятая.

Таинственный скрипач

Обдумав множество планов по спасению сына, Колин не остановился ни на одном. Все они казались либо смешными, либо неосуществимыми, либо слишком рассудочными в этой невероятной ситуации. Время шло, но ничего не менялось. Колин и подумать не мог, что его мальчика похитило то же самое племя фей, у которого ещё прежде, в Шотландии, он не только отобрал свою маленькую прелестную жену, но отнял также молодость и красоту. Приди это ему в голову, он, конечно, поторопился бы с поисками... И вот семь лет минуло со дня исчезновения мальчика. Как-то, неожиданно проснувшись в полночь, Колин открыл глаза, поражённый привидевшимися ему странными гротескными фигурами. Некоторые из них — он был абсолютно уверен в этом! — когда-то прежде

уже встречались ему. В сегодняшнем сне, сумбурном и смутном, ему только что пригрезились, как живые, маленькие пары, танцующие на полу между камином и кроватью — и это была не нынешняя их комната в девонширском коттедже, нет! Фигурки танцевали на глиняном полу домика его детства... У одного из крошечных гостей была скрипка, но в этот раз музыкант почему-то не играл. Зато другие сказочные существа пели, громким хором поддерживая ритм своего танца. Пугающие слова их песни были обращены к костлявому скрипачу, который стоял в центре круга:

Искусник Пустозвон, отъявленный худышка!
Сгодится на бульон украденный мальчишка?..
И щёчка? И глазок? ушко и подбородок?..
Ай, тонкий голосок рыдает — дело плохо!
Представьте, милый крохانه хочет быть уродом,
так жалостно скулит: «Ой, папа, ой, болит!»

Тут чудосочный Пустозвон прижал свою скрипку к плечу и извлёк из неё вопль, похожий на болезненный крик ребёнка, и после него танцоры снова взвились в бешеной пляске. Музыкант всё длил и варьировал этот стонущий дикий мотив, меняя громкость, темп, высоту и акценты — и бесконечная ползучая мелодия, казалось, извивалась в ритме буйного танца вместе с телами азартных плясунов, которые весело хлопали в такт ответной реплики Пустозвона:

Ты, Обжорец, умой своё рыльце в пуху!
Не тебе ль я из ушка готовлю уху?
А глазунью из глаза? А щи из щеки?
С отбивным подбородком пеку пирожки?
Живоглот ненасытный, помедли немного:
парня я засолил в Озерке Водяного,
чтоб к обеду врождённому дурню доспеть...
Папе Колину глазом моргнуть не успеть!

Затем скрипка снова изобразила подобие детского плача, и в танцевальных движениях появилось что-то совсем уж отталкивающее и гнусное. Колин похолодел от ужаса, хотя он и вполнине склонен был верить тому кошмару, о котором с садистским удовольствием провыл ухмыляющийся костлявый изувер. Отцовское сердце забилося неровно и часто; поражённо приподнявшись на кровати, Колин вперило остановившийся взор в картину балетного исступления маленьких злодеев, с душевным трепетом ожидая продолжения истории. Ждать пришлось недолго. Вперёд торжественно выступил слегка небритый толстомордый Обжорец и завершил куплет:

Хэй-хо!.. а если он не станет торопиться,
и в Озерке мальчонка славно просолится...

Эти полные угрозы слова новоиспечённого солиста все присутствующие феи сопроводили несколькими выразительными па, и в них Колину почудилось движение, которым вытягивают из воды полный невод... А мерзавец продолжил:

Пусть знает, что к концу седьмой зимы соленья
грозит его мальцу наш пир пищеваренья:
ни глаза, ни щеки, ни подбородка с ушком —
лишь дырка для ватрушки, для кашицы кишки...

И тут Колина осенило. Он вдруг понял: мучители сына — это его старые знакомые, шотландские феи, и все разрозненные и неестественные детали их выступления мгновенно собрались воедино! Не осталось и тени сомнения: разудалые кровожадные существа принадлежали именно к тому многочисленному племени фей, что много лет назад проказничало в доме его отца-пастуха...

Снова загнусавил Обжорец:

Ах, никогда Колину сынка не увидать
и, усадив на спину, верхом не покатать,
с ушком, глазком, желудком, а может быть — без них...
Осталось девять суток, а дальше... — и-их-х!..

Случайно перехватив полный страдания взгляд Колина, который в полуобморочном состоянии смотрел на воинственный балаган с кровати, глумливый певец смолк — и с пронзительным хохотом все исчезли. Только унылые скрипичные наигрыши ещё долго тянулись за ними в ночи, словно шлейф за кометой...

Глава десятая.

Снова Старуха и Курица

Теперь Колин прекрасно всё понял: в одно мгновение получил он исчерпывающее представление об этих феях, причём не столько благодаря собственным способностям, сколько — он не сомневался в этом — при посредстве иных сил, которые щедро подавали ему свою помощь.

Но что это были за силы? Во-первых, Старуха из вересковой пустоши, решил он. На самом деле Колин имел полное основание соотнести с нею и нынешнее доброе предзнаменование, ведь необыкновенное полуночное видение побуждало, подталкивало его к действию. Что ж, значит, он вернётся в Шотландию, и будет искать Старуху с веретеном, и найдёт её. Он услышал её зов и напоминание — и он поспежит ей навстречу. Но древнюю мудрую пряжу ни за что не найти тому, кто, отправившись на её поиски, не потеряется сам; вот что нельзя забывать. По-иному никак не получится. Если хоть однажды удастся её отыскать и притом не сбиться с пути, Старуха, наверное, будет уже не собою, а собственной курицей...

Колин возвратился в Шотландию и без промедления отправился на вересковую пустошь. По этой обширной болотистой местности, что лежала к северу от дома его отца-пастуха, он так долго странствовал в детстве, что едва ли мог надеяться хоть когда-нибудь, пусть даже по случайному недоразумению, заблудиться здесь, на пустынной безрадостной земле, кажется, исхоженной им вдоль и поперёк. Колину ещё только предстояло понять: не столь уж велика важность, где именно случится человеку потеряться. Главное — ощутить, что заблудился, пропал, обрести чувство оставленности — и всем сердцем отдаться переживанию этой утраты...

Изо дня в день с утра уходил Колин на пустошь, возвращаясь затемно. Через некоторое время кошелёк его почти опустел, и Колин решил признать денег у одного из своих старых приятелей. Отправился к нему на дальний конец Болота Сотни Жал, однако дома никого не застал и не в силах проводить время в пассивном ожидании пошёл в обратный путь. Уставший, голодный, в преддверии ночи он побрёл прочь от чужого порога, размышляя о полной безуспешности своих поисков. И, углубившись в тоскливый плен болотных кочек и осоки, всего-то на несколько миль отошёл от жилья, но тут совсем стемнело. Небо затянуло сплошными тучами, скрывшими и звёзды, и луну. Колину казалось, что и во мраке память не изменит ему, и он не собьётся с дороги. Однако там, где он очутился, зыбкий путь требовал особого внимания и осторожности; здесь было трудно идти даже днём. Незаметно сойдя с тропы, Колин чуть не угодил в маленький омут, и только тут понял, что заблудился и не знает, в каком направлении ему теперь двигаться и что делать. И когда он, окончательно уяснив это, почти отчаялся, слева за деревьями мелькнул огонёк. Колин повернул к нему и пошёл, ведомый этой путеводной звездой. А приблизившись, обнаружил, что свет струится из распахнутой настежь двери знакомой маленькой хижины, похожей на улей. Ещё в нескольких шагах от домика он услышал голос:

— Входи, Колин, я жду тебя.

И повиновался сразу. Старая хозяйка ничуть не изменилась с тех давних пор, когда Колин бывал у неё ещё мальчишкой... Всё так же размеренно работала прялка, так же крутилось веретено...

— Как поживаете, матушка? — поклонился Колин.

— У меня всегда всё в порядке. Никогда больше не спрашивай меня об этом.

— Ладно. Мне, честно говоря, хотелось бы спросить Вас кое о чём другом, — согласился Колин. — Хотя, возможно, живя в Шотландии...

— Я нигде не живу. Но тот, кто прислушивается к моему голосу и к моим наставлениям, всегда найдёт меня, коли действительно захочет этого.

— Вы ещё видите, уважаемая?

— Вижу ли? Да я всегда вижу, причём настолько хорошо, что нет никакого смысла зажигать ещё и свет глаз. Потому-то я и отпустила их; они недёшево обходились...

Впрочем, выяснять, где именно теперь пребывают её глаза, Колину было, признаться, не так уж важно. Нужнее были её советы.

— Итак, чего же ты хочешь на этот раз? — подводя итог разговору, для посетителя сейчас второстепенному, поинтересовалась хозяйка.

— Мне нужен сын. Феи похитили его.

— Знаю.

— И они отняли у него глаза...

— Я могу научить его видеть без них.

— И они отрезали ему уши...

— Слышат и безухие.

— И они засолили его щёку и подбородок в Озерке Водяного!

— А вот этому я уже не верю, — возразила Старуха.

— Они сами рассказали мне, — отвечал Колин.

— Да эти феи куда большие лгунишки, чем я предполагала!.. Впрочем, и впрямь надо что-то делать. Садись поближе, я расскажу тебе одну историю.

— Семь лет ушло на поиски — и бесполезно, а сроку осталось только девять дней! — укоризненно произнёс Колин.

— Мне это известно не хуже, чем тебе, — рассердилась Старуха, — потому я и говорю: некогда терять время. Присаживайся ближе и внимательно слушай меня... Видишь, вот и Пряха-Дженни уже готова.

Торжественно ступая, из-за кровати появилась курица.

— Принимайся за стрижку овец, Дженни, да поторапливайся, потому что мне надо прясть скорее, чем обычно. Осталось только девять дней.

Дженни опрометью выскочила за дверь, держа голову вровень с хвостом, как будто коршун гнал за нею. Через несколько мгновений она вернулась с пучком шерсти, как Старуха называла волокно для своей пряжи, хотя на вид это был обычный хлопок — лёгкий пух с хлопковых кустов, которые росли повсюду вокруг домика. Пучок был не меньше, чем сама Дженни. Опустив его на пол, курица тут же спешно отправилась за новой порцией. А Старуха, прикрепив шерсть к прялке, зацепила нить веретеном и начала прясть. Работая, она рассказывала бесконечно долгую историю — речь её текла всё быстрее, быстрее и быстрее; и Пряха-Дженни продолжала носиться туда-сюда неумоимо и целеустремлённо... Время шло, и Колин подумал, что уже, должно быть, полночь. Но когда рассказ был завершён, оказалось, что семь дней из девяти уже миновали.

— Колин, — мягко окликнула Старуха своего гостя, — вставай. Теперь ты знаешь всё, что нужно. Отправляйся в путь сейчас же.

— Я готов, — ответил Колин, поднимаясь.

— Следи за дорогой. Дженни проводит тебя до мастерской Сапожника. Скажи хозяину, что женщина с прялкой и веретеном велела дать тебе кусок сапожного воска.

— И что же мне надо будет с ним делать?

— Сапожник всегда знает, зачем нужен воск.

Произнеся это последнее замечание, Старуха повернула лицо к огню: несмотря на то, что стояло лето, ночью на болоте было сыро и прохладно... И тут, поддавшись неожиданному любопытству, вместо того чтобы поспешить к выходу вслед за Дженни, как он только что собирался сделать, Колин проскользнул, затаив дыхание, вдоль стены к очагу и украдкой заглянул в лицо Старухе... Там, вместо морщин и старческой слепоты он увидел пару сияющих, нет — полыхающих шаров света! Казалось, это не в них отражалось пламя, горевшее в печи, а сами они посылали яркие блики в огонь очага, поддерживая его жаркое горение!

В тот же миг домик и всё, что в нём находилось, исчезло. Колин поперхнулся холодным туманом, сгустившимся над болотом, и замертво упал навзничь.

Могущественный Сапожник

Когда, всё ещё лежа на болотной кочке, Колин пришёл в себя, он почти успокоился. Поднялся, внимательно огляделся.

Луна стояла высоко, но хижины нигде не было видно... Неимоверно сожалел о своём глупом и бесцеремонном любопытстве, на всякий случай Колин позвал: «Дженни, Дженни!» Безрезультатно. Что же теперь делать? Завтра наступит восьмой день из девяти оставшихся, и если до полуночи следующего — последнего! — дня он не спасёт сына, ничего больше нельзя будет сделать, как минимум, ещё в течение семи лет! Это он знал наверняка. Если быть абсолютно точным, ровно семь отведённых на поиски лет исполнялось только к семи вечера десятого дня. Но феи не намерены были чем-то поступаться и милостиво дарить ему преимущества — и они забрали этот неполный день. Сейчас Колину ничего не оставалось, кроме как двигаться наобум. Надо было идти хоть куда-то — движение вселяло в него тень надежды: может, он случайно набредёт на мастерскую Сапожника? А сидя неподвижно, лишаешь себя и этого слабого утешения.

Предпочесть одно направление другому не было никакой возможности. Колин бесцельно проблуждал остаток этой ночи и весь следующий, восьмой день. Он не мог позволить себе возвратиться домой, пока не истечёт последний срок, и Сапожник уже никак не сможет помочь ему освободить сына. Найти мастерскую — эта единственная забота неотвязно занимала отца, так что, уже несколько дней в глаза не видя ни еды, ни питья, он не задумывался над причинами надвигающейся физической слабости — некогда было. С наступлением темноты, однако, резко усилились мучительные боли несчастного: ноги его подкашивались, испарина изнеможения покрыла лоб, в горле пересохло и саднило, глаза слезились от напряжения... Колин был на пределе сил — и душевных, и физических. Наконец он увидел слабо белеющий во тьме громадный плоский валун, который словно звал путника присесть и перевести дух, и медленно, с долгими остановками двинулся к нему, шатаясь от истощения и усталости.

Камень выглядел так уютно, словно звал отдохнуть. Основание его поросло мхами, а вершина слегка поблёскивала в свете звёзд. Но стоило Колину прислониться к прохладному и гладкому каменному боку, как он тут же увидел где-то впереди, чуть правее валуна — и не слишком далеко, мысленно отметил он — тусклое серебристое мерцание. Словно окрылённый новой надеждой, забыв об изнурительных блужданиях, о слабости и голоде, о гудящих от боли ногах, Колин торопливо поднялся и направился к заинтересовавшему его месту.

Подойдя ближе, он затаил дыхание: в ночной тишине как будто слышался какой-то необычный мерный шум, словно сотканный из сотни схожих шумов поменьше. Звуки будили неясные воспоминания. Казалось, он уже слышал их прежде — где-нибудь на заводе или на фабрике в Лондоне, но где именно — Колин никак не мог припомнить. Задумавшись, он едва не упал, наткнувшись на длинное и очень низкое строение без окон и с одной только небольшой дверью в торце. Свет, привлёкший его внимание, лился из этой широко распахнутой дверцы. Колин приблизился и осторожно заглянул вовнутрь.

В помещении сидело огромное множество сапожников — каждый на своём стуле, каждый со свечкой, воткнутой в специальное отверстие в сиденье стула. Дело кипело вовсю. Работники показались Колину невысоки ростом, хотя, конечно, не могли и сравниться размерами с крошечными феями. И — что самое замечательное в их поведении — все они одновременно и точно выполняли одно и то же движение — секунда в секунду, чётко и слаженно, словно были частью единого механизма. Когда один продевал иглу с нитью в подошву башмака, делая стежок — все делали то же самое. Если, удивлялся Колин, один, начиная вытягивать нить, поднимал глаза кверху — остальные тоже старательно тащили нить, глядя ввысь. Если кто-то вдруг принимался стучать молотком по шлифовальному кругу, то вся мастерская следовала его примеру. Не подневольно и не в стремлении подражать, вовсе нет — просто каждый в тот же миг хватал свой круг и впадал в процесс остервенелого битья молотком. Причём лупил по нему с такой сосредоточенностью и целеустремлённостью, как будто ничего иного в эту секунду от него ни в коем случае не требовалось. Колин решил присмотреться к ним более пристально — и заметил, что все сапожники слепы на один глаз, и носы у всех свёрнуты на сторону, как сапожное шило. Тем не менее каждый из

них чем-то неуловимо отличался по внешнему виду от своих коллег, несмотря на очень близкое, почти родовое сходство в чертах лица.

В это мгновение сапожники перехватили взгляд Колина, встали — все как один, устремили свои шила на пришельца и двинулись по направлению к нему, как ходячий куст алоэ, блестящий шипами.

— Хорошая кожа для голенищ,— сказали все хором, различаясь лишь сопровождающими их голоса гримасами.

— Верхушка черепа — отличная чаша для клея! — последовало следующее полногласное замечание.

— Свежие натуральные волосы... Крепкие шнурки получатся! — продолжили они с алчным задором.

— Сухожилия — отличная нить...

— Кости и кровь — неплохое сырьё для клея, как раз пригодится крепить подошвы к нашим семимильным сапогам...

— А из ушей сделаем петли. Пришьём к семимильным! Стаскивать будет удобней. Славная парочка, а?.. Коротковаты, правда.

— Ступни пойдут на стельки в шлёпанцах Царицы-Смерти!

С неподдельным увлечением продолжали они делить его тело на порции самым непочтительным образом, полагая каждую пядь его для нужд своего ремесла, пока, добравшись, наконец, до зубов, не заключили:

— Зубы — надёжные гвозди! Они всегда будут издавать особенный скрип, похожий на юрк навощённой нити, когда она быстро и ловко проскальзывает сквозь кожу, ага...

И вот уже они выросли прямо перед ним, грозно посверкивая своими носами-шилами, загнутыми, как кинжалы. Нельзя было терять ни секунды.

— Старуха с веретеном... — начал Колин.

— Знать её не знаем! — взвизгнули сапожники и сделали ещё шаг вперед.

— Старуха с прялкой,— уточнил гость поспешно. И все они, бросившись назад, к своим стульям, торопливо уселись и энергично заработали молотками.

— ...она пожелала, чтобы я, — продолжил Колин, — попросил у Сапожника кусок воска.

Каждый мастер тут же схватил свой рабочий кусок смолистого воска и протянул его просителю. Колин взял воск из рук ближайшего, заметив, что и у всех прочих он тоже исчез, после чего сапожники застыли неподвижно и молча уставились на него.

— Но что же мне делать с ним? — поинтересовался Колин.

— Я немного провожу тебя, — сказал Сапожник, сидевший чуть ближе других, и взял Колина под руку. — Пройдёмся, я всё тебе расскажу. Старуха с веретеном и прялкой — моя царственная бабушка. Она воистину добрая и почтеннейшая доисторическая душа...

Колин переступил порог мастерской и, признаться, с некоторым облегчением выбрался наружу. Сапожник, пропустив его вперёд, проследовал за ним. Случайно оглянувшись, Колин обнаружил, что все без исключения стулья в мастерской опустели, а само место дышало теперь поразительной тишиной, словно старый церковный погост.

Теперь Сапожника было не узнать. И в разговоре, и в жестах, и во всём поведении его вдруг проявился невероятно вежливый — чтобы не сказать полный условностей — чопорный маленький человечек. По дороге он выдал Колину исчерпывающе подробную информацию, которая могла тому понадобиться в скорой борьбе с хитроумными феями, и сопроводил свои речи любезным подарком в виде удивительно изящного сапожного шила.

Они шли довольно долго, и Колин даже удивился тому, что силы ещё не совсем покинули его. Наконец Сапожник сказал:

— Я вижу, сэр, восход уже близится. Пора мне возвращаться к моим трудам. Как только солнце поднимется, Вы сразу сообразите, куда попали.

Он свернул в сторону и в нескольких ярдах от тропинки, по которой они двигались, нырнул в растворённую дверь какого-то одиноко стоящего дома. В тот же миг все окрестности наполнились звуком мягкого постукивания трёх сотен и тринадцати сапожных молотков. И верно, перед каждым сапожником стояла своя маленькая свечка, укрепленная в дырке стула, на котором сидел и работал мастер...

Пока Колин с изумлением прислушивался и вглядывался в картину коллективно возобновлённого сапожного труда, из-за горизонта показался край солнца, и домик, у которого он теперь очутился, белый и мирно спящий, показался ему смутно знакомым. Мастера-сапожники, их огоньки, их стулья и инструменты — всё исчезло. Только в голове Колина продолжал биться жилкой на виске звонкий перестук маленьких молоточков, который постепенно сложился в загадочные, неровные слова песенки, похожей, быть может, на эту. И пусть в ней каждая строчка спешит, спотыкаясь, подпрыгивая и постукивая, к своей простенькой рифме и звучит не слишком связно и гладко, но это не лишает текст смысла.

Итак, в голове Колина пелось:

Эй, рыцарь, мастер-рыцарь
сапожных дел!.. э-гей!..
Стучи легко, и быстро
обрезывай, прокалывай,
простёгивай, промалывай,
проветривай и шей!

К седьмому дню недели
большой отец... дзил-дзил!..
больной — сойдя с постели,
ботинки попросил —
к порогу!
В дорогу
спешит, что было сил!
Скорей, беги, э-гей!.. э-гей!

Ах, фея, злая крошка,
пришёл тебе конец!
С улыбкой нехорошою
сняла свои сапожки ты —
легчайшие, не сношенные... бенц!.. —
Увы, подружка милая,
малюсенькими ножками
над Озером болтать
слегка поторопилась ты:
не стоило их в воду окутать!

Наступишь там, где скользко,
да полетишь на воске
по скалам — не по воздуху,
и — ш-шась!..
И как тут не упасть:
за сыном — вот напасть! —
похищенным из дома,
дорогою знакомой
идёт отец,
разгневанный вконец!..
Увы, такая страсть!..

Не жди теперь спасенья,
а значит, в день рожденья
на камни и ракушки
грозит посадка... бам-м!..
Беда тебе, старушка:
не сможешь из ловушки,
из маловодной лужицы
сбежать в луга, к цветам.

Испивши Карачун...
как ни старайся вдруг...
бух-х!..
по лунному лучу
удрать — испустишь дух!

Кузнец-молотобоец, суровый Искроглаз
подковывает враз
и страхи тёмной ночи,
и сонных водяных... вж-жик!..
и чёрных псов, и прочих
зверушек, пожесточе...
Решительный мужик!.. чурр!..

А нам обути безножек
задача по плечу...
Не ускользнуть вам тоже —
весёлый час настал! —
пристёгиваем кожу
к русалочьим хвостам.
И домовым беспалым
пристроим пару ног...
хок-к!..
Чтоб без больших тревог,
и ссор, и перепалок,
не скалясь и не хмурясь,
по трубам и подвалам
они гуляли тихо,
как крот или кротиха,
как смиренная крольчиха,
лежали бы, зажмурясь —
и зубы на замок!

Но волей Всемогущей
нам не обути идущего
дорогою нехоженой
без Бремни Костей,
без тёплой ризы кожаной,
из глины необоженной,
светясь душой обоженной,
по огненной черте —
путём воды и камня —
в одеждах белотканых
к последней,
к смертной высоте...

Так странно и неожиданно серьёзно закончилась шутивная песенка в сознании Колина, прежде чем настойчивые звуки дружных молоточков в его голове замерли и словно освободили его от невероятного внутреннего напряжения последних дней.

Он увидел, что стоит на лугу, с наружной стороны собственного фруктового сада в Девоншире, держась за ограду.

Глава двенадцатая.

Шило и воск

Настал вечер. Солнце садилось над морем в безоблачном небе, расточая золото по всей округе. Колин подошёл к побережью чуть правее дома, западнее — и ближе к заходящему светилу...

Отлив ещё не кончился, и большие открытые пространства песка и гальки лежали, поблёскивая в свете вечерней зари. Эта полоса обнажившегося дна соединяла скалистый берег и группу мелких коралловых островков, обычно разделённых в пору морского прилива. Теперь же торопливые ручейки, бесчисленные струйки и потоки бежали мимо них, спеша догнать свою родительницу-воду, большую, величественную и древнюю.

Встречные впадины и неровности дна временами пленяли эти разновеликие струи, преграждая путь. И тогда они разливались небольшими мелководными озёрками, останавливаясь на временный отдых от утомительного бега; потом снова выбирались из песчаных выемок — и вновь ручьями текли к морю, рябась от множества маленьких течений, возникавших внутри каждого потока. И солнце сияло на воде, раздробленное на мириады рябинок, и песок в глубине блестел, как бежевый шёлк, залитый золотым шитьём — только золотистые нити всё время менялись, вились и перепархивали с места на место, как живые существа, что ни на мгновение не остаются в покое...

Теперь Колин не нуждался в магии и фокусах Королевы для того, чтобы, меняя и обостряя своё зрение, с полной очевидностью убедиться в реальном существовании фей. Он и так видел их сейчас, всех до единой. Большинству людей, правда, непременно требуется какое-нибудь чудотворное средство или непонятное действие, чтобы теснее соприкоснуться с областью таинственного, но Колин был прекрасно одарён от природы. Потому он побрёл к невысокой уединённой скале, которую давно и хорошо знал. Слабые ручейки устремлялись от неё вслед за уходящим морем, а мелкие озёра вокруг скалы были просто усыпаны феями, играющими и шалящими в воде. Дивное это было зрелище — наблюдать их так близко, вольно резвящихся в свете заходящего солнца, в ярких платьицах, которые искрились от драгоценностей, пылающих всеми цветами радуги при любом даже самом лёгком движении.

Увы, у Колина не было и минуты лишней, чтобы от души полюбоваться игрою красок и изяществом поз резвых созданий. К тому же в тот момент, когда феи заметили его и поняли, что оказались в опасной близости к человеку, которому причинили непростительное зло, украв его ребёнка, и зная также, что Колин также видит их, феи тут же бросились спасаться бегством вверх по отвесной скале. Миг — и они исчезли.

Именно этого и добивался Колин. Он раз за разом обходил скалу кругом, выискивая, тщательно высматривая все тайные места, где мог бы скрываться омут или озерко — и везде у воды находил множество фей. Всякий раз при виде его хитрые грациозные существа испуганно и спешно прятались. Прогнав их, таким образом, отовсюду с песка и заставив скрываться на скале, Колин подошёл, наконец, вплотную к этому последнему их убежищу и вынул из кармана кусок сапожного воска.

Взобраться наверх было делом нескольких минут. Там, ногами опираясь на скальный выступ и удерживаясь рукой за острый верхний край маленького плато, венчающего скалу, Колин легко сохранял равновесие. Не поднимая головы выше этой естественной границы и осторожно перемещаясь по периметру, он начал обводить плато непрерывной восковой линией, широкой и скользкой. Так он продвигался по кругу — медленно и осторожно, почти ползком, отмечая единой чертой край скалы, за которым скрывались феи — и не отрывал руки до тех пор, пока окружность полностью не замкнулась.

Тогда Колин поднялся чуть выше и окинул взором внутреннюю часть плато.

В центре, в самом сердце этого скалистого островка, который почти полностью покрывался водой во времена приливов, теперь, когда море отхлынуло, образовался довольно большой естественный водоём, и в его солёной прозрачной глубине хорошо прижились милые светло-зелёные водоросли, разноцветные ракушки и невероятное количество других мелких морских обитателей. Эта тихая лагуна на скале была самым любимым местом пребывания фей в Девоне, сейчас же они её просто заполонили. Увидев гигантскую голову Колина, заглядывающую сверху в озерко, как в аквариум, феи разразились громким хохотом, и начали заигрывать с ним, и дразнить его, и издеваться сотней обидных каверзных способов. Некоторые строили преотвратительные рожи; другие, как умели, передразнивали жесты и подчёркнуто ехидно выражали якобы испытываемое удовольствие от встречи со старым знакомым; прочие распевали отрывки каких-то насмешливых песен. Только Королева сидела на дальнем выступе скалы, опустив босые ножки в воду, погружённая в глубокое раздумье. Она медленно подняла голову и хмуро взглянула на Колина. А множество фей продолжало нырять, и плавать, и плескаться, и кататься на лодочках — не переставая, однако, дразнить пришельца. Колин просто наслаждался бы зрелищем их глупых и наивных проказ, если бы сказочная красота облика и движений малюток не была так изуродована злобными гримасами и жестами и, главное, если бы цель его путешествия не была так отчаянно серьёзна.

— Мне нужен мой ребёнок, — обратился Колин к повелительнице фей.

— Отдайте папаше его детку! — крикнула одна из придворных дам в платье цвета морского песка.

Тогда примерно дюжина пловцов нырнула в озерко и выволокла на поверхность массивного морского слизня — пугающее бесформенное создание, похожее на кусок от медузы — и, ухмыляясь, нырятьщики предложили:

— Ребёнок там же, где только что был этот красавчик. Спустись и достань его сам.

Другие феи притащили Колина голубого омара, который изгибался и неуклюже изворачивался в их цепком захвате. Третьи — морского паука; четвёртые — морскую звезду... Зрители всё время напевали оскорбительные стишки, слагая из них умопомрачительное попури, подхватывая мотив по кругу, один за другим. Наконец они вытянули из омота ужасающего монстра. Он был похож на распухшего гигантского ребёнка с лицом, наполовину объединённым рыбами, с огромным вытянутым носом, напоминающим щупальце осьминога. Но Колина было ничем не пронять.

— Очень хороший, добрый народец, — сказал он. — Вы продолжайте в том же духе. А вот я попробую сделать кое-что ещё.

Он снова спустился на песок с наружной стороны скалы, достал маленькое сапожное шило и стал буравить в камне дыру. Шило входило в твёрдую породу, как горячее лезвие в масло, и когда отверстие стало достаточно глубоким, из дальнего конца его начала всё сильнее прибывать вода. Тогда Колин просверлил следующую дырку, тоже до самой воды, затем ещё одну — и продолжал вгрызаться в скалу до тех пор, пока число отверстий в ней не достигло трёхсот тринадцати. Через триста тринадцать открытых шлюзов тремястами тринадцатью потоками струилась на песок живительная влага из верхнего бассейна в скале, прозванного за свою уединённость Озерком Водяного, и, сливаясь в единое русло, общим сильным потоком устремлялась к морю. Окончив труд, Колин поудобней устроился на рифе у подножья скалы и стал ждать. Не прошло и десяти минут, как из водоёма донёсся шум тоненьких возмущённых голосов. Феи кричали, что уровень воды слишком понизился, хотя причина этого непонятна. Вскоре, однако, они обнаружили сквозные дыры, через которые неостановимо утекала свежая морская вода.

— Он раздобыл шило Сапожника-Огарка! — завопили они с ужасом в голосе. Услышав это сообщение, Колин взобрался на скалу повыше, чтобы в полной мере насладиться гневом и смятением маленького народца. Впрочем, пришла пора кое-что прояснить.

В начале этой истории уже упоминалось о том, что феи любили воду. Но на самом деле они любили её, пожалуй, даже слишком сильно, порою просто до безумия. Из всего, что было дорого их памяти, лишь вода могла последовать за странствующим племенем в нынешнее его изгнание и рассеяние. Ведь для фей дело жизни — заботиться и помогать цветам, в которых они обитают, а также оказывать разные услуги всем без исключения созданиям, существование которых как-то связано с процессом произрастания опекаемых ими цветов. Отсюда и родилось название этого чудесного племени — добрый народец. Питая растения, в которых жили феи, всякий раз вода приносила чистоту

и свежесть и их маленьким обитателям, которые разделяли с цветами это удовольствие, принося к прохладным живительным струйкам и каплям, собиравшимся в нежных венчиках. С течением времени феи влюбились в воду, или точнее — в радость, которую она доставляла им, и уже не задумывались о том, благом или злом была влага для цветов, чьё существование так неразрывно связано с нею. Дело дошло до того, что некоторые племена, пренебрегши делами и заботами, возложенными на них от века, ради своих прихотей взяли в привычку бросать любимые цветы и отправляться в путешествия по ручьям и потокам. По пути они окунались в каждый встречный омут, временно обживая любую заводь, ища всё новых и новых наслаждений, которые не налагали бы на них, легконогих и легкомысленных, никаких обязанностей и служений. Так просто было, меняя воды — озерко на родник, ручей на речушку, поток на запруды — хохоча и резвясь, лишь сравнивая ощущения и ни о чём не сожалея, всегда купаясь в даруемом наслаждении и не отдавая ничего взамен — так беззаботно было жить, не оглядываясь на то, что было позади...

Это и послужило причиной быстрого заката и нравственного падения доброго народца. Очевидно, могущественный Карачун — эликсир рождения и смерти — не предназначался древней Царицей для того, чтобы непременно погубить кочующее племя. Он только обнаружил уже почти свершившуюся духовную смерть фей, их реальную немощь и увядание — и привёл внешний облик этих крошечных созданий в соответствие с их хаотичным и бесполезным существованием...

По прибытии в Девон феи обнаружили, что солёная морская вода весьма благотворно действует на процесс восстановления их былой красоты, утраченной в момент, когда они отведали заветной силы и сладости Карачуна. Племя осталось на побережье, надеясь когда-либо исцелиться и часами целеустремлённо купаясь в воде — особенно в той, что оставалась в Озерке Водяного после прилива. Эта студёная, чистая, постоянно обновляющая свою свежесть влага настолько пришлась им по вкусу, что, наконец, феи стали полностью зависеть от морской приливной волны и связали своё существование только с её приходом, несмотря на непостоянство и капризы погоды на побережье...

И вот — их заветное Озерко быстро и неуклонно мелело! Так что, увидев громадное любопытное лицо Колина, выглядевшего из-за выступа скалы, крохотные купальщики и купальщицы бросились на него в ярости, карабкаясь по отвесной скале обнажившегося водоёма, подобно мириадам бешеных пчёл в потревоженном улье. Колин слегка отодвинулся от края, позволяя доброму народцу идти в решительное наступление всем племенем. Но в тот самый миг, когда первый из нападающих поставил свою ногу на линию, описанную Колином вокруг плато, он, поскользнувшись, опрокинулся навзничь и полетел вверх тормашками в омут, взвизгнув:

— У него воск Сапожника Последнего Света!

— Он раздобыл воск Мастера, От Которого Не Ускользнуть! — вскричал второй, спиной падая в воду вслед за своим собратом по несчастью. Раз за разом нападая, они скользили и срывались вниз, и это длилось до тех пор, пока никто уже не смел приближаться к роковому краю. Дело в том, что по извечному закону ни одна из фей не могла пересечь черту, нарисованную воском Сапожника, никаким иным способом, кроме как на ногах. На ногах же фее ни за что было не удержаться на ней, тем более, что проведённая Колином по верхней границе плато линия уже успела расплыться и расплавиться на камне, нагретом солнцем, и стала теперь такой широкой, что преодолеть её пешему миниатюрному войску оказалось просто невозможно. Тогда Королева поднялась с каменного выступа на дальнем краю водоёма и спросила:

— Что тебе надо, Колин?

— Мне нужен сын, и Вы это прекрасно знаете, — ответил Колин.

— Иди и забирай его, — устало сказала Королева и снова села, хотя теперь её свободно покачивающиеся ножки не доставали до воды.

Но Колин прекрасно знал все её уловки — и потому тоже уселся поудобнее на краю бассейна, выжидая дальнейшего развития событий. К несчастью, лапа его пальто случайно пересекла восковую линию — и в мгновение ока полдюжины фей оказалось вне круга. Заметив побег, Колин поспешно встал. В общем-то, беда невелика, так как множество испуганных пленников ещё оставалось в своей тюрьме. Вода почти совсем спала, обнажив местами неровное дно, покрытое спутанными корнями водорослей. Наконец Королева не вытерпела.

— Смотри, Колин, — брезгливо произнесла она. — Я желаю тебе добра, а не зла.

С этими словами она поднялась на ноги и стала медленно спускаться по внутреннему склону

скалы к водоёму, уровень которого, по сравнению с прежним, теперь катастрофически понизился. Королеве приходилось передвигаться чрезвычайно осторожно и внимательно, потому что камни, прежде погружённые в воду, тоже были очень скользкими, хотя на них сейчас и не было воска. Где-то на полпути от беспокойной поверхности сильно обмелевшего омута, превратившегося в глубокую придонную лужу, Королева остановилась и сдвинула с места большой круглый камень, закрывавший незаметное постороннему глазу отверстие. Очевидно, догадался Колин, это была подводная пещера. Королева вошла внутрь. Через несколько мгновений она возвратилась быстрым шагом, ломая в отчаянии руки.

— О, Провидение! — воскликнула фея.— Что же мне делать? Вы, люди, так ужасно быстро растёте и толстеете! Твой мальчишка вымахал до таких гигантских размеров, что я не могу вытащить его, как ни стараюсь!

— Вы отпустите пленника, если я сам извлеку его из пещеры? — поинтересовался Колин.

— Отпустим, отпустим. Если его не отпустить, мы все скоро дойдём до полного истощения, а может быть, и умрём из-за отсутствия морской воды. Просто умрём от жажды! — нервно трепеща, ответила Королева.

— Поклянитесь шилом Сапожника и его воском, — потребовал Колин.

— Клянусь, — промолвила Королева.

— Шилом Сапожника и его воском, — уточнил Колин.

— Я клянусь шилом Сапожника и его воском, — повторила клятву Королева.

— Во имя своего народа?

— Во имя моего народа клянусь, что никто из нас, здесь присутствующих, никогда не досадит ни тебе, ни твоей семье. Вовек!

— Тогда я спускаюсь,— согласился Колин и прыгнул в Озерко.

С помощью сапожного шила он быстро расширил и расчистил в скале отверстие, что служило входом в темницу. Особых усилий не потребовалось, поскольку острое, как и прежде, шило взрезало камень, словно мягкое масло. Когда дело было завершено, наружу выбрался симпатичный мальчуган лет десяти на вид и, подпрыгнув, радостно и доверчиво взобрался прямо на руки отца. У ребёнка были и ясные серые глаза, и маленькие ушки, и нежный детский подбородок, и румяная щёчка — всё на месте и в полной сохранности! И Колин с трепетом понёс его домой, к матери...

Первое впечатление у всей семьи было сложным: радость и печаль соединились в душе воедино. «Жаль, что мальчик нашёлся уже таким взрослым, — думали родители немного огорчённо, — ведь семь лет назад мы потеряли трёхгодовалого малыша». Впрочем, это томительное чувство почти не мешало их благодарной радости от встречи с сыном, а вскоре и совсем исчезло, испарившись, как лёгкое облачко, и весь дом преисполнился ликованием и счастьем.

Маленький Колин — ведь он всё равно остался самым маленьким в семье! — рассказал им длинную, грустную и захватывающую историю о времени своего семилетнего пребывания среди фей. Он относился к ним с неизменной жалостью и сочувствием... А уже через пару месяцев домашняя жизнь настолько увлекла и захватила его, что, вспоминая прошлое, мальчик воображал, что пробыл в своём подводном плену уж точно не больше недели и вернулся как раз ко дню своего рождения!

Берега культуры и искусства

Лидия Довыденко

Уникальное искусство России

ВЫСТАВКА

«Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870—1930»

Идея и воплощение

11 декабря 2015 года в Москве, в Музее театрального искусства имени А.А. Бахрушина открылась выставка «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870—1930». Идея назвать грандиозный проект «Прорывом» принадлежит директору музея Дмитрию Родионову при единодушной поддержке организаторов. Прежде чем перейти к описанию уникальной и масштабной выставки, скажу несколько слов о Государственном центральном театральном музее, основанном в 1894 году известным московским промышленником и меценатом А.А. Бахрушиным (1865-1929). Фонды музея очень богаты. Это более чем полтора миллиона экспонатов: портреты и фотографии великих русских актёров, эскизы костюмов и декораций мастеров сценографии, предметы декоративно-прикладного искусства, афиши спектаклей. Посетив музей, главное здание или один из одиннадцати филиалов, и не только в Москве (в феврале 2014 года открылся первый региональный филиал музея в Сочи), ты попадаешь в волшебную страну театрального искусства, которое раскрывается не только через экспозиции, но и благодаря встречам с известными артистами на творческих вечерах, благодаря лекциям по истории театра с использованием фондовых материалов.

Выставка «Прорыв. Русское театральное-декорационное искусство. 1870—1930» величественна и масштабна прежде всего потому, что это совместный проект с Санкт-Петербургским государственным музеем театрального и музыкального искусства. В состав сокровищ санкт-петербургского музея вошла коллекция Никиты и Нины Лобановых-Ростовских. Музей получил коллекцию в собственность в 2013 году из рук фонда «Константиновский». В результате посетители впервые видят и оценивают как единое целое творчество театральных художников из собрания двух музеев. Во-вторых, это торжество той мысли, что не только «рукописи не горят», но и произведения, созданные кистью и карандашом. Это произошло во многом благодаря горячему желанию коллекционеров Никиты и Нины Лобановых-Ростовских спасти и сохранить для России творчество тех, кто, оказавшись вдали от неё, не оставлял мысли о Родине. Работы, представленные на выставке, свидетельствуют не только о ярком таланте создавших их художников, но и о грандиозности личности тех, кто спас работы от забвения и уничтожения. И, в-третьих, не покидает чувство благодарности организаторам выставки за то, что мы впервые видим художников России 1870-1930 годов без разделения на белых и красных, без разделения на российский и зарубежный периоды. Никто ещё в искусстве не проходил этого пути, никто ещё не создавал подобного проекта. Мы видим и чувствуем цельность и красоту, ритм линий и красок театрально-декорационного искусства России — это самобытное национальное явление, не имеющее аналогов в мире. К тому же ещё один важный феномен выставки, на уникальность которого обратил внимание Никита Дмитриевич, — это женщины-«гиганты» по таланту в русской живописи.

Слово автора идеи

На церемонии открытия выставки «Прорыв...» первое слово было предоставлено Никите Лобанову-Ростовскому. Он открыл вернисаж речью, высветившей современные проблемы искусства и культуры в России, и внёс свои конструктивные предложения.

Русская культура — участь

Русское театральное искусство на рубеже XIX и XX веков, которое Вы здесь видите, — уникальное. Почему это так? В Европе и в Америке в это время оформление сцены делалось ремесленниками, а в России этим занимались ведущие художники своего времени, что привело к тому, что все значимые живописные течения русского искусства начала XX века были, так сказать, зачаты на сцене или были воплощены на ней. Россия должна гордиться этим и спонсировать и поощрять организацию подобных выставок как можно чаще по Европе и Америке — как рекламу русской культуры. Но это, конечно, легче сказать, чем выполнить.

В советский период культура была инструментом государственной пропаганды «достижений и успехов». После смены государственного строя в России государство перестало заниматься активной культурной пропагандой за рубежом до такой степени, что даже культотдел в МИДе был упразднён. Частные инициативы рекламировать русскую культуру за рубежом существуют, и они очень похвальны. Но требуется иной масштаб, а его нет.

Налоги

Частично это объясняется тем, что государство недостаточно поощряет меценатство. По нынешним законам России меценат может списать с налогов только 2% со стоимости дарения музею, в то время как в США меценаты могут списывать 80%! В отличие от России, ввоз искусства в США никогда не облагался налогами. В результате в стране, которой без малого 240 лет, скопилось диспропорционально огромное количество культурного наследия всех стран. Благотворительность в США в области культуры в 2 раза превышает ассигнованный на культуру госбюджет.

Так что же делать?

Конечно же, следует повысить процент списывания с налогов за дарение музеям. Кроме того, нужно отменить налог на ввоз произведений искусства из-за рубежа, при этом, безусловно, сохранив контроль за ввозом в виде обязательного декларирования. Есть и возможность повышения профессионального уровня культсотрудников МИДа, чтобы те стали более эффективными пропагандистами русской культуры в ключевых городах мира.

Меценатство

Однако далеко не всех потенциальных меценатов можно мотивировать снижением налогов. Устремления многих из них проистекают из более благородных мотивов, чем материальная выгода. Я считаю чрезвычайно перспективным (и при этом абсолютно не требующим никаких расходов) создание гражданского звания, являющегося официальным признанием заслуг гражданина. Почему мы считаем правильным, когда за заслуги в искусстве самые достойные получают звание Народного артиста или Народного художника, но никто не слышал о подобном поощрении труда коллекционера или мецената, передавшего своё собрание или, скажем, своё состояние государству?

Таким званием могли бы стать «Меценат Москвы» или любого города, а также и «Заслуженный меценат России». В 1900 году за свою благотворительную деятельность Александр и Василий Бахрушины были награждены званием Почётных граждан Москвы. До этого такой чести был удостоен Павел Михайлович Третьяков.

Зильберштейн

В том случае, если идея создания гражданского звания, являющегося официальным признанием заслуг гражданина, наконец, станет реальностью, предлагаю Министерству культуры первым удостоить звания «Мецената Москвы» покойного Ильё Самойловича Зильберштейна в честь его юбилея 15 февраля 2016 года за его инициативу создания Музея личных коллекций. В Советском Союзе это было уникальное явление взаимодействия государства с гражданином.

Князь Н. Д. Лобанов-Ростовский рассказывает о выставке

Главный редактор журнала Лидия Довыденко и князь Н.Д. Лобанов-Ростовский

Директор музея Никита Родионов

Автор статьи с князем Н.Д. Лобановым-Ростовским на фоне единого красно-белого стенда. Никита Дмитриевич, мечтающий об установке памятника Примирения белых и красных в Керчи в 2017 году, предложил сфотографироваться на линии слияния белой и красной судеб русского искусства, где на белом фоне работы художников, оказавшихся в эмиграции, на красном — советские авангардисты. В искусстве примирение произошло!

Светлана Джафарова и Лидия Довыденко

Главный хранитель

Музея театрального и музыкального искусства в Санкт-Петербурге Татьяна Власова

поздравила всех от имени Санкт-Петербургского музея с безупречной и потрясающе интересной экспозицией, подчеркнув возможность для искусствоведов сделать новые открытия в «связи времён». Она рассказала, что из Санкт-Петербурга приехал Малевич (эскизы к знаменитой «Победе над солнцем»), также добавили Евграфова, Ляндсберга и Чупятова, которых в коллекции Никиты Дмитриевича не было.

Выставочное пространство

В экспозиции выставки «Прорыв...» более семисот работ: эскизы костюмов и декораций, выполненные знаменитыми мастерами, их учениками и последователями, макеты постановок, плакаты, афиши спектаклей.

Впервые на одной выставке объединены собрания двух музеев в самых разнообразных направлениях авангардного искусства: футуризма, супрематизма, лучизма, конструктивизма и других. Взорам посетителей предстали работы Карла Вальца, главного декоратора и машиниста Императорских театров. В экспозиции представлены также шедевры Врубеля, Головина, Коровина, Бакста, Бенуа, Кустодиева, Рериха, Билибина, Ф. Федоровского, смелые эксперименты Малевича, Татлина, Экстер, Поповой, Веснина, Родченко, Лисицкого, Георгия Якулова, неповторимые в своей цельности и красоте декорации Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. Каждому разделу экспозиции отведено особое выставочное пространство: залы сиреневый, синий и др.

В выставку включены работы художников, выполненные ими для всемирно известных Русских сезонов под руководством С.П. Дягилева, постановок московского Камерного театра А. Таирова и театра Всеволода Мейерхольда, оригинальные эскизы оформлений кабаре, цирковых и агитационно-массовых представлений, работы, созданные русскими мастерами к спектаклям за рубежом в годы эмиграции.

Куратор выставки — Светлана Джафарова, известный искусствовед, специалист в области авангардного искусства, рассказала, что из коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, составляющей около тысячи работ, на выставку выбраны лучшие двести работ, чтобы показать параллельно и русскую культуру, которая осталась в стране, и русское зарубежье, которое уехало и оплодотворило западную культуру. К одному и тому же спектаклю нашлись работы из Музея театрального искусства им. А.А. Бахрушина (Москва) и Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства. Всего получилось 710 произведений. Основная часть (около 500 работ) — из коллекции музея им. А.А. Бахрушина. Светлана Джафарова обратила внимание на задуманную интригу выставки — движение от направления к направлению из залов различных цветов, от одной картины мира — к другой, от новизны — к иной новизне, к необычному.

Самобытность русской театральной живописи

В своём выступлении генеральный директор Музея театрального искусства им. А.А. Бахрушина Дмитрий Родионов отметил:

«Русское театрально-декорационное искусство последней трети XIX века, вобравшее в себя достижения и традиции предшествующих двух веков, стало художественной платформой для формирования всех авангардных течений и стилей искусства начала XX века, явившихся ярким выражением тектонических разломов, происшедших в российском и мировом социокультурном пространстве. Эта взаимосвязь до настоящего времени часто рассматривалась исключительно в ключе противопоставления старой, изжившей себя практики перспективной декорации, кулисно-арочного построения сценического объёма — живописной декорации, декорации, создававшей яркий художественный образ места действия, и связанной, в первую очередь, с именами художников-станковистов, пришедших в театр, именами художников Мамонтовской оперы, именами Головина, Коровина, Поленова, пришедших в Императорские театры, позднее — декорации символической и конструктивистской.

Самобытность русской театральной живописи конца XIX — начала XX веков, её яркость, выразительность и высочайшее художественное качество не потеряли своей силы до настоящего времени и по-прежнему продолжают оказывать влияние на развитие искусства. Только в этом году Бахрушинский музей представил значительное количество работ на выставку в Музее Виктории и Альберта в Лондоне — «Русский театральный авангард: война, революция, дизайн, 1913-1933 гг.» (18 октября 2014 — 15 марта 2015 г.). В настоящее время в мексиканском Музее изящных искусств в Мехико открыта выставка «Русский авангард», где также представлено большое количество работ этого периода из собрания нашего музея.

Открывают выставку работы замечательного мастера, главного машиниста и декоратора Московских императорских театров Карла Вальца, который благодаря своей исключительной энергичности и любви к театру стал неформальным художественным лидером, взяв на себя ответственность за сохранение зрительского интереса к спектаклям Большого театра. Почитатель импрессионизма, Вальц до К.А. Коровина и А.Я. Головина пытался делать в Большом театре импрессионистическое декорационное оформление.

Владея широкими и глубокими знаниями пространства сцены-коробки, Вальц свободно оперировал живописной декорацией, открывая в ней за традиционной статикой природного или архитектурного фона внутреннюю энергию динамических превращений и преобразований, причём эти возможности часто воспринимались именно как чудеса и волшебство, настолько точно и почти мгновенно производил Вальц перемены и изменения внутри спектакля. Такую декорацию можно определить как динамическую, что станет неотъемлемой частью театрального спектакля в XX веке. Работа Вальца подготовила приход в Большой театр художников-станковистов, с одной стороны, с внедрением в практику театра принципа художественной целесообразности оформления спектакля одним художником, с другой — с постоянным расширением спектра художественных приемов и выразительных средств.

Одна из главных идей выставки — соединить в едином пространстве творчество художников, работавших в России, но оставивших Россию после 1918 года и позже. Соединить белую и красную линию судеб. Показать, несмотря на разнообразные и неоднозначные художественные коллизии этого периода, их фундаментальное единое основание, связанное с русской национальной культурной традицией.

Выставка — это и рассказ о судьбе уникальной коллекции Нины и Никиты Лобановых-Ростовских, ставшей частью коллекции Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства. Благодаря страстной любви этих замечательных подвижников русской культуры мы сегодня имеем возможность представить удивительную панораму отечественного искусства одного из самых ярких своих периодов развития. Искренне благодарю Никиту Дмитриевича за этот колоссальный вклад в дело сохранения нашего культурного достояния, за идею и поддержку нашего проекта, за пристрастное внимание к нашей деятельности.

Благодарю коллег из Санкт-Петербургского музея театрального и музыкального искусства, лично его директора Н.И. Метелицу, за плодотворное сотрудничество и неустанный интерес к делу просвещения наших соотечественников.

Благодарю Светлану Георгиевну Джафарову, взявшую на себя непростые обязанности куратора проекта и проявившую страстную увлечённость в деле создания экспозиции выставки.

Благодарю всех сотрудников нашего музея, внесших свой вклад в подготовку и организацию выставки — одного из самых крупных проектов музея за последние годы, выставки, собравшей в единой идейно-художественной структуре более 700 работ выдающихся российских художников».

Благотворное возвращение

Благотворное возвращение в коренную Россию русского зарубежья и слияние двух русских ареалов — таков итог многолетней деятельности по поиску и обретению объектов русского искусства князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. Как написал он в своей книге «Эпоха. Судьба. Коллекция», «...я выполнил долг русского человека перед Россией, в которой не был рождён. В меру моих сил и способностей я старался спасти то, что почти наверняка было обречено...»

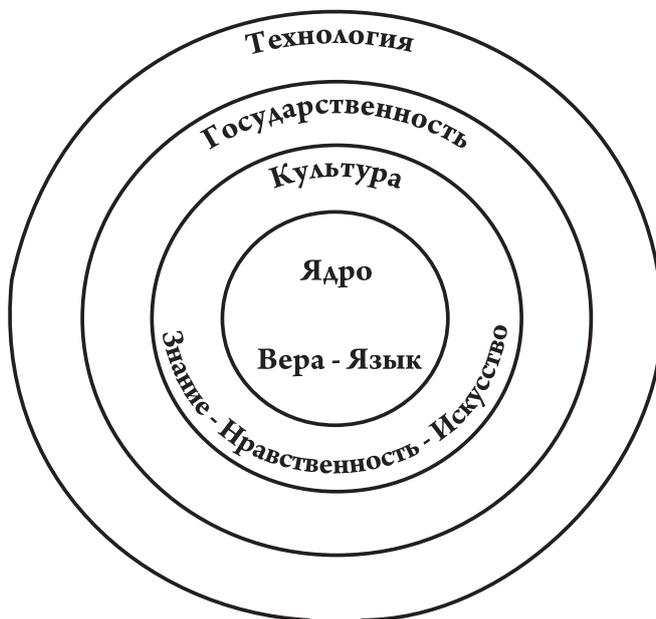
Анатолий Козлов

Прозаик, историк, журналист, поэт, публицист, член правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. Родился в 1964 г. Окончил Ленинградский инженерно-экономический институт. Автор книг: «Десять веков русской литературы», «Закваска фарисейская», «Тысячелетний путь литературы». Серебряный лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси», дипломант Всероссийской премии «Святого Благоверного князя Александра Невского», лауреат премии журнала «Русское эхо». Награждён медалью «Генералиссимус Александр Суворов» за вклад в патриотические традиции, участник VI Международного литературного фестиваля в Сербии (г. Нови-Сад) в 2011 г. Автор рассказов, повестей: «Эдем» (1997), «Имеет значение» (2008), «Шестаков и так далее» (2009), пьес: «Кукла наследника Тутти» (1996), «Живу быти» (2014), «Мы себе цену знаем» (2015).

Православный духовный реализм

Наступает время, когда отечественная культура в целом и литература в частности, в очередной раз испытав на прочность незыблемые основы бытия, заглянув в бездну бездуховного и безнравственного пространства постмодерна, вновь медленно, но неуклонно возвращается на круги своя. Жёсткий и даже жестокий характер нашего времени трезвит сознание современного читателя, не даёт ему погружаться в болото глубоко личных фантазий и индивидуалистических мечтаний. Находятся, конечно, и те кто пытается отмахнуться от действительности, дескать «надоело, хочется позитива». Но ведь затяжной прыжок только называется «затяжным», а правильно было бы назвать его «ускоренным», потому что человек-то падает вниз с нераскрывшимся куполом парашюта. В литературе таким «парашютом» служит реализм. О том, что такое *реализм* с точки зрения православного мышления, и пойдёт речь в этой статье. Вначале приведём цитату из труда современного философа:

«В духовном центре цивилизации находится религиозное ядро, включающее в себя веру народа и его священный язык, на котором он говорит с Богом. В русской цивилизации это, соответственно, христианская православная вера и славянский язык. Вокруг указанного ядра располагаются цивилизационные оболочки, начиная с интеллектуально-нравственно-художественной (собственно, культура); далее следует государственно-политическая сфера — область соединения священства и царства, духовной и светской власти; наконец, внешнюю форму цивилизации образует её хозяйственно-экономическая и технологическая жизнь, «тело власти», излучающее её силу на весь остальной космос.

Как в качестве креста, так и в форме круга христианская цивилизация являет собой единство, в котором по неисповедимому промыслу Божию борются друг с другом добро и зло. Образы, символы, знаки, стереотипы культуры — это духовно-смысловая иерархия («лествица»), одновременно сближающая и разделяющая между собой Сущего и сущность. Применительно к круговой схеме это означает, что некоторые оболочки цивилизации — в частности, культура и искусство — могут иногда значительно отдаляться от её онтологического ядра или даже вовсе противоречить ему». (Казин Александр Леонидович «Великая Россия»).

Из этого отрывка ясно, что основа цивилизации, её «ядро» — суть неизменная культурная платформа, состоящая из неразрывного соединения веры в Бога и исконного языка, — высшей его формы. Это то, что делает народ и его культуру устойчивыми перед внешними изменяющимися условиями, и то, что обеспечивает духовную безопасность народа и, в конечном счёте, его целостность и живучесть. Религия, язык и культура народа составляют его иммунную систему.

Немаловажно, кто и в каком качестве, в каком духовном состоянии, в какой степени является носителем и хранителем этих ценностей.

Поэтому весьма важны были и остаются литераторы, чьё творчество основывалось, соприкасалось, выражало, изучало и объясняло культуру народа. И правильнее всего называть их «традиционалистами».

Имея в виду это обстоятельство, попробуем разобраться, что же такое реализм в литературном произведении? Можно предположить заранее, что реалисты — это те писатели, чьё творчество больше соприкасается с традиционной культурой, а духовные критерии заложенные в нём основываются на традиционных духовных основах.

Конечно, ни у кого не хватит фантазии назвать Александра Сергеевича Пушкина или Фёдора Михайловича Достоевского «деревенщиками», но пушкинские «Евгений Онегин» и, уж конечно, «Капитанская дочка», несомненно, являются не только утверждением, но и воспеванием основ русского бытия. А в своих поздних произведениях (после каторги и ссылки) Достоевский ставит Христову Истину, составляющую смысл русской культуры, превыше всего.

В этом и состоит, собственно, суть: Христос — это Истина. Человек с православным мировоззрением понимает *Истину* и видит её, и всё измеряет Истиной, отсюда возникает реалистичное восприятие действительности.

Речь пойдёт о методике критического анализа русской литературы, в которой в качестве эталона духовной основы берутся канонические Евангелия. Если до эпохи «модернизации» литературные тексты либо соответствовали эталону, либо очень близко приближались к нему, они существовали в евангельской традиции, развивались в его атмосфере и по его логике. С приближением эпохи «модерна» и вхождением в неё основным критерием творчества становится примат писательского «эго», в советское время нивелируемый идеологией. Литературе в поисках правды и истины приходилось преодолевать всё больше духовных барьеров и прилагать усилия для утверждения «прописных», евангельских истин, доказывать их очевидность, и даже заново, изобретая «велосипед», их открывать. И, наконец, с наступлением эпохи «постмодерна» православные духовно-нравственные ценности не только провозглашаются «неочевидными» и не только подвергаются сомнению, но и делаются попытки их полного отрицания, впрочем, как и самих основ человеческого бытия.

Не надо отчаиваться! Это всего лишь тенденция, свойственная людям. Но в неё втягивается всё больше авторов (не будем сгоряча называть их писателями), привлечённых лёгкостью творческого процесса, требующего всё меньше умственного труда и почти исключаящего духовный. А главное — полной безнаказанностью из-за отсутствия критериев творчества. Поскольку автор является не только автором произведения, но и автором критериев его оценки.

В советскую эпоху много говорилось о реализме в искусстве. Советский писатель должен быть реалистом, с небольшой, правда, приставкой «соц-» — социалистическим реалистом. А это означает предвзятость и субъективизм при создании произведения, ущербность в угоду навязанной идеологии. Но, несмотря на это, и в ту эпоху создавались произведения, достойные называться классикой. Для того чтобы это понять, надо разобраться — что такое р е а л и з м ?

Литература любой эпохи — это культурное явление, всесторонне отображающее мировоззрение целого поколения. Вырывать из исторического и литературного контекста отдельные произведения

предшествующих эпох или творчество отдельных авторов так же неверно, как рассматривать подступки отдельных исторических личностей вне эпохи и без учёта сложившейся обстановки.

Литература каждого периода многогранна, и говорить о том, что то или иное произведение профессионального писателя является основным или главным — не очень верно, как, скажем, поедая овощной суп, утверждать, что картофель вкуснее капусты и т.д. Потому что совокупность произведений той или иной эпохи — это динамичное, живое и подвижное отражение процессов, происходящих в обществе. Литература каждого отдельного периода представляет собой многослойный пласт, изучить который и составить полную картину жизни и философии того времени можно только путём «срезов» творчества каждого значительного писателя — носителя и выразителя многообразия современных ему взглядов и тенденций, сумевшего отразить свою эпоху. И тогда весьма субъективными станут суждения по поводу «устоявшихся и просеянных» литературных периодов, допускающие выделение отдельных авторов как «главных» или «самых значительных». Тут должны возникнуть возражения вроде таких: а как же быть с такими выдающимися личностями, как А.С. Пушкин или Л.Н. Толстой? Ведь они сами по себе — уже целая эпоха? Конечно, гений Пушкина невозможно усреднять и опускать до уровня его эпохи. Это современная ему жизнь тянулась до уровня Пушкина. Александр Сергеевич сам определял уровень культуры. Но в том и дело, что произведения Пушкина, творчество которого является литературной эпохой, нельзя без разбору рассматривать вне контекста времени (как и других писателей). Большинство его произведений остаются и будут оставаться актуальными, преодолевая временные барьеры, близкими по духу «новому» читателю. Именно в этом и состоит один из признаков их гениальности. Потому что созданы они на исконных духовных и историко-культурных ценностях, лежащих в основе культурной, экономической и политической жизни России. Но есть в пушкинском наследии несколько произведений, которые, несмотря на их блистательное исполнение, ни в коем случае нельзя безоглядно относить к шедеврам, к его духовному наследию и рассматривать без учёта исторической обстановки на момент их создания. Потому, что и сам Пушкин подчас сожалел о том, что написал их. Эти произведения, скорее, можно рассматривать как исследовательский материал для литературоведов, историков и т.д.

Фигура же Льва Толстого была монументализирована на волне «передовых» новомодных течений конца XIX — начала XX веков. В эпоху большевизма, благодаря толстовским идеям разрушения православной веры и подрыва тем самым российской государственности (самодержавия), его творчество стало особенно ценным орудием идеологии. Величайший, самобытный, яркий художник Лев Толстой — по сути, плодовитый и выдающийся, даже гениальный бытописатель и превосходный психолог, был возведён в ранг философов и мыслителей. Количество мастерски написанных томов, несомненно, вызывает уважение и является бесценным литературным наследием и материалом для изучения. Но что касается идей философии, «изобретённой» Толстым, отнесённых к разряду «научных» теорий, то в основном они являются опровержением и разрушением того, что утверждал и воспевал А.С. Пушкин, и антиподом идей Ф.М. Достоевского.

Духовные основы реализма в светской литературе можно отыскать ещё у Лескова в его «Очарованном страннике», где показан путь человеческой души к Богу через физические страдания и лишения. В его рассказах «На краю света», «Скоморох Памфалон», «Христос в гостях у мужика» или в повести «Соборяне» показано угасание веры через её формализацию, с одной стороны, с другой — достижение человеком святости через стяжание Божией благодати. Затрагивая в своих произведениях столь высокие духовные темы, Лесков, тем не менее, использует для их решения реалистичные, жизненные ситуации из народного быта так, что у нас не возникает ощущения мистификации или фантазмагии даже в повести «Запечатлённый ангел». Настоящий, подлинный реализм народной жизни — жизни духовной, составляющей основу и смысл русской цивилизации.

Ещё ранее мы то же видим у А.С. Пушкина, например, в «Капитанской дочке». Добрый, отзывчивый, честный и преданный своему делу, присяге молодой человек Пётр Гринёв вполне похристиански полагает, что жить грабежом и убийствами — несправедливо. Солдат, исполнивший свой долг, не стяжавший богатства, почестей и славы, сохранивший честь и чистую совесть, но в результате закономерно обретший ценою испытаний более высокую награду — семейное счастье.

В советскую эпоху писатели-«деревенщики» не только продолжили традиции своих предшественников, а занимали рядом с писателями-«баталистами» ведущее место в литературном процессе. Впрочем, делить их на две категории не совсем справедливо потому, что отделить одних

от других порой невозможно. И правильнее будет назвать их метод методом «*православного или духовного реализма*» или методом «*традиционализма*», так как они являются, по сути, писателями, в основе творчества которых лежат православные духовные ценности (бескорыстие, нестяжательство, самопожертвование, верность долгу, любовь к Родине и т.д.) и чьё творчество основывается на духовных традициях народа.

Традиционалисты — писатели, продолжающие оживлять и подпитывать, традиционную культуру как основу жизни народа, разъяснять её ценность в новых сложившихся условиях.

В первооснове творчества любого писателя лежит, прежде всего, духовное «видение» глубокого противоречия между *внутренним* миром человека, стремящимся к гармонии, и реальной *действительностью*, то, что является *побуждающим* мотивом творчества. Писатель спешит *подправить* действительность. Преодоление этого противоречия, свойственного вообще современному человеку, в частности, характерно и для русской классической литературы. Глубина этого противоречия — противоречия между обществом, становящимся потребительским, меняющим духовные законы на законы формальные (юридические) и духовной жизнью народа — велика.

В православном сознании это противоречие вполне разрешимо. Человек, конечно же, грешен — это трагедия, но он же создан по образу и подобию Божию, и у него есть путь к спасению — христианская вера. У человека есть выход. *Отсутствие безысходности*, то есть сообщение *человеческой жизни смысла* — вот главное достоинство русской литературы.

Термин «**православный реализм**» в нашей литературе впервые встречается в работах писателя, историка *Николая Михайловича Коняева*. Например, в его статье «Православный реализм — литература будущего»¹ не только применяется данная терминология, но и сама статья посвящена этой теме на примере творчества *Н. Рубцова* и *Ф. Абрамова*. С уверенностью можно сказать, что метод православного реализма, благодаря своему большому прошлому имеет реальное будущее.

Есть и ещё одно название этого подхода — **духовный реализм**. Авторство этого термина установить сложно и, скорее всего, он имеет своё начало в Евангелии, где говорится о закваске фарисейской и саддукейской, то есть о лицемерии и о том, что отец лжи — сатана. Лично мне терминология «духовный реализм» встречалась в работах Алексея Марковича Любомудрова² и в лекциях Ольги Борисовны Сокуровой³. А истоки её можно найти ещё в философии *Ивана Ильина*. И хотя для православного сознания авторство не столь значимо, поскольку всё происходит по воле Божьей и с Божьей помощью или по Его попущению, но в научном мире приняты точные ссылки на авторство.

Скорее всего, оба термина являются взаимодополняющими и взаимопоясняющими. «Духовный» означает ту область, которую следует развивать для ясного понимания и видения бытия, то есть *с п о с о б*, а «православный» указывает *м е т о д* или путь, если хотите «методику», с помощью которой можно развиваться. Суть же метода **духовного православного реализма** заключается в том, что Христос принёс Истину и путь к спасению души. Прими это с чистым сердцем, без лукавства, без желания выгоды, и тебе откроются невиданные доселе истины. Вот, собственно, и всё содержание этого «метода». Какая же основная особенность православного духовного мировоззрения? Это главное — *ц е л ь н о е м и р о в о с п р и я т и е*, ставящее во главу угла духовную жизнь человека, его духовное совершенствование, иначе — его путь к Богу, в отличие от гуманизма, который, декларируя заботу о человеке, подравнивает живого человека под ряд придуманных искусственных догм — юридических, экономических, научных, философских, социальных. Будучи искусственными, эти догмы вынуждены постоянно мимикрировать, и вместе с их изменением, пытаются изменить, искорёжить, подмять под них человека. В православном же миропонимании духовные основы — основы человеческого бытия — остаются неизменными. Забота о спасении человеческой души — важнейшее дело человеческой жизни.

Цельная картина восприятия мира — вот главное отличие православного мышления. Именно цельностью восприятия окружающего мира объясняются такие феномены, как прозорливость Александра Невского, научные достижения М.В. Ломоносова, гениальность А.С. Пушкина и т. д.

¹ журнал «Всерусский собор» №2, 2006 г.

² доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

³ Кандидат искусствоведения, доцент исторического факультета СПбГУ.

Именно цельность мировоззрения помогает человеку, учёному найти правильный путь или нестандартное решение. Не случайно человечество на каждом новом витке развития стремится систематизировать исторический процесс (теория экономических формаций, теория пассионарности и т. д.), придать ему цельность (научность). И не случайно западная наука стремится всё больше сделать перекоп в сторону наук точных, «естественных», отделить или нивелировать роль гуманитарных (читайте — духовных) наук. Это ведёт к раздроблению сознания, а таким сознанием легче управлять и манипулировать. Но откуда исходит цельность, где берёт начало и на чём основывается? Прежде всего, на любви к Родине, к её культуре, к её духовным основам. Не случайно сам Александр Сергеевич Пушкин придавал такое значение тому влиянию, какое оказала на его воспитание Арина Родионовна — его няня. Что дала она ему, что привила? Научные знания, филологические основы, философские понятия? Даже звучит смешно. Конечно, в первую очередь он воспринял и полюбил родной язык, проникся духом народной жизни и уже не мог не полюбить свою родину, не мог не любить Россию всем сердцем, восхитившимся ею в детстве, когда душа человека, ещё распахнута для окружающего мира. Так же, как дети, как каждый из нас любит свою мать, невзирая на то, имеет ли она вид «современный» и респектабельный или, наоборот, весьма скромный.

Христианство, возникшее более двух тысяч лет назад, вопреки расхожим утверждениям, не превратилось в окаменевшую догму, а неуклонно развивается, реально используя достижения науки, но не изменяясь в своей основе. По способу развития и по своей «структуре» оно, можно сказать, даже более «научно». В нём ничто не устаревает, а только накапливается и развивается. При этом оно даёт ответы на насущные вопросы и предлагает реальные выходы из «безвыходных» ситуаций, в которые вогнало себя современное человечество. Здесь есть однозначные и определённые понятия: хорошо — плохо, добро — зло, благо — грех, верность — предательство и т.д. Оно не уводит в мир самоистребляющих иллюзий, изолирующих от жизни фантазий. Оно открывает безграничный мир истинного творчества. Оно даёт жизнь и движение вперёд. Даже если мировоззрение отдельно взятого абстрактного православного индивидуума и имеет недочёты, связанные с недоинформированностью, то в целом оно зиждется на взаимосвязанных процессах, протекающих в жизни людей. В целом ему понятно всё, сама структура, цель и смысл мироздания. А это как раз и нужно, чтобы понять суть любого явления, процесса, работы — в любой сфере.

Откуда же берётся это полное видение мира в православном сознании? Человек с материалистическим восприятием мира видит только его одну, материальную, сторону, которую можно увидеть глазами, обнаружить опытным путём. Но ведь это только половина нашего мира, при этом не лучшая — материальная означает мирская. Естественно, что сознание человека верующего включает в мировоззренческую картину и духовную сторону жизни, что, несомненно, даёт более полное представление об окружающем мире, создавая законченные причинно-следственные связи, делая бытие человека более цельным, объединяя прошлое, настоящее и будущее. Материалист видит только земное — далеко не лучшее, даже низменное — и идёт у него на поводу, объявляя это естественным, природным: «Так есть, и ничего не поделаешь — природа создала», «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо» и т. д. Отсюда стремление материализма узаконить пороки: «Что естественно, то не безобразно». Душа православного верующего открыта для истины; в минуты откровений она соприкасается с высшим, с Божественным и потому знает о существовании совершенного мира. И именно это даёт стимул к совершенству, к стремлению вперёд, ввысь, к созиданию, и окрыляет не только поэтов и вдохновляет писателей, но даёт творческий порыв в любом созидательном труде. Секулярное сознание воспринимает пороки и благодетели как равноправные явления, но, в конце концов, пороки одерживают верх, кажутся естественными, неистребимыми, поскольку нет механизма борьбы с ними. Сила воли? Но у людей не хватает силы воли даже на то, чтобы бросить курить.

Православное же мировосприятие позволяет разглядеть сквозь пелену пороков, сквозь завесу первородного греха образ Божий в любом, даже совсем «потерянном» для общества, с точки зрения формального, юридического закона, человеке, более того — видеть путь восстановления этого образа через покаяние.

И в завершение хочется привести одну цитату из нашего настоящего.

«Красота земли, сострадание слабому и правда в человеческих поступках, мыслях и намерениях — это и есть основы русской цивилизации». («О вреде и пользе водопровода» Феликс Васильевич Разумовский, журнал «Фома», май 2008 г.).

Критика

Минские берега

Анатолий Андреев

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей Беларуси, член Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства. Автор 230 научных публикаций, в том числе монографий «Целостный анализ литературного произведения», «Культурология», «Психика и сознание: два языка культуры», «Теория литературы», «Персоцентризм в классической русской литературе XIX в.» и др. Автор двенадцати опубликованных романов: «Лёгкий мужской роман», «Маргинал», «Для кого восходит Солнце?», «Халатов и Лилька», «Игра в игру», «Всего лишь зеркало...» и др., книги рассказов «За буйки», книги повестей «Вселенная – не место для печали», пьес. Живёт в Минске.

Гуд бай, литература! Здравствуй, чтиво дивное!

Берусь обосновать два тезиса (положения):

1. В нашем обществе (и не только в нашем, что не может нас не радовать: не одни мы такие, мы как все, мы часть мира) перестали читать.

2. При этом никуда не исчезло, а напротив, кичливо выпячивается желание называться самой читающей страной, где бурно процветает литературная жизнь, где плодятся книги-«романы» и размножается «читатель».

А кому, собственно, обосновать-доказать?

Да хотя бы себе и хотя бы потому, что доказуемое и обязательное для личности (одной, существующей в единственном числе) становится обязательным для всех культурно озабоченных и литературно ангажированных.

Обратимся к тезису первому.

Смысл сакрального действия «читать» традиционно предполагает реализацию культурной потребности. По умолчанию «читать» — значит, читать художественную литературу.

Для этого необходимы, по крайней мере, два условия: наличие хорошей, качественной литературы (не путать с хорошо изданным чтивом) и читателя (не путать с потребителем книжной информации).

Что есть художественная литература?

(В данном случае мы ограничим понятие литература художественной прозой, ибо именно за прозой закреплена репутация культурного тяжеловеса. Кроме того, если представить себе, что люди вдруг начали читать стихи, становится не по себе: что-то случилось, и уж, конечно, не очень хорошее.

Станем исходить из оптимистического: у нас ничего плохого не случается; всё, что ни делается, только к лучшему, а посему стихов, слава богу, не читают.

Хватит, натерпелись при социализме. Сталинизме. Тоталитаризме.)

Хорошая литература (проза) начинается с известной плотности экзистенциального смысла. Писатель-бедолага пытается в небольшом по объёму произведении обогатить пропущенные через собственную душу, сознание и совесть такие понятия, убивающие всякого нормального (то есть далёкого от культуры) гражданина и патриота, как истина, добро, красота, счастье, смысл жизни.

Пропустить эти понятия сквозь призму личности: тогда только они оживают, становятся качествами человеческими.

Да, не забудем и о таком пустячке: автор при этом одарён ещё не только философски, но и художественно — то есть он умеет писать, попросту говоря.

Писатель, по нашей версии, тот, кто умеет писать, кому есть, что сказать.

Литература — продукция, созданная таким бедолагой-писателем.

Читатель — тот, кто читает литературу (не читиво), получая при этом особого рода удовольствие, не связанное напрямую с процессом пищеварения. Если представить себе человека, просидевшего несколько часов подряд с «Войной и миром» в руках, вдали от ТВ и компьютера, то перед нами с большой долей вероятности именно читатель. У него есть потребность читать — потребность извлекать из текста духовно значимую информацию.

Отсюда следует: не каждый, держащий в руках книгу, читатель.

Отсюда вывод: читателей у нас нет, литературы — нет. Где литература, ориентированная на классические элитарные традиции?

Её нет; нет, соответственно, и института, ориентированного на подобную литературу, — института критики.

Теперь разберём тезис второй.

У нас есть книги, есть люди, зачем-то покупающие эти книги, и они, извините, их «читают».

В эту трогательную, по культурным меркам, ситуацию, вкралось недоразумение, которое необходимо развеять.

Писатель, согласно глубокой и одновременно тонкой мысли Льва Толстого, автора «Войны и мира», — писатель не может унизиться до приёма.

Не может — и всё тут.

А теперь поинтересуемся у несунув из книжных магазинов: что они несут?

Во-первых, остросюжетную прозу.

Но кто пишет, с позволения сказать, остросюжетную прозу?

Мастера остросюжетной прозы, из каких-то им одним известных предрассудков избегающие называть себя писателями (что, конечно, делает им честь), чтобы затем гордиться своим мастерством. Речь идёт о мастерстве как умении применять приёмы, само собой.

Узнать счастливых обладателей приключенческой и детективной «прозы» можно по их сияющим глазам.

Во-вторых. Посетители книжных магазинов приобретают фэнтези (иди хоррор, или готику, или мистику — что, впрочем, едино суть).

Фэнтези вкупе с фантастикой — это вообще тест, а не текст: не можешь писать и при этом не можешь не писать — пиши фэнтези. Считай, что вы нашли друг друга.

Отличный приём: и книжку напишешь — и проблем несчастного писателя избежишь.

Хочешь повысить тиражи — выйти, так сказать, в тираж?

Попробуй унизиться до фэнтези.

В-третьих, женская проза, куда ж нынче без неё, без этих причудливо-примитивных творений прекрасного пола. Это уже унижение не до приёма даже, а до прямого вызова «Войне и миру»: эта «проза» для тех ценителей изящного, кого тошнит от «высокодуховного» продукта, сиречь от литературы.

В-четвёртых, детская литература. Писать для малых сих, не принижаясь до их возраста, унижая при этом их и себя, получается...

Нет, не так: не получается почти ни у кого.

Можно было бы продолжить — но больше из книжных магазинов ничего не несут. В книжных магазинах, где продают книги, нет литературы. Читатель обходит такие места стороной, чтобы не унизиться до резвых потребителей читива.

Есть ли смысл называть имена корифеев читива?

Смысла нет. Имя им легион, безликих и бессмысленных. Их тьмы и тьмы, вышедших из темени и плодящих темень. Без конца и без краю.

Вывод: мы наблюдаем признаки литературной жизни — при этом самой жизни нет, поскольку литературы, повторимся, также нет.

Налицо дилемма. Если мы применим критерии литературы к современной литературной жизни, то никакой литературной жизни не обнаружим.

Если же будем исходить из реальности, то есть признаем факт бурнокипящей литжизни, то с некоторым недоумением вынуждены констатировать: в литературной жизни нет литературы.

Вывод: с этим Толстым надо что-то делать, ибо он явно портит всю литкартину.

Надо поменять критерий, точку отсчёта.

Чтобы достойно выйти из этой непростой, прямо скажем, унижительной ситуации, мастера-остросюжетчики (а также фэнтэзийщики и проч.) по свойственной им склонности сочинять-придумывать решили сделать вид, что никакого Толстого просто не было.

Ну, приснилось это всем. Бывает.

И «Войны и мира» не было, не говоря уж об «Илиаде», «Евгении Онегине» или «Братьях Карамазовых».

Зачем критерием литературы делать художественные стандарты «Войны и мира»?

Зачем столь высокодуховно, господа?

Давайте критерием нашей, гм-м-м, продукции, что ли, сделаем тиражи и премии. У кого их больше — тот и займёт трон, предательски выдернутый из-под фигуры мирно упокоившегося с богом графа.

Оценим гениальную простоту трюка: тем самым, словно в мастерски закрученном детективе, и колоссальный авторитет графа, вообще всей литературы, заставим работать на себя — и ответственности писателя избежим, от высокодуховных заморочек избавим и себя, и легионы читателей наших (которые не чета жалким разрозненным кучкам любителей и поклонников «Войны и мира»), и общество оздоровим.

Сколько можно по уши в красивых мифах сидеть-прозябать!

Хватит, натерпелись. XXI век в разгаре.

Вот такой креативный ход.

Отныне на вопрос «ну, что там у нас с литературой?» следует необыкновенно скоро бормотать о рейтингах, премиях и тиражах (при желании можно и в обратной последовательности, да как угодно можно тасовать эти три позиции, эти три верные карты, которые утратят, усмерят наш капитал). Так сказать, напрямую обращаться к авторитету народа, минуя всю эту культурную элиту, этих обманчиво опрошённых толстых, всю эту высокодуховную братию, которая, мнится, и рождена была затем, чтобы унижить всё то, чему мы сегодня поклоняемся.

Отныне и навсегда мы создаём свой параллельный мир (ау, фэнтэзи с хоррором): у них были литература, писатель, читатель — у нас читиво, автор бестселлера (он же мастер остросюжетной прозы, можно просто: Мастер), потребитель бестселлеров (он же их главный создатель и вдохновитель).

Гуд бай, литература, накрепко спелёнутая невидимыми ремнями репрессивных культурных норм и законов!

Здравствуй, читиво дивное, свободная литература свободного общества!

И всё бы ничего, да только вот сохранились ещё кое-где у нас порой пережитки-читатели как остаточное явление, как феномен, сопутствующий переходному периоду. Кроме того, усилиями покойного уже графа Толстого, приходится, к сожалению, отдать должное его многострадальной тени, время от времени воспроизводится эта удивительно тонкая культурная прослойка, вечно дышащая на ладан и вечно при этом неистребимая (какого-то чёрта, прости господи).

Так вот специально для них (и ради нас, будем откровенны) — лепим культурный миф, в основе которого острейший, непредсказуемый сюжетный ход, буквально шокирующий своей оригинальностью (ау, граф!).

Внимание, фокус-миф начинается с безупречной логики.

Толстой и иже с ним велики были потому, что универсальной точкой отсчёта в мире сделали личность, так сказать, сотворили себе кумира — ибо: деньги у них были, необходимость зарабатывать на хлеб насущный счастливо отпадала.

Сегодня личность с её культурным величием и культурными критериями исчезла. Как сон, как утренний туман, как литература.

А нет личности — нет культурной проблемы, не говоря уже о пресловутой глубине.

NB: отпала необходимость в Толстом — и он исчез как точка отсчёта.

Ерго: мы, мастера сюжетных жанров и иже с нами, являемся законными наследниками литературных традиций, которые закладывались в том числе высокодуховным графом. Логично?

На первый взгляд — да. Но на деле перед нами логика трюка, которая опирается на подвох, тот самый приём, с помощью которого лепится всякий миф. Что значит «личность исчезла»?

Это значит «свято» место личности заняли идолы дензнаков. Личность никуда не исчезала, её вытеснили, перестали замечать, перестали с ней считаться. Почему — это отдельный вопрос. Но говорить об исчезновении как о естественной смерти личности — это культурная ложь. И далее логика выстроена на лжи, которая налипает на миф с каждым новым логическим ходом.

Миф лепится и тучнеет. Ложь становится наглой. Присмотримся.

Сегодня литература существует только в форме чтива.

Если чтиво — это не литература — то литературы никакой просто нет.

Так что сам Толстой должен нам сказать огромное спасибо.

Если не мы — то кто же? А?

Назовём вещи своими именами: мы и есть новые толстые. А также достоевские и прочие. Да-да. А вы как думали? Лучшая защита — нападение, лучший ответ культурным скептикам — тиражи. И рейтинги. И премии. От имени благодарного человечества. Которое мы избавили, наконец, от заморочек.

А премия, конечно, будет им. Л.Н. Толстого. Или — А.С. Пушкина. А лучше всего — Большая-Пребольшая Книга (чтобы никто не догадался, что литературная премия не имеет отношения к литературе).

Граф как заноза культуры безболезненно удалён из тела здорового общества — здорового до бесчувствия.

Чего ж вам больше?

Читайте, получайте удовольствие — ни в чём себе не отказывайте. Следите за рейтингами. Которые помогают расти тиражам. Которые приводят к вожделенным премиям.

А премия — это рейтинг...

Скажете, миф, шитый белыми нитками?

Говорите. Кто вас услышит?

Мы, остросюжетники, униженные графом «до приёма», берём реванш. Нам отмщение — и мы в долгу не остаёмся. Воздаём должное.

Писателям. Читателям.

Всем.

Скажете, цинизм?

Ага. Здоровый. Без культурных примесей. Без заморочек.

И что будем делать, уважаемый читатель?

Называть малых сих, имя которым легион, новыми варварами — язык не поворачивается: ведь они следуют старому доброму правилу — бизнес, только бизнес, ещё раз бизнес и ничего личного. Они следуют логике своих «читателей», в отличие от Толстого, писавшего отчего-то не ради читателей, а ради истины. Добра. Красоты. Счастья.

Нет, они не варвары; они интеллектуально развитые варвары, распространившие свою варварскую (неразумную) логику до предела, за которым или варвары исчезнут, или исчезнет всё остальное вместе с ними.

Для чтива и его адептов универсальная точка отсчёта в мире — деньги. Это святое, и это их последняя черта, за которой для них жизни нет.

Для Толстого и его читателей универсальная точка отсчёта в мире — личность. Без личности в мире жизнь есть, а перспективы исчезают.

Или деньги — или личность: вот что стоит за альтернативой «читать или не читать?».

Вернемся к нашим тезисам. Теперь, надеюсь, понятно, что читать перестали именно из-за того, что появились книги.

Я в очередной раз доказал самому себе, что парадоксальные тезисы, к сожалению, доказуемы, и связь между ними, к несчастью, именно такая: перестали читать потому, что буйным цветом рас-

цвела литературная жизнь, сиречь коммерция. Диктатура природы сметает любую, самую высокую культуру.

Что, между прочим, доказывает: моя убежденность в том, что Толстой есть вечная точка отсчёта в любой современной литературе, — только на руку тем, кто молится на рейтинги.

Что ж: туда им, новым варварам, и дорога.

Гуд бай!

Заметки мои можно было бы заканчивать, если бы не ещё один занозистый вопрос: что же теперь, чтиво объявить нелегитимным, а литературу не существующей?

Именем недостижимого (ибо никому не нужного) совершенства поставить крест на современной литературе?

Всё-таки живые люди, худо-бедно читают...

Нет. Никак нет. Чтиво пускай себе процветает на здоровье.

Пусть живые, но «духовно почившие», развлекаются.

При этом точкой отсчёта в литературе настойчиво (не нагло) необходимо делать прозу Толстого.

И не надо делать вид, что подобный компромисс — это уступка агрессивному чтиву.

Вовсе нет. Такой компромисс, если он состоится, станет победой литературы (вот почему, кстати, добиться его практически нереально). Такой компромисс — способ не просто выразить уважение к читателю, это способ сохранить читателя как звено культуры.

Такой компромисс называется диктатура культуры.

Пусть в самой читаемой стране по слогам читают чтиво; зато Толстого, который был, есть и будет, никто не читает — и это вселяет определённый оптимизм.

Критика

Вильнюсские берега

Георгий Почуев

Георгий Почуев – член Союза писателей России, литературный эксперт первой категории, победитель международного конкурса «Поэтический Олимп» в номинации «Литературные эксперты», которому присуждена Золотая медаль за победу в этом конкурсе. Руководитель поэтической студии «Плеяда». Родился в 1945 году. Образование высшее – в 1972 году закончил филиал Донецкого государственного технического университета. Автор двух сборников стихов, соавтор более чем двадцати альманахов поэзии в Литве, России, Латвии. Публикации (поэзия и статьи) в газетах «Обзор», «Литовский курьер», «Пенсионер», «Сугардас», «Энергетик» (Литва), «Российский писатель», московский «Интеллигент», в журналах «Наследник», «Российская Федерация сегодня», «Русский век», «Берега» (Россия), «Настоящее время», в альманахе «Планета поэтов»

Спектр «Единорога...» Арона Гаала

Эссе

Зритель, рассматривающий живописное полотно, обладает преимуществом перед читателем, скользящим взглядом по тексту строка за строкой. Это преимущество — возможность видеть полотно сразу и целиком, отойдя на нужное для этого расстояние. При этом обращает внимание на ту часть картины, которую художник изобразил так, что она привлекает взгляды в первую очередь.

Читатель же стихотворения не может составить впечатления о нём до тех пор, пока не прочтёт его до конца. Однако по ходу чтения он может оценить достоинства отдельных, составляющих его стихов. Прежде всего, конечно, тех, которые обладают чем-то особенным. Такие стихи в «Единороге...» тоже есть. Вот первые из них:

*«...удивляется, как кружатся бабочки, Небо,
А утром в полусне встает Солнце...»*

Эти метафоры, на первый взгляд, могут показаться незатейливыми и намекающими на то, что далее последует пасторальная картина. Однако, если продолжить чтение, вырисовывается глубоко лиричная картина утра Земли, одним из главных героев которой является невидимый Ветер, листающий, по сути, Книгу Бытия, одним из действующих лиц которой предстаёт он сам.

И эта Книга вмещает в себя не только историю Феи Листьев, нашедшую пристанище в ветвях дерева, но и другие истории, обычно происходящие на Земле. Благодаря этой Книге, которую, безусловно, читает особа, пославшая Единорога, в свою очередь, сбылась мечта лирического героя стихотворения: вернуться домой, в листопад. Потому что одухотворённый человек в трудную минуту часто прибегает к мечте — оказаться под защитой родного дома. Тоска по дому, по целебной силе его ауры сохраняется на всю жизнь. И листопад, конечно же, может навеять тоску, послужить толчком к возникновению этой мечты.

Этот метафизический сюжет производит настолько сильное впечатление, в том числе и потому, что написан практически на одном дыхании: ведь если всмотреться, можно заметить, что весь текст стихотворения — это одно предложение, вмещающее в себя весь мир поэта. Причём не

фрагментарно. Предложение, наводящее на мысль о том, что болезнь не обязательно должна быть прозаической хворью, а жар, который испытывает поэт, — это его беспокойство о судьбе мира, из которого вытесняются феи, а ветер перестаёт считаться одним из главных действующих лиц на Земле, вообще отбрасывается пришедшее из глубин древних цивилизаций представление (пусть даже мифологизированное) об устройстве мира.

Вглядываясь в мир этого стихотворения (как и любого другого, написанного талантливым поэтом) глубже и заинтересованнее, можно составить некороткий список образов, в нём присутствующих. Пытливый читатель наверняка отыщет их, посмакует их символику и оригинальность, проникнется чувствами, которые вызвали у автора неотложное стремление написать о них с благодарностью к некоей особе, приславшей ему Единорога. Эта благодарность проясняется лишь из контекста, тем не менее учитывая силу поэтического слова, значение, которое поэт придаёт событию (переносу домой, а за этим понятием стоит много больше, чем стены и крыша), можно верить, что благодарность (выраженная пусть неявным образом) имеет место быть.

Ведь только Единорогу (это убеждение автора стихотворения, прочитываемое между строк) под силу преодолеть любые лабиринты, не только «лабиринт жара», способного сжечь поэта, если его не перенесут домой — в место, дорогое его сердцу.

Многоплановая символика, таящаяся за образом этого мифического однорогого существа, предполагает, как минимум, его способность противостоять силам зла. Одним из последствий влияния этих сил, как считалось традиционно, являются болезни (неважно, какого рода). Поэтому особа, которая насколько таинственна, настолько и могущественна (далеко не каждому ведь дано распоряжаться Единорогом), должна быть вознаграждена словом поэта.

Зная из уст автора этого стихотворения, что он получил классическое западное образование, можно быть уверенным в его приверженности традициям, берущим начало в Элладе. И обращение к образу Единорога — тому подтверждение. Известно также, что такие западные писатели и поэты как Ф. Рабле, Л. Кэрролл, У. Шекспир, У. Йейтс, Р.-М. Рильке, и не только они, использовали этот образ в своих произведениях.

Известно, что каждый из цветов солнечного спектра обладает неким набором оттенков этого цвета. А каждый настоящий поэт награждает мир своим набором оттенков в той цветовой гамме, которую сам избрал на основе связей с культурной традицией, с одной стороны, и своими притязаниями на какую-то роль в мире поэзии — с другой. И каждому стихотворению, пользуясь спектроскопической терминологией (если принять условие её уместности в оценке стихотворений) присущ свой, одному ему свойственный оттенок цвета. И он может определяться, с известной долей вероятности, по настроению, которое присутствует, или навевается на читающего его. По аналогии с «цветовым» тестом Люшера, определяющим психологический портрет личности.

Почувствовать это может, прежде всего, человек, испытавший душевный резонанс с автором прочитанного стихотворения.

В «Единороге...» ощущаются меланхолия (лиловые тона), а также благодарность и надежда (красно-алые). В данном случае — надежда на выздоровление. Хотя поэт, наверное, не может выздороветь до конца, потому что в этом случае перестанет сопереживать страждущим, что равносильно лишению дара — таланта, данного свыше...

Доминируют здесь два цвета, однако лиловым и алым цветами не исчерпывается спектр красок. В нём есть вкрапления голубизны неба и переливы цветов утренней зари, пестрота цветущего поля и, конечно же, традиционная белизна Единорога (у Рильке: «Белёсый зверь с глазами, как у лани»). Удовлетворение от того, что с помощью Единорога поэт оказался дома, не зря прозвучало тонким финальным штрихом стихотворения, окрашенным в тона листопада.

Это стихотворение, с одной стороны, как нельзя лучше подтверждает, что настоящий поэт мыслит образами, а с другой — что человек, написавший это стихотворение, талантлив, и его поэтический мир своеобразен.

Для меня — человека, не обремененного обязательством следовать требованиям классической литературоведческой схемы, который делится впечатлениями о прочитанном стихотворении, многое прояснилось в последнем благодаря широкой палитре образов, на которые не поспешил его автор. Надеюсь, найдутся люди, которые согласятся со мной во многом из того, что я ощутил, читая и перечитывая «Единорога...». Это стихотворение, в котором многое читается между строк.

«Единорог в листопаде»

Ты прислала Единорога мне,
Он прибыл из старого мира,
Чтобы вынести из болезни, что жгла меня внутри,
Из лабиринта жара и показать дорогу дальше,
И дальше на далекое цветное поле,
Где удивляется тому, как кружатся бабочки, Небо,
А утром в полусне встает Солнце,
И купается в каплях росы Земля, Ветер
Перелистывает свои стихотворения в Книге,
В которой осталась Фея Листьев на Ночь
На стволе дерева, что дремало в звездной тишине,
Где были строки о болезни, что горела у меня внутри,
И о том, как по лабиринту жара, по гальке дня,
Когда я чувствовал, что наступает конец света,
Ты его — Единорога — прислала ко мне,
Чтобы Он показал путь через старые миры,
И принес меня по дороге сна домой
В листопад.

Берега Краеведения

Виктория Кириличева

Проект Парка маяков в Донском и маяки Янтарного края

Маяки — святыни морей. Они принадлежат всем и неприкосновенны, как полпреды держав.

Константин Паустовский

Посёлок городского типа Донское Светлогорского района за последние годы всё больше становится местом притяжения туристов — как калининградцев, так и гостей области. Они едут посмотреть не только на прекрасно сохранившийся с середины XIX века краснокирпичный маяк Таран, но и побродить по преображённому с недавнего времени, благоустроенному посёлку и увидеть то, чего нигде невозможно увидеть. Во весь торец пятиэтажного дома нарисован с высоким качеством какой-либо маяк мира. Каждый вновь отремонтированный дом своим фасадом знакомит с маяками России и мира. На берегу Балтийского моря появились силуэты таких, например, маяков, как Аркона, построенного по проекту известного архитектора Карла Шинкеля, Балтийского, Клайпедского, Гданьского, Кронштадского. «Святыни морей», по выражению писателя К. Паустовского, шагнули на мыс Таран по единодушному решению Совета депутатов муниципального образования «Посёлок Донское». Очень многое изменилось здесь с избранием Александра Ивановича Ярошенко главой этого ранее заброшенного, а теперь ставшего уникальным уголка Калининградской области. При поддержке Совета депутатов Светлогорского района (глава Светлогорского района — Г.М. Гольдман, глава администрации — А.В. Ковальский) были выделены средства на ремонт и покраску давно пришедших в плачевное состояние пятиэтажек, построенных Министерством обороны более двадцати-тридцати лет назад. Встречаясь с избирателями, Александр Иванович понял, что надо включить пятиэтажки Донского в программу капитального ремонта, облагородить их и сделать различие между домами тем, что на фасадах должны быть изображены маяки. Близость старинного маяка Таран вдохновляла. Ведь благодаря заботе работающих на маяке людей, он функционирует по всем правилам: его свет виден за сорок километров, в море выставлен светящийся буй, а в туманную погоду звучит сигналами звуковой маяк.

Для Александра Ярошенко очень важно опираться на Совет депутатов, состоящий из десяти человек. И все они образованные, творческие, ответственные, добросовестные люди. Добрые, рабочие отношения сложились с главой администрации Донского Алексеем Щепкиным.

Благодаря поддержке областного бюджета построены очистные сооружения, всем многодетным семьям посёлка выделены земельные участки для строительства индивидуальных жилых домов, а за счёт Федеральной целевой программы был завершён процесс газификации муниципального образования. Люди перешли на природный газ, который стоит в десять раз дешевле сжиженного, а главное — котельная, работавшая ранее на не всегда вовремя поставляемом мазуте, перешла на газ. Снизилась затраты, что благотворно сказалось не только на кошельках населения, но и на бюджете посёлка.

Средства, выделенные по Программе конкретных дел, были направлены на ремонт тротуаров, обустройство придомовых территорий, стоянок, сквера возле храма Владимирской иконы Божьей матери, огороженной спортивной площадки. На 2017 год запланировано строительство Дома культуры и детского сада. Александр Иванович мечтает о мостике через ручей, об удобном спуске к морю. На это требуются финансовые вложения. Где их взять?

Ум не спит. За плечами уникальный опыт, связанный с благоустройством посёлка, оригинальная идея в придании необычного вида посёлку. И вот новый импульс. А почему бы не построить здесь

Макет предполагаемого Парка маяков

Дом с изображением маяка в п. Донское

Парк маяков России, включая макеты маяков Калининградской области? Ведь чтобы объехать все шесть маяков на территории области, одного дня не хватит. А тем более, в соседней Польше уже такой Парк маяков есть.

В январе 2016 года состоялась встреча в Донском Александра Ярошенко с мастерами по изготовлению макетов маяков, которые давно уже делают их под заказ, участвуют в выставках макетов маяков России и мира. Макетных дел мастер Назар Козубский рассказал, что хочет открыть в Калининградской области парк миниатюр маяков в масштабе 1:10. И действительно, если такой парк построить, то он станет точкой интереснейшего туристического маршрута, куда захотят приехать многие. Помимо этого, есть энтузиасты, которые любят посещать маяки, изучать их историю. Есть клуб в Москве, который изучает маяки России. Там изготавливают символические печати маяков. Привёз такую печать Назар Козубский для маяка на мысе Таран (Брустенорт), получив её оттиск на листке А4 с подписью смотрителя маяка М.Я. Васильева и указанием даты посещения. Очень многие в России ездят на маяки и собирают, как марки, печати и подписи. В мире есть немало парков маяков. Ближайший к нам находится в городе Нихожи. Здесь представлены макеты маяков Балтийского побережья Польши с использованием новейших материалов, что, несмотря на атмосферное воздействие, позволило разместить их под открытым небом.

Есть уже макет предполагаемого Парка маяков у Назара Козубского. Александр Ярошенко осмотрел в Донском вместе с участниками проекта предполагаемое место будущего Парка маяков. Это пустырь около озера. Расчистят озеро, сделают дорожки, через ручей мостики ажурные перекинут, на что, естественно, требуются большие деньги. Было решено провести общественное слушание, составить программу проекта, включив в туристический маршрут. Донское будет развиваться. Разумеется, с народным участием, при поддержке администрации.

Неслучайно маякам посвящали стихи и целые книги, художники изображали их на своих полотнах, о маяках создано множество легенд. И всё это может найти отражение в Парке маяков. Каждый, кто приедет сюда, навсегда сохранит в своём сердце романтические воспоминания о море, отдыхе, встречах и знакомствах с историей маяков мира.

Маяки Янтарного края

На территории Калининградской области морские маяки стоят в Балтийске, на мысе Таран, на мысе Гвардейском, на берегу Куршского залива: в посёлке Заливино Полесского района, в посёлках Лесное и Рыбачий на Куршской косе.

Главный и старейший маяк — Балтийский.

Это символ города Балтийска, красивейшее его здание. И это не удивительно. Ведь его спроектировал один из самых знаменитых во всём мире архитекторов первой половины XXI века — Карл Шинкель. Как же маленький городок Пиллау заполучил такого великого европейского архитектора? Начальником гарнизона Пиллау был дворянин фон Тресков. Его семье принадлежал

замок Овински (сегодня деревня Овинска, в 12 км от города Познань), где останавливался во время своего путешествия Шинкель. Он сделал набросок маяка для замкового парка, увлёкся идеей маяков. По проекту Шинкеля построены были маяки на острове Рюген — на мысе Аркона, и в Пиллау (Балтийске). Здесь маяк впервые зажжёт свой огонь 8 февраля 1813 года. Строил маяк водный архитектор Шульц, который умер в 1813 году в тридцатилетнем возрасте. Фундамент маяка состоит из тяжёлых полевых камней, которые заложены между полутораметровыми сваями, связанными тяжёлыми цепями. У основания стены маяка имеют толщину в один метр, но по мере увеличения высоты, стены утончаются. Высота маяка — 33,2 м. Огонь находится на высоте 29,15 м над уровнем моря. Дальность действия — 16 миль. Лампа маяка $W = 1000$. ПСЗ — 300w. Линза системы Френеля. В 1830 году маяк не светил в летние месяцы. В 1842 году были установлены новые лампы с новыми зеркалами. Сначала огонь маяка был виден только с моря. Мигающий огонь был установлен в 1913 году. До 1930 года цвет маяка был белым. Затем верхняя часть его стала красной, и таким мы его видим до сегодняшнего дня. До 1910 года маяк был одновременно и лоцманской башней. Каждый день по 126 ступенькам работники маяка поднимаются наверх по винтовой лестнице с пятью пролётами, чтобы предупредить неисправности. Характеристика Балтийского маяка: 9 секунд — свет, 3 — темнота. И по этому режиму моряки узнают путь домой.

После войны он был введён в действие 2 сентября 1945 года.

Много лет начальником маяка был Пётр Никитович Белик. Мы были с ним хорошо знакомы. Он рассказывал: «Пришёл к командиру гидрографии, и пока мы общались, я не сомневался, что буду работать на маяке. Специалистов не хватало, а я радиотехнику знал и любил. Работать было очень сложно. Людей было мало, а содержание техники и маяка требовало огромных усилий. Но справлялись хорошо». «В мои годы, — продолжал Пётр Никитович, — развернули социалистическое соревнование между маяками. Очень много приходилось работать, но никто не жаловался. Был замечательный коллектив, люди работали самоотверженно. Наш маяк занимал всё время призовые места среди маяков Шунтой, Нида, Пионерский, Таран и другими. Очень много ездили по маякам, перенимали лучшее. А наш гремел славой на флоте, у нас перенимали опыт, приезжали на трёхдневные сборы. Хотя заработная плата была небольшой (оклад был 75 рублей), но работали с энтузиазмом». Позже на маяк пришла работать дочь Петра Никитовича, Наталья Петровна Гирба.

Валерий Яковлевич Безуглов сменил П.Н. Белика: «В настоящее время уровень техники позволяет благодаря спутниковой системе определить местоположение корабля в любой точке морей. Но наш маяк не потерял своей актуальности, потому что при подходе в Калининградский морской канал, чтобы попасть в ворота между Северным и Южным молом, штурман должен совместить два огня. От подходного буя огонь маяка и огонь переднего створного знака, находящегося в районе вертолётной площадки и работающего в том же режиме, что и маяк, должны совпасть, тогда корабль впишется между молами в фарватер. А проходя по каналу, корабль ориентируется по створам, которые существуют ещё с досоветских времён».

Территория маячного дворика поражает своей ухоженностью, благоустроенностью. Маленький сад, цветы, мастерские, складское помещение, котельная — всё в безупречном порядке. Башня тоже покрашена в красно-белый цвет, обновлены ступеньки.

— Законом РФ задачи навигационного гидрографического обеспечения возложены на гидрографические службы флотов, — рассказывает в прошлом главный гидрограф Балтийского флота М.Я. Васильев. — Нам необходимо изучать форму и рельеф дна, выделить наиболее опасные места, обозначить их на местности специальными буями различного назначения: светящиеся и несветящиеся, различных раскрасок. Для обеспечения мореплавания вблизи берегов устанавливаются различные знаки, огни, маяки. В Балтийске один маяк — световой — является заднестворным знаком, который обозначает фарватер. А второй — радиомаяк. Средства радионавигационного оборудования разные, в том числе и спутниковые. Так как появилась глобальная спутниковая навигационная система, высокоточная система, мы её внедряем. Мы поставили контрольно-корректирующую станцию. Маячная служба разделена на районы, участки, чтобы работать постоянно, бесперебойно. Отслеживаются буи, чтобы покрасить, установить на их штатные места, обеспечить маяки всем необходимым, в том числе в труднодоступных местах. Изучение моря, акватории, создание навигационных, магнитных и других карт, пособий, руководств для плавания — наша задача.

А.Ковальский и А. Ярошенко на маяке Таран

Маяк Таран на довоенной немецкой открытке и в наше время

Маяк Балтийский

Маяк на мысе Гвардейский

Маяк в посёлке Лесное

Маяк в Заливино

Маяк Рыбачий

Маяк Таран

Второй маяк по своей значимости — Таран (Брустерорт) — находится на северо-западном выступе Калининградского полуострова. Мыс Брустерорт переименован в Таран в 1947 году, а маяк — в 1963. Огненный маяк на этом месте существовал с 1700 года. Он представлял собой вышку, на вершине которой по ночам зажигали огонь в конфоре. В 1820-х годах была построена новая вышка с огнём в виде фонаря с тремя параболическим рефлекторами. А в 1846 году была возведена красная восьмиугольная башня с чёрной куполообразной крышей, которую мы можем увидеть и сегодня. Высота Тарана — 30, 5 м. С этого времени маяк светил белым постоянным огнём. В 1936 году на башне был установлен светооптический аппарат фирмы «Пинч», который создавал белый групповой проблесковый огонь. Проблесковую характеристику создавали три вращающиеся ширмы. Во время войны маяк практически не пострадал и был быстро введён в строй. В 1947 году был установлен в 120 метрах от маяка наутофон и радиомаяк.

В 1956 году в фонарном сооружении был смонтирован новый светооптический аппарат с белым групповым проблесковым огнём. Огонь маяка Таран виден за 21 милю. Фундамент его выполнен из бутового камня. Купол крыши покрыт воронёной медью.

Первым начальником маяка был назначен в 1945 году старшина первой статьи В. Зайцев. Его сменил Сергей Александрович Теряев, который проработал на маяке 36 лет. Ему помогали специалисты Николай Максимович Куликов, Иван Фёдорович Антошкин, отдавшие маячной службе по 40 лет. В период социалистических соревнований маяк надёжно в течение долгих лет удерживал переходящее красное знамя. Маяк надёжно обеспечивает безопасность мореплавания у берегов Балтийского моря.

Маяк в Заливино

Маяк в Заливино (Лабагинен, Риндерорт) Головкинского сельского поселения Полесского района построен в 1868 году, сначала он был деревянным. Это третий маяк в Калининградской области довоенной постройки, но уже недействующий, разорённый полностью, разрушающийся. Огонь там был двухсекторный: красный и белый. Видимость — 7 и 12 миль, соответственно. Высота маяка — 15,3 м. Характеристики огня: свет — 3 секунды, темнота — 2 секунды, период — 5 секунд, высота огня — 14,3 м. Кирпичный маяк построен в 1914 году.

Добираться к маяку затруднительно, надо идти пешком по заросшей влажной дороге. Он находится в полутора километрах от посёлка Заливино. Поднявшись по сохранившейся лестнице, вы насладитесь прекрасным видом на Куршский залив с 15-метровой высоты.

21 января 1945 года посёлок освободили воинские части 3-го Белорусского фронта. В 1946 году посёлок был переименован в Заливино. В советское время в посёлке действовал рыбколхоз «Доброволец».

Маяки Калининградской области послевоенной постройки.

Маяк на мысе Гвардейский

Мыс Гвардейский — это выступ берега в море в районе пос. Заостровье (северное побережье Калининградского полуострова). Высота берегового склона здесь составляет около 8 метров. Маяк был построен в 1979 году в 6,5 милях от Зеленоградска, к северо-западу от города. Дальность видимости огня — 18 миль. Представляет собой чёрно-белый цилиндр на ажурной четырёхгранной башне. Его высота — 40 метров.

На мысе ранее действовал маяк (его вышка в повреждённом виде ещё находится там), но в связи с высокой вероятностью обрушения из-за активной абразии берега, он был демонтирован. Новый автоматический маяк Гвардейский установлен на несколько сотен метров в глубь полуострова.

С берега открывается вид на остатки греческого корабля «Анна Форет», потерпевшего крушение в 70-х годах двадцатого века.

Маяк Лесной

Маяк в посёлке Лесное на Куршской косе был построен в 1982 году. Дальность видимости огня — 17 миль. Это сооружение высотой 40 метров представляет собой красный цилиндр с белой горизонтальной полосой на ажурной четырёхгранной башне. Он обеспечивал безопасность судоходства по Куршскому заливу. Посёлок находится в 11 км от Зеленоградска, на трассе Калининград–Клайпеда. Здесь Куршская коса имеет минимальную ширину — 300 метров. До войны посёлок назывался Заркау.

В 60-х годах XX века в Лесном был организован рыболовецкий колхоз «Труженик моря». С древнейших времён рыболовство было и сейчас является одним из основных видов деятельности населения.

Маяк Рыбачий

Маяк Рыбачий был построен в 1950 году. Он находится в шести кабельтовых к северу от посёлка Рыбачий, на Куршской косе, на дюне Чёрная. Дальность видимости огня — 17 миль. Его высота — 24 метра. Представляет собой красно-белую четырёхгранную усечённую пирамиду с площадкой, на которой находится маячный излучитель. Так же, как и Лесной, Рыбачий построен для обеспечения безопасности судоходства в Куршском заливе

Наши друзья

Советуем читать:

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17, кв. 65

Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru

Журнал «Великоросс»: http://www.velykoross.ru/journals/all/journal_29/article_1253/

Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistского-masterstva-slava-rossii>

Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>

Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>

Русский народный дом: <http://rusnardom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>

Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru

Журнал «Новая Немига литературная»

Портал Переправа <http://pereprava.org/>

Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org

Русская народная линия <http://www.rusklina.ru>

Журнал «Подъем» — <http://www.podiem.vsi.ru>

Поддержка журналу

Дорогие друзья!

Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 400 руб.

Подписка на год — 2400 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты
выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru